

62(11) 2019

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ФН

**RUSSIAN JOURNAL OF
PHILOSOPHICAL SCIENCES**

- ◆ *МИФОЛОГИЗИРОВАННОЕ БЫТИЕ*
- ◆ *МАРГИНАЛИЗАЦИЯ ДОБРОДЕТЕЛИ*
- ◆ *МИР ЯЗЫЧЕСТВА*
- ◆ *ХРОНОТОП ПРОВИНЦИИ*
- ◆ *КУЛЬТУРНЫЕ ФЕРМЕНТЫ*
- ◆ *СОПЕРЕЖИВАЮЩЕЕ ВРАСТАНИЕ*
- ◆ *АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА*

МОСКВА
ГУМАНИТАРИЙ

MOSCOW
HUMANIST PUBLISHING HOUSE

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Том 62. № 11/2019

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года. Выходит ежемесячно

Журнал включен в «Реферативный журнал» и в базы данных
ВИНИТИ РАН, в базу данных **Russian Science Citation Index (RSCI)**
на платформе **Web of Science** компании Clarivate Analytics.

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям
«**Ulrich's Periodicals Directory**»

Переводные статьи журнала индексируются в **Web of Science**

DOI: 10.30727/0235-1188

Москва
Гуманитарий

Международная редакционная коллегия

Председатель международной редакционной коллегии **Гусейнов А.А.**

Амилеби С.А., д.филос., проф. Ун-та Джорджа Вашингтона (США);
Бараш Дж.Э., д.филос., проф. Ун-та Пикардии им. Ж. Верна (Франция);
Брес И., проф., гл. ред. «Revue philosophique de la France et de l'étranger» (Франция);
Даллмайр Ф.Р., д.филос., проф. Ун-та Нотр-Дам (США); **Дени М.**, д.филос., проф., координатор отношений и международных проектов с Россией и странами Восточной Европы Ун-та Бордо им. Монтеня (Франция); **Майнцер К.**, проф. Мюнхенского технического университета, научный директор Академии им. Карла фон Линде (Германия); **Тиханов Г.**, д.филос., зав. кафедрой сравнительного литературоведения Лондонского ун-та Королевы Марии (Великобритания); **Чжан Байчунь**, проф. Пекинского педагогического университета (Китай); **Штольценберг Ю.**, д.филос., проф. Ун-та Галле-Виттенберга им. М. Лютера (Германия); **Эпштейн М.**, проф. Ун-та Эмори (США), директор Центра обновления гуманитарных наук Даремского ун-та (Великобритания); **Эспехо Р.**, д.филос., президент Международной организации систем и кибернетики (Великобритания), приглашенный проф. Ун-та Сантьяго (Чили).

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии **Смирнов А.В.**

Автономова Н.С., ак. Академии гуманитарных исследований (АГИ), д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Алексеев П.В.**, д.филос.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Апресян Р.Г.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. сектором ИФ РАН; **Аршинов В.И.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Блауберг И.И.**, д.филос.н., в.н.с. ИФ РАН; **Вдовина И.С.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Водолазов Г.Г.**, ак. Академии политической науки (АПН), вице-президент АПН, проф. МГИМО (У); **Губин В.Д.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. кафедрой истории зарубежной философии РГГУ; **Гусейнов А.А.**, ак. РАН, научный руководитель ИФ РАН; **Давыдов А.П.**, д.культурологии, гл.н.с. ИС РАН; **Доброхотов А.Л.**, ак. АГИ, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ; **Дубровский Д.И.**, д.филос.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Журавлев А.Л.**, ак. РАН, научный руководитель ИП РАН; **Лепский В.Е.**, д.психол.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Миронов В.В.**, чл.-кор. РАН, декан филос. фак-та МГУ им. М.В. Ломоносова; **Михайлов И.А.**, к.филос.н., с.н.с. ИФ РАН; **Мотрошилова Н.В.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Пантин В.И.**, ак. АПН, зав. отделом ИМЭМО РАН; **Пивоваров Ю.С.**, ак. РАН, научный руководитель ИНИОН РАН; **Порус В.Н.**, д.филос.н., руководитель Школы философии фак-та гум. наук НИУ ВШЭ; **Пружинина А.А.**, к.филос.н.; **Розин В.М.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Рябов В.В.**, чл.-кор. РАО, президент МГПУ; **Северикова Н.М.**, к.филос.н., заслуж.н.с. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Сиземская И.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Смирнов А.В.**, ак. РАН, академик-секретарь Отделения общественных наук РАН, директор ИФ РАН; **Смолин О.Н.**, ак. РАО, 1-й зам. пред. комитета ГД ФС РФ по образованию и науке; **Степанянц М.Т.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. кафедрой ЮНЕСКО ИФ РАН; **Тульчинский Г.Л.**, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ (СПб); **Турбовской Я.С.**, д.пед.н., председатель Координационного совета Института стратегии развития образования РАО; **Федотова В.Г.**, ак. РАЕН, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Черниговская Т.В.**, чл.-корр. РАО, д.б.н., д.ф.н., проф., зав. кафедрой СПбГУ; **Шевченко В.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН.

Редакция:

Ответственный секретарь **Пружинина А.А.**

Ответственный редактор **Алексеева Е.А.**

Редактор отдела культурологии и религиоведения **Дуркин Р.А.**

Верстка: **Топилина В.М.**

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.info>

Шеф-редактор **Мариносян Х.Э.**

THE MINISTRY OF SCIENCE
AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION

ACADEMY FOR
RESEARCH INTO
THE HUMANITIES

ФН

RUSSIAN JOURNAL OF
PHILOSOPHICAL SCIENCES
(FILOSOFSKIE NAUKI)

Vol. 62. No. 11/2019

Scientific and Educational Journal
Published since the Year 1958. Issued Monthly

The journal is listed in the *Abstracts Journal* and **databases of the VINITI** (All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences), in the **Russian Science Citation Index (RSCI)** database on the platform of Clarivate Analytics' **Web of Science**. The information about the journal is published annually in the international information system on serial publications
Ulrich's Periodicals Directory

Translated articles of the journal are indexed by the **Web of Science**

DOI: 10.30727/0235-1188

Moscow
Humanist Publishing House

International Editorial Board:

Chairman of the International Editorial Board **Guseinov A.A.**

Barash J.A., Dr., Prof., Jules Verne University of Picardy (France); **Brès Y.**, Dr., Prof. em., Paris Diderot University – Paris 7, Editor-in-Chief of the *Revue philosophique de la France et de l'étranger* (France); **Dallmayr F.R.**, Ph.D., Packey J. Dee Professor at the University of Notre Dame (USA); **Dennes M.**, Dr., Prof., coordinator of relations and international projects with Russia and other Eastern European countries, Montaigne Bordeaux 3 University (France); **Epstein M.**, Ph.D., S.C. Dobbs Prof. at Emory University (USA), Director of the Centre for Humanities Innovation at Durham University (UK); **Espejo R.**, Ph.D., President of the World Organisation of Systems and Cybernetics (UK), Visiting Prof. at the University of Santiago (Chile); **Mainzer K.**, Dr., Prof. em., Technical University of Munich (Germany); **Stolzenberg J.**, Dr., Prof. em., Martin Luther University of Halle-Wittenberg (Germany); **Tihanov G.**, Ph.D., George Steiner Professor of Comparative Literature at Queen Mary University of London (UK); **Umpleby S.A.**, Ph.D., Prof., The George Washington University (USA); **Zhang Baichun**, Prof., Beijing Normal University (China).

Editorial Board:

Chairman of the Editorial Board **Smirnov A.V.**

Alexeev P.V., D.Sc., Prof., Lomonosov Moscow State University (MSU); **Apressyan R.G.**, D.Sc., Head of the Department, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (IPhRAS); **Arshinov V.I.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Avtonomova N.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Blauberg I.I.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Chernigovskaya T.V.**, RAE Corr Memb., D.Sc., Prof., Head of the Department at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Davydov A.P.**, D.Sc., Prin. Res.Fell., Institute of Sociology of the RAS; **Dobrohotov A.L.**, D.Sc., Prof., National Research University Higher School of Economics (NRU HSE); **Fedotova V.G.**, RANS Full Memb., Prin.Res.Fell., IPhRAS, Ph.D.; **Gubin V.D.**, D.Sc., Head of the Department of the History of Foreign Philosophy at the Russian State University for the Humanities; **Guseynov A.A.**, RAS Full Memb., Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Lepskiy V.E.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Mikhaylov I.A.**, Ph.D., Sen. Res.Fell., IPhRAS; **Mironov V.V.**, RAS Corr. Memb., Dean of the Faculty of Philosophy at the MSU; **Motroshilova N.V.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Pantin V.I.**, Academy of Political Sciences (Russia) Full Memb., Head of the Department at the Institute of World Economy and International Relations of the RAS; **Pivovarov Yu.S.**, RAS Full Memb., Scientific Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS; **Porus V.N.**, D.Sc., Head of the Department at the NRU HSE; **Pruzhinina A.A.**, Ph.D.; **Rozin V.M.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Ryabov V.V.**, RAE Corr. Memb., President of the Moscow City Teacher Training University; **Severikova N.M.**, Ph.D., Honour.Res.Fell., Faculty of Philosophy, MSU; **Shevchenko V.N.**, D.Sc., Prin.Res. Fell., IPhRAS; **Sizemskaya I.N.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Smirnov A.V.**, RAS Full Memb., Academician-Secretary of the Department of Social Sciences of the RAS, Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Smolin O.N.**, RAE Corr. Memb., First Deputy Chairman of the Russian State Duma Committee for Education; **Stepanyants M.T.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., UNESCO Chairholder at the IPhRAS; **Tulchinskii G.L.**, D.Sc., Prof., NRU HSE (St. Petersburg); **Turbovskoy Ya.S.**, D.Sc., Chairperson of the Coordination Council at the Institute for the Theory and History of Pedagogy of the RAE; **Vdovina I.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Vodolazov G.G.**, APS Full Memb., Vice President of the Academy of Political Sciences (APS), Prof., Moscow State Institute of International Relations; **Zhuravlev A.L.**, RAS Full Memb., Chief Scientific Officer of the Institute of Psychology of the RAS.

Editorial Staff:

Executive Secretary **Pruzhinina A.A.**

Responsible Editor **Alekseeva E.A.**

Cultural and Religious Studies Department's Editor **Durkin R.A.**

Page Layout: **Topilina V.M.**

E-mail: **academyRH@list.ru**

<http://www.phisci.info>

Editor-in-Chief **Marinosyan Kh.E.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

МИР РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Философия хронотопии ■

<i>М.В. ГРУЗДЕВ (Ярославль)</i>	Мир российской провинции: научная проблема и жизненная среда	7
<i>Т.С. ЗЛОТНИКОВА (Ярославль)</i>	Провинциальный дискурс русской культуры	14
<i>Е.Я. БУРЛИНА (Самара), Н.В. БАРАБОШИНА (Самара), Л.Г. ИЛИВИЦКАЯ (Самара)</i>	Выход в город и хронотопия: история, повседневность, будущее	27

ФИЛОСОФИЯ. ИСКУССТВО. СОЦИУМ

Музыка и человек ■

<i>А.С. КЛЮЕВ (Санкт-Петербург)</i>	Музыкальное воспитание, образование и обучение в феноменологическом осмыслении	46
<i>И.В. ЮРОВА (Санкт-Петербург)</i>	Суггестивный потенциал музыки в формировании личности	56

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Моральная философия. Генезис и развитие ■

<i>О.В. АРТЕМЬЕВА</i>	Трансформация понятия добродетели в британской моральной философии XVIII в.	67
-----------------------	---	----

Феномен универсальности в морали ■

<i>R.S. PLATONOV (Р.С. ПЛАТОНОВ)</i>	Moral Universality in J.S. Mill's Utilitarianism Роль универсальности в этике Дж.С. Милля)	84
--	---	----

КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Процесс. Результат. Осмысление ■

<i>Л.А. МАРКОВА</i>	Наука не совокупность результатов, а способ их получения	96
---------------------	--	----

Философия сознания ■

<i>А.Ю. АЛЕКСЕЕВ</i>	Общесуффиксалистский концепт искусственной потребности как основа общего искусственного интеллекта	111
----------------------	--	-----

РУССКОЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

Посвящается 225-летию П.Я. Чаадаева

Философское краеведение ■

<i>А.А. КАРА-МУРЗА</i>	Итальянское путешествие Петра Чаадаева. Часть II. Рим – Венеция (1825)	125
------------------------	--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приглашение к размышлению ■

<i>А.С. ЗАПЕСОЦКИЙ</i>	Объективность научного исследования как этическая и политическая позиция (рецензия на книгу П.П. Толочко «Украина между Россией и Западом»)	144
<i>Х.П. КРОТЕВ (Благоевград, Болгария)</i>	Рецензия на книгу А.С. Клюева «Сумма музыки»	154

CONTENTS

THE WORLD OF RUSSIAN PROVINCE

Philosophy of Chronotopia ■

<i>M.V. GRUZDEV (Yaroslavl)</i>	The World of Russian Province: A Scientific Problem and Living Environment	7
<i>T.S. ZLOTNIKOVA (Yaroslavl)</i>	Provincial Discourse of Russian Culture	14
<i>E.Y. BURLINA (Samara), N.V. BARABOSHINA (Samara), L.G. ILIVITSKAYA (Samara)</i>	Exit to the City and Chronotopia: History, Everyday Life, Future	27

PHILOSOPHY. ART. SOCIETY

Music and Man ■

<i>A.S. KLUJEV (Saint Petersburg)</i>	A Phenomenological Understanding of Music Upbringing, Education and Training	46
<i>I.V. YUROVA (Saint Petersburg)</i>	Suggestive Potential of Music for the Formation of Personality	56

PHILOSOPHY AND CULTURE: THE TEMPORAL CONTEXT

Moral Philosophy. Genesis and Development ■

<i>O.V. ARTEMYEVA</i>	Transformation of the Concept of Virtue in the British Moral Philosophy of 18 th Century The Phenomenon of Universality in Morality	67
-----------------------	---	----

The phenomenon of Universality in Morality ■

<i>R.S. PLATONOV</i>	Moral Universality in J.S. Mill's Utilitarianism	84
----------------------	--	----

COGNITIVE SPACE

Process. Result. Comprehension ■

<i>L.A. MARKOVA</i>	Science as not a Set of Results but the Way of Obtaining Them Philosophy of Consciousness	96
---------------------	--	----

Philosophy of Consciousness ■

<i>A.Y. ALEKSEEV</i>	The General Functionalist Concept of Artificial Need as the Basis of Artificial General Intelligence	111
----------------------	--	-----

RUSSIAN INTELLECTUAL HERITAGE

Philosophical Area Study ■

On the 225th Anniversary of the Birth of P.Ya. Chaadaev

<i>A.A. KARA-MURZA</i>	Pyotr Chaadaev's Journey to Italy. Part Two: Rome – Venice (1825)	125
------------------------	---	-----

SCIENTIFIC LIFE

Invitation to Reflection ■

<i>A.S. ZAPESOTSKY</i>	Objectivity of Scientific Research as an Ethical and Political Position (Book Review: P.P. Tolochko. <i>Ukraine between Russia and the West: Historical and Nonfiction Essays</i>)	144
<i>H.P. KROTEV (Blagoevgrad, Bulgaria)</i>	Book Review: A.S. Klujev. <i>The Summa of Music</i>	154

МИР РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Философия хронотопии

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-7-13

Введение в рубрику

Section introduction

Мир российской провинции: научная проблема и жизненная среда

М.В. Груздев

*Ярославский государственный педагогический университет,
имени К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия*

Груздев Михаил Вадимович – доктор педагогических наук, ректор Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского.

rector@yspu.org

Для цитирования: Груздев М.В. Мир российской провинции: научная проблема и жизненная среда // Философские науки. 2019. Т. 62. № 11. С. 7–13. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-7-13

The World of Russian Province: A Scientific Problem and Living Environment

M.V. Gruzdev

Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia

Mikhail V. Gruzdev – D.Sc. in Pedagogy, Rector of the Yaroslavl State Pedagogical University.

rector@yspu.org

For citation: Gruzdev M.V. (2019) The World of Russian Province: A Scientific Problem and Living Environment. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 11, pp. 7–13.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-7-13

Двуединство провинции – как научной проблемы и жизненной среды – утвердилось в современных исследованиях и образовательном процессе. Ушли в прошлое или, по крайней мере, не рассматриваются в качестве заслуживающих внимания представления о провинции как о консервативном и малопродуктивном ареале, как о поэтической метафоре и сфере обитания странных людей. Несмотря на то, что русская культура неоднократно давала материал для формирования именно таких взглядов, будь то литературные произведения о помещиках или крестьянах, живописные произведения – скромные камерные пейзажи, – современное видение провинции существенно обновилось. Это, с одной стороны, является выражением реальных социально-экономических процессов, с другой стороны, результатом научных исследований и их продвижением в социокультурную сферу нашей страны.

Появление в журнале «Философские науки» специальной рубрики «Мир российской провинции», где исследователи, работающие в разных регионах России, могли бы последовательно формировать культурфилософские, социально-философские, нравственно-философские, философски-эстетические представления об исторической ретроспективе и актуальных проблемах российской провинции, мы считаем важным в научном отношении событием. Необходимость появления такой рубрики не вызывает сомнения.

Современная российская гуманитаристика в настоящее время уже вполне органично рассматривает такой инвариант социокультурной среды, как провинция, которой, в свою очередь, посвящаются исследования в междисциплинарной научной области, именуемой «провинциология».

Сегодня можно говорить о новой научной тенденции, сформировавшейся в России в последние три десятилетия, – соединении академических исследований и социально-нравственных акций, в которых провинция интерпретируется как значимый и многогранный культурный феномен, требующий серьезного, системного изучения и развития. При этом отношение к данному феномену не может выражаться в негативных или позитивных коннотациях¹. С особым уважением и благодарностью подчеркнем, что у истоков

¹ См.: Злотникова Т.С. Провинция // Культурология. Энциклопедия. В 2 т. Т.2 / главный редактор и автор проекта С.Я. Левит. – М.: РОССПЭН, 2007. С. 290–297.

этой тенденции, наряду с коллегами из некоторых других регионов России, например, из Самары, Екатеринбурга, Мордовии, находятся ученые Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского. Именно поэтому в 2017 г. было принято решение, поддержанное многими российскими учеными и педагогами, в том числе из Москвы и Санкт-Петербурга, открыть под руководством профессора Т.С. Злотниковой Национальный исследовательский центр «Мир русской провинции», о чем еще будет сказано ниже.

Отечественная провинциологическая школа с ее социокультурными, культурфилософскими, историко-культурными и культурно-образовательными гранями – это продукт деятельности, прежде всего, собственно жителей провинции. В 1993 г. в Ярославском педагогическом университете (тогда – институте) была проведена и нашла отражение в соответствующем издании² неожиданно масштабная научная акция, посвященная провинции. Аналогичная научная акция была до этого проведена в Самаре («Мифы русской провинции»). На призыв к осмыслению провинции как значимого культурного феномена откликнулись ведущие отечественные философы, искусствоведы, филологи, заявили о себе, что было важно в ситуации самоидентификации самой науки, культурологи. Значима была география, представленная участниками той конференции: это была и провинция – Кострома, Самара, Саранск, Екатеринбург, и столицы – Москва, Санкт-Петербург. Для ярославских студентов и молодых преподавателей этот научный рубеж обозначил переход к интеллектуальному и социально-нравственному самопознанию, возможность равноправно с другими участниками научной жизни работать в масштабных измерениях.

Именно с конференции «Русская провинция и мировая культура» началось параллельное развитие двух тенденций: научной, связанной с изучением исторических событий и культурного опыта отдельных групп и персон, и нравственно-социальной, связанной с формированием у жителей провинции понимания и восприятия себя как полноценных, востребованных, самостоятельных и успешных людей. Уже позднее ярославскими культурологами было сформулировано следующее положение: научные исследования, теоретические обоснования культурного опыта и

² Русская провинция и мировая культура / научный редактор Т.С. Злотникова. – Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1993.

социокультурные, скрупулезно и неоднократно проводившиеся опросы направлены на то, чтобы «помочь современному российскому провинциалу знать о себе, понимать смысл происходящих и предстоящих событий, влиять на собственную судьбу и противостоять моде на социально-культурную деструктивность»³.

Преимственность процессов научной и образовательной работы Ярославской культурологической школы в сфере многоаспектного изучения русской провинции нашла отражение в открытии на базе ЯГПУ уже упомянутого нами Национального исследовательского центра «Мир русской провинции» (далее – Центр), успешно объединяющего студентов, преподавателей, молодых и ведущих ученых из разных регионов России для реализации научно-исследовательских проектов и культурно-просветительской деятельности.

Таким образом, наряду с научно-исследовательской парадигмой мы говорим о парадигме социально-культурной, поскольку смысл работы центра – это и формирование у жителей огромной русской провинции самоуважения, особенно важного для молодежи представления о своем праве на внимание и понимание; но это и формирование значимого для руководителей регионов и относительно небольших ареалов России представления о смысле жизни отдельного человека в большой России и локальной провинции, ибо человек должен «сгодиться» и быть востребован на своей Родине.

Центр, одно из направлений деятельности которого мы представляем в журнале «Философские науки» серией публикаций, создан на основе работы, проводившейся представителями ярославской культурологической школы, с одной стороны, и учеными иных научных специальностей (лингвистики, географии, истории, литературоведения) – с другой. Открывая Центр, мы придавали ему значение нового коммуникативного пространства, в котором не только проводятся конференции и защищаются диссертации, но и аккумулируются идеи и результаты работы многих исследователей из многих регионов. Причем мы учитывали интересы не только собственно научной общественности, но и школьников, экскурсантов, практиков, работающих в сфере культуры, и менеджеров. Мы полагали, опираясь на сформированный опыт научной коммуникации, что Центр закрепится в сознании российской научной общественности как инвариант интерактивной платформы, используемой для

³ Злотникова Т.С., Ерохина Т.И., Новиков М.В. Человек в современной российской провинции (концепция и направления социокультурного исследования) // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 3. С. 222.

обсуждения, апробации идей и проектов, помогающей найти отклик на уровне межличностного общения и коллективного признания.

Ярославская культурологическая научная школа стала центром, аккумулирующим идеи и людей, коллег-ученых, начинающих и опытных, желающих защищать диссертации и участвовать в коллективных исследованиях, конференциях, публикациях. Миссия Центра многоаспектна и связана с формированием инновационной парадигмы изучения культуры русской провинции, с обоснованием проблематики массовой культуры в русской провинции, с актуализацией таких историко-культурных и социокультурных кластеров, как «музей – городская среда – житель/гость», «социум – образование», «социум – традиции – религиозная жизнь», «управление – общественное мнение/массовое сознание – регион – Россия», «наука – культурно-просветительская деятельность – работа СМИ». Миссию Центра мы с коллегами видим и в уже признанной, но от этого не становящейся менее значимой, более того, активно востребованной в России объединяющей роли ярославских ученых, готовых консультировать, модерировать усилия коллег и способствовать продвижению интересных научных и просветительских начинаний.

Особое значение в деятельности Центра и в актуализации проблематики, связанной с русской провинцией, приобретают задачи собственно академического порядка, направленные на интеграцию сформировавшихся и вновь формируемых концепций изучения русской провинции и соотнесения этих концепций с современными социальными, экономическими, социокультурными вызовами.

В числе партнеров Центра научные и образовательные учреждения, организации сферы культуры как Ярославской области, так и других регионов России (Институт философии РАН; Институт искусствознания Министерства культуры РФ; РАНХиГС; ВШЭ; МГЛУ; РГПУ им. А.Н. Герцена; РХГА; Гуманитарный университет; СамГИК и Самарский медицинский университет; Национальный исследовательский университет «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева»; Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова; ЯГТИ; ЯрГУ; МУБиНТ; Ярославский художественный музей; Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», Центральная библиотечная система г. Ярославля и др.).

Деятельность Центра связана с инициированием и проведением крупных научных и научно-практических мероприятий, а также с научно-методическим обеспечением социокультурных, культурно-образовательных, историко-культурных, художественно-творческих акций на различных территориях русской провинции. С гордостью хочется отметить коллективные научные исследования в контексте проблематики работы Центра. В рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (2009–2013 гг.) было проведено исследование «*Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах*». В рамках Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009–2010 гг.), проект № 2,1.3/1547 – исследование «*Методология интегративных исследований российского универсума “провинциальный исторический город”*»⁴.

Многочисленные грантовые мероприятия и исследования (Грант РГНФ 10-03-14063г – конференция «Образы города в горизонте российской динамики», 2010; Грант РГНФ 12-03-00137 «Культурфилософское обоснование трансформаций российского опыта в контексте глобального и локального», 2012–2014; Грант РГНФ 14-03-18002 «Человек в современной российской провинции, социокультурное исследование приоритетов и перспектив», 2014; Грант РФФИ 14-18-01833 «Текст и контекст массовой культуры: российский дискурс», 2014–2018; Грант РГНФ 15-03-00655 «Пограничность как философско-эстетический модус русской культуры», 2015–2017) свидетельствуют о фундаментальности разработанной ярославскими культурологами концепции русской провинции, о востребованности полученных в ходе продолжительной научной деятельности результатов⁵.

⁴ Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах: коллективная монография / под науч. ред. Т.С. Злотниковой, Т.И. Ерохиной, Н.Н. Летиной, М.В. Новикова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013; Исторический город русской провинции как культурный универсум: учебное пособие / науч. ред. Т.С. Злотникова, М.В. Новиков, Н.А. Дидковская, Т.И. Ерохина. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010.

⁵ Образы города в горизонте российской динамики: научный сборник / отв. ред. М.В. Новиков, Т.С. Злотникова, Т.И. Ерохина. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010; Культурфилософское обоснование трансформаций российского опыта в контексте взаимодействия глобального и локального: коллективная монография / под науч. ред. М.В. Новикова, Т.С. Злотниковой, Т.И. Ерохиной. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2014; Злотникова Т.С., Ерохина Т.И., Новиков М.В. Человек в современной российской провинции (концепция и направления социокультурного исследования) // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 3. С. 218–223; Густякова Д.Ю.,

Традиционно вопросы, касающиеся обобщения и продвижения знаний о русской провинции, рассматриваются на конференциях, которые проводятся прежде всего в ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. Знаковыми мероприятиями для университета и Центра стали конференции, объединившие ведущих исследователей провинциальной проблематики: «Творческая личность», «Проблемы российского самосознания: Максим Горький и русская провинция» (2016, 2018), «Развитие кадрового потенциала сферы культуры» (2019).

Деятельность Центра и ярославской культурологической школы находит отражение в многочисленных кандидатских и докторских диссертациях, посвященных таким темам, как деревянная архитектура Русского Севера (А.Б. Пермиловская); взаимоотношения Л. Толстого и Русской Православной Церкви (Ю.Л. Ореханов); русские колокола и родовые связи региональных семей; архитектурный облик городов (Ярославль, Рыбинск); художественные и культурно-образовательные практики; культурные традиции Воронежа, Иванова и других провинциальных городов. Выпущенные из ЯГПУ и защищенные в диссертационном совете университета кадры востребованы в различных научных учреждениях, организациях сферы образования и культуры, причем не только Ярославской области.

Таким образом, значимость научной культурологической школы ЯГПУ и деятельности Центра «Мир русской провинции», основателем и идеологом которых является заслуженный деятель науки РФ, доктор искусствоведения, профессор Т.С. Злотникова, несомненна. Авторитет в разработке провинциальной проблематики и выявлении тенденций развития провинциальной культуры признается не только на региональном, но и на всероссийском уровне, о чем свидетельствуют различные достижения ярославских культурологов, в том числе публикации в престижных изданиях («Вопросы философии», «Социологические исследования», «Вестник РХГА», «Обсерватория культуры», «Вопросы культурологии» и др.), многочисленные обращения ведущих ученых с просьбой выступить оппонентами на защите кандидатских и докторских диссертаций и рецензентами публикаций. Достигнутые научные результаты – показатель понимания значимости русской провинции для развития культуры и образования в целом.

Дидковская Н.А., Шахова Е.А. Личность в современной российской провинции: приоритеты и перспективы // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. С. 253–258; *Летина Н.Н., Еремин А.В., Шапошников В.А.* Приоритеты и перспективы человека в современной российской провинции по материалам социокультурного исследования // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. С. 259–263.

Провинциальный дискурс русской культуры*

Т.С. Злотникова

*Ярославский государственный педагогический университет
имени К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия*

Аннотация

В статье представлено оригинальное авторское исследование проблематики русской провинции как социокультурного и психологического феномена, художественно-образного комплекса и философской метафоры. Русская провинция была маркирована и автором настоящей статьи, и рядом коллег из других российских регионов как специфический духовный феномен, лишенный прямых географических или социально-политических координат и насыщенный ментально детерминированными признаками. Выявлен хронотоп русской провинции как проблема междисциплинарного изучения. Доказывается, что русская провинция – это не просто среда, ландшафт, образ, место действия, она воплощение морфологии российского социально-географического и культурно-исторического пространства. Хронотоп русской провинции – это реализация противоречивых ощущений и восприятий, согласно которым уникальность и приниженность, яркость и стертость парадоксально сочетаются в одном, широко раскинувшемся и в то же время тесном пространстве. Необходимым и актуальным является решение вопроса о том, насколько разнообразно проявляется в текстах культуры, как художественных, так и научных, сложный корпус компонентов научной метафоры «русская провинция», выявленный автором настоящей статьи и коллегами-исследователями по Ярославской научной школе. В данный корпус мы включили и в свое время обосновали как универсально значимые такие компоненты, как «пространство», «время», «личность», «текст», «символ», а также определили специфически значимые компоненты: «хронотоп», «сказка» и некоторые др. Материальная составляющая провинции – город – верифицируется в синергетическом, семиотическом, герменевтическом аспектах. Ментальная составляющая актуализируется через

*Выполнено в соответствии с планом работы на 2019 г. Национального исследовательского центра «Мир русской провинции» Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского.

мотивы человека скучающего, человека творящего, а также маргинала. Сопорой на суждения философов (Н. Бердяева, В. Розанова, В. Соловьева) и представителей художественной сферы (Н. Некрасова, А. Чехова, И. Тургенева) делаются выводы о том, что русская провинция приобрела качество сложного художественного образа и философской метафоры. Это является следствием того, что русская провинция принципиально негомогенна как в прошлом, так и в настоящем. По аналогии с известным парадоксальным словосочетанием Вл. Соловьева («русский европеец») к существительному «провинция» неотъемлемо присоединяется прилагательное «русская». Таким образом, русская провинция в ее консервативности и динамичности – это неиссякаемый источник культурных смыслов и вызывающий интереса объект изучения.

Ключевые слова: русская провинция, дискурс, культура, материальная и ментальная компоненты, хронотоп.

Злотникова Татьяна Семеновна – доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры культурологии, научный руководитель Национального исследовательского центра Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского.

cij_yar@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0003-3481-0127>

Для цитирования: Злотникова Т.С. Провинциальный дискурс русской культуры // Философские науки. 2019. Т. 62. № 11. С. 14–26.
DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-14-26

Provincial Discourse of Russian Culture*

T.S. Zlotnikova

Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia

Abstract

The article presents the original research of the problems of Russian province as a socio-cultural and psychological phenomenon, artistic-figurative complex and philosophical metaphor. The Russian province was marked both by the author of this article and by a number of colleagues from other Russian regions as a specific spiritual phenomenon, devoid of direct geographical or socio-political coordinates and saturated with mentally determined features. The chronotope of the Russian province is re-

* The article is prepared within the framework of the research program in 2019 of “The World of Russian Province” National Research Center of the Yaroslavl State Pedagogical University.

vealed as a problem of interdisciplinary study. It is proved that the Russian province is not just an environment, landscape, image, place of action, it is the embodiment of the morphology of the Russian socio-geographical and cultural-historical space. The chronotope of Russian province is the embodiment of conflicting feelings and perceptions, according to which the uniqueness and belittlement, brightness and effacement paradoxically combined in one, widely spread and at the same time close space. It is necessary and urgent to reveal how the corpus of the components of the scientific metaphor “Russian province” revealed by the author of this article and colleagues-researchers at the Yaroslavl scientific school is manifested in the texts of culture, both artistic and scientific. In this corpus we have included and at the time justified it as the universally significant concepts of space, time, personality, text, symbol, and as specifically significant, first of all, chronotope, boredom and some others. The material component of the province – the city – is verified in synergetic, semiotic, hermeneutic aspects. The mental component is actualized through the motives of a bored person, a creative person and a marginal person. Relying on the opinions of philosophers (N. Berdyaev, V. Rozanov, V. Solovyov) and representatives of the artistic sphere (N. Nekrasov, A. Chekhov, I. Turgenev), the author concludes that the Russian province has acquired the quality of a complex artistic image and philosophical metaphor. This is a consequence of the fact that the Russian province is not homogeneous, it is multi-component, has different levels and different vectors of existence. By analogy with the well-known paradoxal phrase of V. Solovyov (“Russian European”), to the noun “province” inherently joins the adjective “Russian.” Thus, the Russian province in its conservatism and dynamism is an inexhaustible source of cultural meanings and a demanding object of interest.

Keywords: Russian province, discourse, culture, material and mental component, chronotope.

Tatyana S. Zlotnikova – Doctor of Arts, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of Cultural Studies, Scientific Director of the National Research Center, Yaroslavl State Pedagogical University.

cij_yar@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0003-3481-0127>

For citation: Zlotnikova T.S. (2019) Provincial Discourse of Russian Culture. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 11, pp. 14–26. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-14-26

Введение

В середине 1990-х гг. провинциальная проблематика активно вошла в сферу научных интересов многих отечественных ученых: философов, культурологов, филологов, искусствоведов. Выдаю-

щийся искусствовед, москвич (что он подчеркивал специально и особо) Г.Ю. Стернин задумал издание коллективного труда, посвященного русской провинции, пригласив к участию исследователей из Москвы (это были Б.И. Зингерман, написавший о Гоголе, Т.П. Каждан, написавшая о русской усадьбе) и из провинции (Пермь, Саратов, Ярославль) [Мир русской провинции... 1997]. Замысел был незауряден в силу того, что москвичи писали не только о Москве, но и о провинции, а немосковские авторы писали как о своих регионах, так и об общероссийских явлениях.

Первоначальное название издания, которое мы обсуждали совместно, звучало высокопарно и обнадеживающе: «Поэзия русской провинции». После дискуссий и рассмотрения решительно приводимых доводов относительно того, что провинция далеко не только «поэтична», вовсе не только гармонична, она драматична, травматична для своих обитателей и неопознанный для пришельцев, название издания изменилось. Вместо прямолинейно-оценочного у книги появился принципиально иной, широкий, нарочито объективный заголовок, которому сегодня мы отдаем дань открываемой рубрикой: «Мир русской провинции и провинциальная культура» [Мир русской провинции... 1997]. Русская провинция была представлена как специфический духовный феномен, лишенный прямых географических или социально-политических координат и насыщенный ментально детерминированными признаками, и автором настоящей статьи, и рядом коллег из других российских регионов: Е.Я. Бурлиной из Самары, Н.И. Ворониной из Саранска [Воронина 2016], А.Б. Пермиловской из Архангельска [Пермиловская 2013], А.Ю. Тихоновой из Ульяновска [Тихонова 2019] и др.

Постановка проблемы. Хронотоп русской провинции как проблема междисциплинарного изучения

Русская провинция в историко-культурном и культурфилософском аспектах, в своей культурно-антропологической неповторимости и социально-экономической редуцированности – это предмет давнего и последовательного интереса мыслителей прошлых эпох, особенно XIX и начала XX вв., а также среда обитания множества русских творцов и их персонажей. Русская провинция – это не просто среда, ландшафт, образ, место действия, она воплощение морфологии российского социально-географического и культурно-исторического пространства [Злотникова, Летина, Ерохина, Киященко 2014]. А коль скоро мы ставим вопрос о морфологии культуры, то в качестве культурного кода, который означает собой метафору «русская провинция», предлагаем рассматривать хронотоп. Последний включает в себя универсальные

характеристики – пространство и время, обе эти категории имеют специфическое воплощение. Пространство – это фактически вся Россия кроме Москвы и Петербурга; время – это, прежде всего, субъективное ощущение и осознание пути между ареалами проживания людей.

К этому мы добавляем и психоэмоциональную характеристику – настроение тоскующих и мечтающих о лучшей жизни где-то в отдалении людей. Мы полагаем хронотоп провинции как своего рода воплощение противоречивых ощущений и восприятий, согласно которым уникальность и приниженность, яркость и стертость парадоксально сочетаются в одном колоссальном и все же локальном пространстве: «За Петербургом есть довольно обширное пространство земли, именуемое Россией <...> Некоторые петербургские жители, исключительно ограничивающие свою жизненную деятельность одним Петербургом, не знают, может быть, этих подробностей...» [Соллогуб 1991, 154].

Разработка проблематики.

Мир русской провинции: материальная конкретность и ментальная непостижимость

Мир русской провинции, будучи не только метафорически-широким концептом, но и вполне конкретной дефиницией, может быть охарактеризован с помощью определенного набора понятий. При всей их привычности следует отметить сложившийся номинативный ряд, воплотившийся в тенденциях словоупотребления.

Одна из тенденций – все большее поглощение понятием «культура провинции» базового понятия «провинциальная культура». Другая тенденция – сведение в единый логический ряд таких понятий, как «провинциальное», «региональное» и «локальное»; отметим попутно, что в нашей исследовательской практике последнему из названных понятий, наряду с первым, уделено особое внимание [Культурфилософское обоснование... 2014]. Немаловажно и то, что обращение к таким понятиям, как «географическая провинция», с одной стороны, и «провинциальное пространство» – с другой, указывает на семантический диапазон представлений о провинции в конкретном (географическом, ландшафтном) значении и в значении интроверсивного и экстраверсивного психологического, культурфилософского подходов. «Провинциал» читается лишь как указание на место жительства, тогда как «провинциализм» уже понимается в смысле отсталости и косности духа, если угодно, как бытийно негативное понятие.

Мы полагаем значимым обсуждение вопроса о том, насколько сложный корпус выявленных автором настоящей статьи и коллегами-исследователями по Ярославской научной школе ком-

понентов научной метафоры «русская провинция» разнообразно проявляется в текстах культуры, как художественных, так и научных. В данный корпус мы включили как универсально значимые категории «пространство», «время», «личность», «текст», «символ», так и специфически значимые: «хронотоп», «скука» и некоторые др. [Злотникова 2010; Модель культуры... 2013].

В России жизнь, протекающая в провинции (как обычно подчеркивается, вне столиц, в удалении от них, без связи с их культурой), порой откровенно негативно, порой со снисходительными «интонациями» соотносится еще и с особым течением времени: вне представлений о будущем, погруженная лишь в прошлое, в лучшем случае – в настоящее. Традиционная семантическая бинарность «столичное/провинциальное» несет в себе залог разочарованности и несвойственной западной культуре приниженности второго по отношению к первому.

Материальная конкретность, присущая хронотопу русской провинции, воплощается в нескольких феноменах: в природном ландшафте, в религиозных сооружениях, в сельских, прежде всего деревянных архитектурных сооружениях. Однако для современных представлений о провинции наиболее репрезентативным следует признать город, в частности *исторический провинциальный город* [Исторический город... 2010]. Феномен исторического провинциального города России мы интерпретировали и как мифологическую систему, и как макросреду обитания человека/человечества на значительном отрезке исторического пути, и как микросреду, хронотоп которой соизмерим быту и бытию современника, и, наконец, как детерминирующее социокультурное пространство, задающее образовательный модус самореализации личности. Методологическая и тематическая комплементарность уровней моделирования обеспечивает непротиворечивый, но многозначный образ провинциального города как культурного кода памяти.

Необходимая и активно реализуемая междисциплинарность изучения хронотопа русской провинции применительно к провинциальному городу выявляется отчетливо и последовательно. Мы с несомненностью утверждаем, что в исследованиях провинции как интегрального культурного феномена присутствуют несколько научных дисциплин (называем их без стремления выстроить научный «рейтинг», имея в виду лишь распространенность обращений). Важнейшими аспектами межнаучной интеграции являются герменевтика города (постижение смыслов материальной и нематериальной среды в ее исторической динамике и воплощениях культурной памяти), семиотика города (рассмотрение провинции через систему визуальных знаков и

поведенческих кодов), разумеется, культурная антропология города (жители провинциального города и авторы разнообразных текстов о нем, а также среда обитания во всем ее разнообразии). Особого внимания заслуживает синергетика города, поскольку провинциальная среда, прежде всего городская, предстает как своего рода культурный палимпсест, т.е. порядок, рождающийся из хаоса.

Материальная конкретность провинциальной городской среды решительно выводит исследователей на два круга проблем, содержание которых явно выходит за рамки жизни только провинциального и только исторического города, в силу чего подходы к решению этих проблем имеют шансы быть экстраполированными на изучение среды любого города, имеющего как многообразные, так и скромные культурные традиции, и, соответственно, населенного тем или иным количеством людей. Это, во-первых, *проблема контекста* формирования и актуального существования исторического города (мы называем ее «биография и мифология города») и, во-вторых, *проблема личности*, ее бытия, самосознания, повседневности, даже психофизиологических особенностей жизни (мы обозначаем ее «культурная антропология города»). Таким образом, лицо провинции и «биография» провинциального населенного пункта, в особенности города, – это культурологически осмысливаемая система, в которой равно значимы эффектная образность, вплоть до мифологизации, и скромная повседневность, скромная традиционность и эффектная модерность; иными словами, провинциальность загадочна и странна, а далеко не открыто-простодушна, на что и обращают внимание самые прозорливые исследователи [Бурлина 2016].

От материальной составляющей перейдем к ментальной. *Ментально значимую особенность русской провинции* отметил Бердяев: «С внешней, позитивно-научной точки зрения огромные русские пространства представляются географическим фактом русской истории. Но с более глубокой, внутренней точки зрения сами эти пространства можно рассматривать как внутренний, духовный факт в русской судьбе. Это – география русской души» [Бердяев 1990, 67].

Мы уже не раз отмечали, что психологические и социально-политические приоритеты провинции строятся на сочетании обыденного и, на первый взгляд, простодушного начала с началом возвышенным, приподнято-образным, страстным и претендующим на уникальную значимость. Так называемые местные мифы, основанные на деформации значения (идеализации) конкретных персон и событий, создаются на контрасте пафоса и прагматизма, опасливой замкнутости и удалой открытости миру. Известное

метафорическое понятие «чухлома», воплощающее представление о замшелой косности, контрастирует со страстью к «перемене мест» и при этом напоминает о теплом родовом гнезде, из которого не так-то просто выбраться к «другим берегам». Трогательная и опасливая замкнутость в сочетании с наивной жадной открытости – это ментальный парадокс русской провинции. Сочетание высокого и обыденного, странного и объяснимого простыми причинно-следственными связями, поиска и обретения, универсального и специфического представляется комплексным обоснование представления Н. Бердяева о том, что «провинциализм есть другая метафизика жизни» [Бердяев 1990, 74].

Русский человек-провинциал может и должен быть соотнесен с многократно раскритикованным и недостаточно оцененным в своей небытовой, философско-антропологической семантике понятием «мещанин», которое в исследовании В. Даля [Даль 1955, 373] вовсе не имело привычных с советского времени негативных коннотаций. Производимое от «места» (ассоциирующегося с простором и ширью, а также пустотой) понятие «мещанин», созвучное понятию «провинциал», соответствует простому жителю определенного места, в том числе труженику-ремесленнику, человеку с существенным творческим потенциалом. Полагаем, что такой вариант избавления от стереотипа «провинциала» не лишен смысла и при этом нетривиален.

Обозначим кратко выявленные нами в своих исследованиях ипостаси русского провинциала, такие как «человек скучающий», «человек творящий», «человек, отступающий от правил/маргинал».

Человек скучающий. Мотив скуки как следствия и маркера духа провинциальности был характерен для множества представителей русской культуры. Мотив скуки, то активно вторгающийся, то мерцающий на фоне множества художественных текстов (М. Салтыков-Щедрин, И. Тургенев, Н. Некрасов, И. Гончаров, А. Островский, Л. Толстой, Н. Лесков, ранее – А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Гоголь, позднее – А. Чехов, М. Горький), подчеркивал абсурдистский дискурс русской классической культуры, которая, в принципе, вся построена вокруг провинциального бытия и провинциального быта. Именно этот всеобщий характер русской провинциальности нашел резонанс и в философских рассуждениях, стоящих на грани с лирическими высказываниями: у В. Розанова, Н. Бердяева, В. Соловьева. В частности, В. Соловьеву мотив скуки как парадигмы провинциальной жизни видится антитезой «исчезающих иллюзий», выражением неосознанности жизненной цели [Соловьев 1988, 140].

Человек творящий – это особый культурно-антропологический и социально-психологический феномен, который в России весьма активно и в значительном количестве жизненных ситуаций связан с провинцией. Не говоря уже о том, что в провинциальных усадьбах жили с семьями и подолгу работали русские писатели, будь то Л. Толстой или страстно мечтавший об усадьбе, в которой, пусть ненадолго, поселился, А. Чехов. В усадьбах жили и русские художники, такие как И. Репин или целая группа уже не гостей, а постоянных обитателей Абрамцева. Не говоря о мотивах провинциальной природы, провинциальных взаимоотношений (напомним о провинциально-столичном контрасте у Пушкина в «Евгении Онегине»), обратим внимание на самосознание тех творцов, которые были и являются постоянными жителями, а не гостями провинции.

Отметим важную особенность представления о творце в провинции: уровень признания творца местными жителями вне зависимости от его общероссийской значимости весьма разнообразен, от обожествления (в Ярославле – актер Ф. Волков, в меньшей степени поэт Н. Некрасов) до признания чужаковатости как главной личностной особенности. При этом нет такого региона, города, даже и села, где существовал бы «гений места».

Назовем некоторых значимых для одной конкретной части русской провинции, а именно Ярославской губернии/области, персон, известность которых в общероссийском масштабе не является общепризнанной.

Одна такая персона – публицист-сатирик, краевед *Л. Трефолев* (1839–1905). Служа в достаточно скромных региональных структурах, связанных с сохранением документации, работая на весьма скромных чиновничьих должностях, как мы бы сказали сегодня (в частности, это была Ярославская губернская ученая архивная комиссия), Трефолев на самом деле все время наблюдал за жизнью и постоянно беспокоился о качестве этой жизни. Его волновала и ощущалась им как чрезвычайно острая проблема разворовывания не чьего бы то ни было богатства, а страны как таковой. Российская ситуация постоянно взыскует сатирического и – шире – критического анализа жизненных реалий, экономики, нравственности. Он был человеком, который чувствовал *российскую боль*. И в связи с российской «болью» стоит привести фразу из финала «Няниных сказок», которую, если бы Трефолев стал брендом Ярославля, можно было бы прикрепить рядом с адресными табличками на всех перекрестках города, где жил этот социально активный провинциал. Парадоксально по отношению ко всем описанным по ходу стихотворения ужасам (Баба-Яга разводит в ступе голод и холод) возникает призыв-надежда и призыв-

безнадежность: «Марья-царевна, свобода святая, Зорюшка наша! Да где же ты? Где ты?» [Трефолов 2015, 81].

Вторая персона – поэт К. Васильев (1955–2001), провинциал по месту рождения и по складу мыслей, по мироощущению. Ощущая себя маргиналом и формулируя это (один из его текстов так и назывался – «Маргиналии»), творец-провинциал проявлял мизантропию, называя элиту, чужую, явно столичную, маргиналами. «Поэтическая душа» не только негодовала, но откровенно злилась, удаляясь от приятия мира (в молодости, когда писал про матовый снег и малахитовый мох [Васильев 2003]). Место обитания, а это был даже не Ярославль, а поселок Борисолебский, воспринималось как клетка, а все, кто рядом или за рамками клетки, общения недостойны, единомышленников можно искать только «далеко» и «давно».

Третья персона – здравствующий, старейший в регионе журналист, фотограф, летописец своей провинции на протяжении нескольких десятилетий XX и начала XXI вв., которого мы называли типичным «передвижником», Ю. Барышев. Это патриот провинции, где прожил жизнь, фотографируя официальных лиц, землячку-космонавта В. Терешкову, вернувшегося в Россию из эмиграции писателя А. Солженицына; этой провинции повезло со своим обитателем. Он выразил едва ли не идеальное отношение провинциальна к жизни, ее месту и его людям: спокойное, но не равнодушное; живое, но не истеричное; активное, но не назойливое; ироничное, но не ерническое; заинтересованное, но не бестактное.

И позитивный жизненный опыт провинциалов, и их негативный опыт приводит к пониманию того, что творческая личность, «приписанная» к провинции и как житель, и как автор художественно-образного осмысления ее бытия, отличается характерным психоэмоциональным комплексом, вырабатываемым замкнутым существованием, к тому же изолированным от крупных цивилизационных фракталов. Самоощущение, включающее представления о недостаточной реализованности, о малом объеме перспектив и возможностей даже в эпоху Интернета, не исчезает. Малые социально-экономические возможности (издательские, выставочные) порождают стойкую меланхолию, а известные еще по реплике Н. Бердяева «пространства», отторгающие жизненные реалии одних людей от реалий других, формируют интроверсию. Стоит ли при этом удивляться тому, что провинциал-творец, провинциал-интеллигент, даже успешный и широко известный за пределами постоянного места жительства, гордо позиционирует себя как маргинала?

Да, приходится признать и необходимо еще специально анализировать представление о том, что творческая личность и маргинал – это характерная для провинции семантическая пара, которую нельзя назвать бинарной оппозицией в силу глубокого взаимного проникновения интенций и обыденных проявлений одного (творца) и другого (маргинала).

Человек, отступающий от правил/маргинал, – это также русский провинциал. Его личность воплощает глубоко противоречивые духовные основы, характерные для российской традиции.

Резюме о культурных смыслах русской провинции

Русская провинция просторна и тесна, богата и бедна, открыта и таинственна. Мы полагаем, что русская провинция приобрела качество сложного художественного образа и, как мы указывали ранее, философской метафоры. Это является следствием того, что русская провинция принципиально негомогенна как в прошлом, так и в настоящем.

Насыщенность противоречивыми оценками и страстными эмоциями, многообразие деталей, человеческих характеров и жизненных коллизий превратили русскую провинцию в своего рода метафору.

По аналогии с известным парадоксальным словосочетанием Вл. Соловьева («русский европеец») к существительному «провинция» неотъемлемо присоединяется прилагательное «русская». Как столица не может восприниматься идеальным топосом по отношению к провинции, так Европа – по отношению к России. Мысль Н. Бердяева строга и критична: «Европа не есть идеал культуры вообще, Европа сама провинциальна» [Бердяев 1990, 127]. Следовательно, русская провинция в ее консервативности и динамичности – это неиссякаемый источник культурных смыслов и взыскующий интереса объект изучения.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бердяев 1990 – *Бердяев Н.А.* Судьба России. – М.: Советский писатель, 1990.

Бурлина 2016 – *Бурлина Е.Я., Иливицкая Л.Г., Кузовенкова Ю.А., Голубинов Я.А., Барабошина Н.В., Шиллинг Е.* Хронотопия города: монография. В 2 т. – Самара: Книжное издательство, 2016.

Васильев 2003 – *Васильев К.В.* Избранное. Книга стихов и эссе. – Ярославль: Ньюанс, 2003.

Воронина 2016 – *Воронина Н.И.* Хронотоп моей судьбы. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016.

Даль 1955 – *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Том II. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.

Злотникова 2010 – *Злотникова Т.С.* Провинциальная культура как объект прикладной культурологии // *Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований* / под ред. И.М. Быховской. – М.: Смысл, 2010. С. 427–438.

Злотникова, Летина, Ерохина, Киященко 2014 – *Злотникова Т.С., Летина Н.Н., Ерохина Т.И., Киященко Л.П.* Русская провинция в философском дискурсе: концептуализация метафоры // *Вопросы философии*. 2014. № 11. С. 125–136.

Исторический город... 2010 – *Исторический город русской провинции как культурный универсум* / науч. ред. Т.С. Злотникова, М.В. Новиков, Н.А. Дидковская, Т.И. Ерохина. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010.

Культурфилософское обоснование... 2014 – *Культурфилософское обоснование трансформаций российского опыта в контексте взаимодействия глобального и локального* / под науч. ред. М.В. Новикова, Т.С. Злотниковой, Т.И. Ерохиной. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2014.

Мир русской провинции... 1997 – *Мир русской провинции и провинциальная культура*. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.

Модель культуры... 2013 – *Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах: коллективная монография* / под науч. ред. Т.С. Злотниковой, Т.И. Ерохиной, Н.Н. Летиной, М.В. Новикова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013.

Пермиловская 2013 – *Пермиловская А.Б.* Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. – Екатеринбург; Архангельск; Ярославль: Правда Севера, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2013.

Соллогуб 1991 – *Соллогуб В.А.* Симбирский театр // *Русский театральный фельетон*. – М.: Искусство, 1991.

Соловьев 1988 – *Соловьев В.С.* Философские начала цельного знания // *Соловьев В.С.* Соч.: в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1988. С. 140–288.

Тихонова 2019 – *Тихонова А.Ю.* Культурное наследие провинции: история становления и сохранения // *Ярославский педагогический вестник*. 2019. № 5. С. 193–201.

Трефолов 2015 – *Трефолов Л.Н.* Собрание сочинений. – М.: Директ-Медиа, 2015.

REFERENCES

Berdyaev N.A. (1990) *Destiny of Russia*. Moscow: Soviet writer (in Russian).

Burlina E.Y., Ilivitsky L.G., Kuzovenkova Y.A., Golubinov Y.A., Barbashina N.V., & Schilling E. (2016) *The Chronotopia of City*. Samara: Knizhnoye izdatel'stvo (in Russian).

Dal' V. (1955) *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries (in Russian).

Novikov M.V., Zlotnikov T.S., & Erokhina T.I. (Eds.) (2014) *Cultural and Philosophical Substantiation of Transformations of the Russian Experience in the Context of Interaction of Global and Local*. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University Press (in Russian).

Permilovskaya A.B. (2013) *Cultural Meanings of Folk Architecture of the Russian North*. Arkhangelsk: Pravda severa; Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University Press (in Russian).

Sollogub V. A. (1991) Simbirsk Theatre. In: *Russian Theatrical Feuilleton*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Solovyov V.S. (1988) Philosophical Principles of Integral Knowledge. In: Solovyov V.S. *Works in 2 Vols.* (Vol. 2, pp. 140–288). Moscow: Mysl' (in Russian).

Sternin G.Y. (Ed.) (1997) *The World of Russian Provinces and Provincial Culture*. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin (in Russian).

Tikhonova A.Y. (2019) Cultural Heritage of the Province: The History of Formation and Preservation. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2019. No. 5, pp. 193–201 (in Russian).

Trefolev L.N. (2015) *Collected Works*. Moscow: Direct-Media (in Russian).

Vasilyev K.V. (2003) *Selected. Book of Verses and Essays*. Yaroslavl: Nuance (in Russian).

Voronina N.I. (2016) *The Chronotope of My Destiny*. Saransk: Mordovia University Press (in Russian).

Zlotnikova T.S. (2010) Provincial Culture as an Object of Applied Cultural Studies. In: Bykhovskaya I.M. (Ed.) *Cultural Studies: Fundamental Bases of Applied Research* (pp. 427–438). Moscow: Smysl (in Russian).

Zlotnikova T.S., Erokhina T.I., Letina N.N., & Novikov M.V. (Eds.) (2013) *Model of Culture of the Russian Province in Authentic, Historical-Typological and Globalization Discourses*. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University Press (in Russian).

Zlotnikova T.S., Letina N.N., Erokhina T.I., & Kiyashchenko L.P. (2014) The Russian Province in Philosophical Discourse: Conceptualization of Metaphor. *Voprosy filosofii*. 2014. No. 11, pp. 125–136 (in Russian).

Zlotnikova T.S., Novikov M.V., Didkovskaya N.A., & Erokhina T.I. (Eds.) (2010) *Historical City of the Russian Province as a Cultural University*. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University Press (in Russian).

Выход в город и хронотопия: история, повседневность, будущее

Е.Я. Бурлина

*Самарский государственный медицинский университет,
Самара, Россия*

Н.В. Барабошина

*Самарский государственный медицинский университет,
Самара, Россия*

Л.Г. Иливицкая

*Самарский государственный медицинский университет,
Самара, Россия*

Аннотация

В статье анализируется междисциплинарная методология исследования города в границах философско-культурологического подхода. Утверждается, что в настоящее время наряду с социологическим, экономическим и др. подходами к интерпретации города особую актуальность приобретает его культурно-философская диагностика. Она сочетает в себе как теоретические вопросы, так и их практическую направленность. Выдвигается обоснование перспектив и границ философско-культурологического анализа города, а также общее понятие «хронотопия». Понятие «хронотопа», опирающееся на М.М. Бахтина и его последователей, чаще всего трактуется как инструмент для анализа художественной литературы. По мнению авторов, пространственно-временная диагностика города также имеет значительный теоретический и практический потенциал. Анализируются многочисленные художественные и философские тексты, исследующие константы и эволюцию «души города» (Н.П. Анциферов, И.М. Гревс, Ю.М. Лотман, М.С. Каган, И.И. Митин – «палимпсест города», а также зарубежные ученые – Ю. Слёзкин, К. Шлёгель, исследующие хронотоп советские города). Представлены и другие современные исследователи, которые непосредственно сотрудничали с авторами данной статьи в совместных городских проектах: М. Головановская («синтаксис» городских площадей); «уральская матрица» (А. Иванов, И. Лисовец, Е. Трубина), хронотоп малого израильского города (Е. Ригмон), хронотопы Стэнфорда (Дж. Бендер, Д.А. Веллберу). Авторы дела-

ют вывод, что «хронотопия города» – трансдисциплинарное направление в культурно-философских исследованиях города. Оно объединяет теорию, практические исследования городских хронотопов и диагностику. Поскольку город, как любой феномен культуры, разворачивается в сетке пространственно-временных координат, то хронотоп может быть признан базовым инструментом для его философско-культурологической интерпретации. В статье обосновываются практические модусы применения «хронотопии» к анализу города: хронотопы прошлого и повседневности в городах определенных типов; стратегические возможности анализа хронотопов данного города.

Ключевые слова: город, хронотоп, пространство, время, хронотопия, урбанистика, культурно-философский поворот.

Бурлина Елена Яковлевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и культурологии Самарского государственного медицинского университета.

bis17@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4303-2905>

Барабошина Наталья Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Самарского государственного медицинского университета.

baraboshina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2312-9571>

Иливицкая Лариса Геннадьевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Самарского государственного медицинского университета.

laraili@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3339-9946>

Для цитирования: Бурлина Е.Я., Барабошина Н.В., Иливицкая Л.Г. Выход в город и хронотопия: история, повседневность, будущее // Философские науки. 2019. Т. 62. № 11. С. 27–45.
DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-27-45

Exit to the City and Chronotopia: History, Everyday Life, Future

E.Y. Burlina

Samara State Medical University, Samara, Russia

N.V. Baraboshina

Samara State Medical University, Samara, Russia

Abstract

The article analyzes the interdisciplinary methodology of city research within the philosophical and cultural approach. The authors argue that at present, besides sociological and economic approaches to the interpretation of the city, the cultural and philosophical examination of city is of special interest. It combines both theoretical issues and the practical aspects. The authors present the philosophical and cultural analysis of the city as well as the general concept of chronotopia. The concept of chronotope, proposed by M.M. Bakhtin and his followers, is most often used as a tool for the analysis of fiction. According to the authors, the spatio-temporal diagnostics of the city also has significant theoretical and practical potential. The authors discuss various literary and philosophical texts analyzing the features and evolution of the “soul of the city” (written by Russians N.P. Antsiferov, I.M. Grevs, Y.M. Lotman, M.S. Kagan, I.I. Mitin as well as by foreign scholars Y. Slezkine, K. Schlögel, exploring the chronotope of Soviet cities). The article presents other modern Russian and foreign researchers who directly collaborated with the authors of this research in joint urban projects: M. Golovanivskaya (“syntax” of urban squares), “Ural matrix” (A. Ivanov, I. Lisovets, E. Trubina), chronotope of a small Israeli city (E. Rimón), Stanford chronotopes (J. Bender, D.E. Wellbery). Since the city, like any cultural phenomenon, manifests itself within a set of spatio-temporal coordinates, the chronotope can be considered as the basic tool for its philosophical and cultural interpretation. The article substantiates the practical aspects of applying chronotopia to the analysis of the city: chronotopes of the past and everyday life in cities of certain types, strategic opportunities and boundaries of the chronotopes of a given city. The authors concludes that the chronotopia of city is a transdisciplinary field in the cultural and philosophical studies of the city.

Keywords: city, chronotope, space, time, chronotopia, urbanism, cultural and philosophical turn.

Elena Y. Burlina – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Culturology of the Samara State Medical University.

bis17@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4303-2905>

Natalia V. Baraboshina – Ph.D., assistant professor of philosophy and Cultural Studies Department of the Samara State Medical University.

baraboshina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2312-9571>

Larisa G. Ilivitskaya – Ph.D. – assistant professor of philosophy and Cultural Studies Department of the Samara State Medical University.

laraili@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3339-9946>

For citation: Burlina E.Y., Baraboshina N.V., & Ilivitskaya L.G. (2019) Exit to the City and Chronotopia: History, Everyday Life, Future. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 11, pp. 27–45. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-27-45

Введение

Город, городской образ жизни, городская повседневность – в настоящее время это одна из самых востребованных междисциплинарных тем как зарубежной, так и отечественной философско-культурологической мысли. Сейчас практически ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что город – это феномен, с которым неразрывно связано предшествующее и дальнейшее накопление цивилизационного и культурного опыта человечества. Как поэтично отметил В.Л. Глазычев, «уже к началу XX века, когда умер Поль Гоген, искавший «естественного человека» на Таити и Соломоновых островах Океании, и тем более с середины этого века, когда Тур Хейердал, окончив университет, сделал еще одну попытку жить «естественной» жизнью на тропическом острове Муруроа, стало ясно: иного мира, кроме мира городской культуры, нам не дано» [Глазычев 1984, 180]. О преобладании городского образа жизни в современной культуре наглядно свидетельствуют и данные статистики, фиксирующие ежегодный прирост городского населения. Более того, по прогнозам экспертов, данная тенденция представляет собой устойчивый футурологический тренд. По подсчетам, в среднем число городских жителей в ближайшем будущем будет увеличиваться примерно на 65 млн человек в год [Щербакова 2012].

Рост количества и размера самих городов, распространение городского образа жизни выступает мощным катализатором увеличения интереса к городской проблематике и расширения ее исследовательского поля. Сегодня уже можно говорить об особой научной сфере, обозначаемой как Urban studies. Это

междисциплинарная исследовательская сфера с доминированием философско-культурологических подходов. Объектом изучения являются современные городские феномены и процессы, а также городские культуры и субкультуры прошлого. Доминирующим предметом исследования, по нашему мнению, становится полифония городских пространств [Полифония... 2014], городской памяти и городских стратегий развития.

Следовало бы кратко структурировать научный дискурс о городе с момента его возникновения и до настоящего времени. На первых этапах он характеризовался многочисленными социогуманитарными трактовками города. Так, в начале XX в. пионеры городских исследований М. Вебер, Ф. Теннис, Г. Зиммель, Р. Парк, Э. Бёрджесс, Л. Вирт рассматривали город преимущественно в рамках социологической проблематики, исследуя локальные городские сообщества, социализацию личности, социальные патологии в городской среде и т.п. Концепт «городской образ жизни» раскрывался через специфику социальных взаимодействий: взаимопересекающихся сфер труда, коммуникации, творчества, политической активности.

Конец XX в. ознаменовался всплеском информационно-экономических стимулов жизни, повлиявших на кардинальные трансформации городов в мегаполисы. Данный интерес получил свое теоретическое воплощение в концепциях «креативного города», «умного города» (smart city), «глобального города». Концепт «креативный город» предполагает, что основой для разворачивания городского пространства выступают те возможности, которые оно предоставляет для развития творчества и самореализации. Креативный класс и креативные пространства представляют собой базовые элементы данного типа города. Теории «глобального города» концентрируют свое внимание на процессе интеграции городов в глобальную экономику, рассматривая их прежде всего как значимый элемент мировой экономической системы. В последнее время большое распространение получили попытки оценить город с помощью концепта «умный город», предполагающего интеллектуальную модернизацию различных структур городской жизни (экономика, транспорт, управление, жилищно-коммунальное хозяйство, городская среда и инфраструктура и т.д.) на основе информационных технологий и цифровизации [Митчелл 2012].

В то же время сегодня в разноаспектных городских исследованиях все отчетливее просматривается запрос на философско-культурологический подход к изучению города, за которым видится значительный эвристический потенциал, позволяющий понять макро- и микропроцессы, обуславливающие трансформации современного города, осознать перспективы его дальнейшего развития и роста. Так, А. Аузан отмечает, что «культура меняет нашу жизнь, но не детерминирует. Она воздействует на экономику через издержки социального трения, может тормозить ее или ускорять, через нее можно влиять на общее развитие. Культура, как и любое явление нашей жизни, имеет свойства, которые нам могут в чем-то мешать или, наоборот, двигать нас вперед» [Аузан 2016].

Предметом настоящей статьи является выявление специфики и значения культурно-философского поворота в современной урбанистике, его ориентированности на диагностику города в контексте истории, повседневности, будущего.

Хронотоп как «ключ» к пониманию города

Отечественная урбанистическая традиция изначально имела в своих основаниях философско-культурологический ракурс исследования. В работах патриархов отечественного краеведения И.М. Гревса и Н.П. Анциферова город осмысливается как живое существо, имеющее собственную неповторимую душу и обладающее ценностно-смысловой энергией, определяющей его основные культурные формы [Анциферов и др. 1926, 13]. Для И.М. Гревса город — это культурное пространство, где в концентрированном виде сохраняется историческое время. «Города — это и лаборатории, и приемники, хранители культуры, и высшие показатели цивилизованности. В них происходит сгущение культурных процессов, насыщение их результатов» [Гревс 1921, 21]. С точки зрения Н.П. Анциферова, города представляют собой «...центры тяготения разнообразных сил, которыми живет человеческое общество. В городах зародилась все возрастающая динамика исторического развития. Через них совершается раскрытие культурных форм» [Анциферов 1926, 3]. Именно в органической связи места и времени город раскрывает собственную душу.

В этой связи пространство и время как хронотоп мыслятся теми базовыми характеристиками города, которые, будучи, имманентно включенными в его бытие, могут быть положены

в основу культурно-философской диагностики смыслов и состояний городской реальности.

М.М. Бахтин, благодаря которому предложенное А.А. Ухтомским [Ухтомский 2000] понятие хронотопа вошло в гуманитаристику, трактует его как один из главных инструментов анализа реальности художественного произведения. Именно в хронотопе фиксируется «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений» [Бахтин 1975, 234]. Причем, согласно М.М. Бахтину, эта взаимосвязь не является формальной, ее содержание носит культурно-исторический, ценностно-смысловой характер, что позволяет открывать новые грани отношений между человеком и культурой, закрепленные в пространственно-временных представлениях и образах. Тем самым М.М. Бахтиным обосновывается методологический потенциал хронотопа как «ключа» к пониманию сути не только художественного текста, но и реальной жизни.

Отметим специально, что названные трансдисциплинарные открытия, совершенные еще в начале XX столетия, — исследование хронотопа городов как культурно-философских смыслов — воспринимаются и сегодня как исключительно актуальные не только у себя на Родине, но и за рубежом. Сошлемся на фундаментальные работы выдающегося немецкого ученого Карла Шлёгеля, которого называют иконой современной гуманитаристики. Изучая советское пространство и созданные в нем города, К. Шлёгель посвящает вводную главу своего капитального труда методологии И.М. Гревса, Н.П. Анциферова, М.М. Бахтина [Schlögel 2017].

В настоящее время хронотоп как методологический принцип, как инструмент междисциплинарной диагностики приобретает особую актуальность. Он фигурирует одновременно и как характеристика локального пространства, и как кристаллизация исторических и глобальных смыслов времени. Сошлемся лишь на часть работ российских ученых, изданных за последние несколько лет, в которых на различном материале представлены исследовательские и диагностические возможности хронотопа. Речь идет о книге Т.С. Злотниковой «Человек. Хронотоп. Культура» [Злотникова 2011], где данная проблематика раскрывается в философско-культурологическом аспекте; статьях О.Г. Ревзиной, в которых осуществлен синтез филологического анализа текстов и подходов философии культуры

[Ревзина 2006]; диссертационном исследовании Н.Н. Летиной [Летина 2009], посвященном концепту «хронотоп рубежей», обуславливающему специфику того или иного типа культуры; научно-биографических изысканиях Н.И. Ворониной о жизни и творчестве М.М. Бахтина в Саранске [М.М. Бахтин... 2015].

В работах зарубежных исследователей в историческом разрезе методологические возможности хронотопа показаны Ю. Слёзкиным, раскрывающим смыслы времени через конкретную повседневность (дом, его жильцы и судьбы) [Слезкин 2019]; К. Шлегелем, строящим свои исследования на типовых советских хронотопах: от «коммуналки», «дачи», «барахолки» до «великих строек советского века» — Днепрогэса, Магнитогорска и др. [Schlögel 2017].

Современное поле городских исследований по-разному актуализирует идею пространства-времени. Так, писатель и культуролог А.В. Иванов вводит понятие «уральская матрица», подчеркивая особую семантическую наполненность времени/пространства за Камнем (Уральскими горами) с наслоившимися друг на друга язычеством, горнозаводской цивилизацией, эпохой «дикого счастья» 90-ых [Иванов 2010].

И.И. Митин предлагает модель города как палимпсеста, в котором место (город) предстает как «интертекст», сочетание различных наслоений, различающихся по времени создания и сохранности. С его точки зрения, «в основе мифогеографической модели палимпсеста — представление о множественности интерпретаций каждого места. В процессе бесконечного семиозиса пространственных мифов (бесконечной интерпретации, описании, анализе представлений) создается множество реальностей одного места. Происходит семиотическое переосмысление (новое означивание) свойств места и/или его уже созданных интерпретаций при сохранении прежних» [Митин 2014, 150].

Западные философы и культурологи также разрабатывают похожие концепты, в связи с чем мы уже ссылались выше на работы Ю. Слёзкина и К. Шлёгеля. Обратим внимание и на трансдисциплинарные подходы М. Фуко и американских урбанистов Э. Соджи и Д. Харви.

В 1984 г. М. Фуко публикует небольшую статью «Другие пространства», в которой обосновывает понятие «гетеротопия» [Фуко 2006]. Ключевым тезисом М. Фуко стала идея времени: «Мы живем в пору, когда мир, по-моему, ощущается

не столько как великая жизнь, что развивается, проходя сквозь время, сколько как сеть, связывающая между собою точки и перекрещивающая нити своего клубка. Может быть, можно сказать, что многие из идеологических конфликтов одушевляют сегодняшнюю полемику, разворачиваются между благочестивыми потомками времени и остервенелыми обитателями пространства» [Фуко 2006, 191]. В работе М. Фуко время и пространство оказываются тесно связанными. Время является репрезентантом пространства. Оно приобретает личностный характер, т.к. выступает не в своей исторической ипостаси (хотя ей и не противостоит), а задается взглядом и отношением личности. Оно предстает как своеобразный механизм защиты человека и его жизненного мира от прогрессивного поступательного движения истории, способом сохранения собственной целостности и определения идентичности.

Сходным образом рассматривают город американские урбанисты Э. Соджа и Д. Харви. Для них это не только пространственный, но и временной объект: хранение времени, создание истории, обретение памяти, конструирование имиджа. Э. Соджа в работе «Метрополис» пишет: «каждое место по крайней мере символически претендует на то, чтобы быть городом, а процесс урбанизации осязаемо прерывист и неупорядочен» [Soja 1989, 191]. Д. Харви, характеризуя город, видит в нем определенный момент «постоянства», который фиксируется в потоке непрерывно трансформирующегося пространственно-временного континуума. Это город-калейдоскоп, каждая грань которого определяет социокультурную специфику, создает культурную среду [Harvey 1989, 123].

Можно констатировать, что российские и зарубежные школы осознают огромный научный потенциал пространства, времени, хронотопа как диагностических инструментов.

Хронотопия как пространственно-временная диагностика города

Авторы данной статьи в течение ряда лет продвигают собственную модель пространственно-временной диагностики города. Можно проследить складывание методологии хронотопирования (пространственно-временного моделирования городов) как в диссертационных исследованиях Ю.А. Кузовенковой [Кузовенкова 2009], Л.Г. Иливицкой [Иливицкая 2011],

Н.В. Барабошиной [Барабошина 2013], Д.С. Бокурадзе [Бокурадзе 2015], Е.А. Гранкиной [Гранкина 2016], так и в их публикациях. Сошлемся лишь на некоторые из них.

В 2012 г. в рамках гранта РГНФ (проект № 12-13-63501) был опубликован двухтомный альманах «Город и время» [Город... 2012]. Его сквозной темой, которая позволила объединить на своих страницах представителей различных гуманитарных дисциплин (философии, культурологии, социологии и др.) из разных российских и зарубежных городов, стала тема образа города, рассмотренная в локальном и глобальном, историческом и современном контексте. Очерчивая временные трансформации образа того или иного города, раскрывая влияние городских имиджей на содержание идентификационных процессов, авторы альманаха отмечали актуальность и перспективность темпорального подхода для городских исследований.

Продолжением проекта стал подготовленный в 2014 г. двухтомный альманах «Полифония городских пространств», где было представлено комплексное исследование города на основании пространственно-временных «срезов» городской реальности, фиксируемых через культурные смыслы городских поселений, находящихся в ситуации полифонии, многоголосия [Полифония... 2014]. Авторы альманаха фиксируют «поворот к пространству» в качестве базового стержня изучения городских трансформаций. Пространство городской жизни предложено рассмотреть как «публичное пространство», «пространство частной жизни», «жизненное пространство», «социокультурный локус региона», «пространство культурного пограничья», «культурный ландшафт». Авторы предлагают вариант построения культурной типологии российских городов – крупных индустриальных центров на Волге и на Урале, обозначают как отдельные типы столичные и нестоличные (провинциальные) города, анализируют специфику их хромотопов.

Решению междисциплинарных и трансдисциплинарных проблем города был посвящен третий научно-исследовательский альманах «Пространственно-временная диагностика города», опубликованный в 2015 г. в рамках гранта РГНФ (проект № 140300036). На страницах альманаха предпринята попытка рассмотреть эволюцию ключевых смыслов столичных городов, а также тех городов, которые в условиях современных

культурных трансформаций претендуют на статус «третьих столиц»: Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Казани, Самары, Перми. Пространство «городской сцены» было осмыслено в качестве площадки для креативных художественных практик, рассмотрены способы участия горожан в деле модификации и осмысления привычных городских пространств. В альманахе «Город как сцена» [Город... 2015] были собраны работы более 50 авторов из России, Украины, Германии, Израиля, Франции. Причем в сфере интересов оказались не только крупные города – столицы и региональные центры, но и малые провинциальные города с различной культурной судьбой. Например, исследование хронотопа города Бузулука – типичного малого города, чьи пространственно-временные координаты представляют собой основу для раскрытия специфических характеристик «убывающего города» и бытия человека в нем как «бегства из города». Или, наоборот, культурное переформатирование промышленного города-спутника Самары – Новокуйбышевска, в котором небольшой театр воссоздает город в новых перспективных культурных координатах.

В 2016 г. в коллективной монографии «Хронотопия города» [Бурлина и др. 2016] в наиболее завершенном виде была представлена теория и методология пространственно-временной диагностики – хронотопии города.

Авторская гипотеза состоит в том, что город несет в себе множество разных хронотопов, сложившихся исторически, представляющих районирование города. Отсюда базовая модель города как полифонии разных времен, как палимпсеста и хронотопии.

Анализ смыслов пространства-времени (хронотопа и хронотопов) позволяют предопределить многослойную и полифоничную культурную матрицу города, диагностировать смыслы городских трансформаций, интерпретировать разные темпоральные модели, вплоть до бюджетов времени городского обывателя. Использование хронотопа и хронотопии как инструментария городских исследований предполагает качественные интерпретационные методы анализа пространства и времени города, позволяет приблизить фундаментальные положения науки к практике городских инноваций, построению имиджа эффективного городского поселения, брэндингу территорий.

Хронотоп, выступая базовым инструментом пространственно-временной диагностики города, является своего рода «чипом», позволяющим «считывать» различные его состояния. Хронотопия города трактуется нами как «специфическое образование, в котором зафиксированы пространственно-временные координаты и их культурные смыслы» [Бурлина и др. 2016, 79]. Изучение хронотопов конкретного типа городского поселения позволяет зафиксировать в одной «связке» доминирующие городские смыслы, историческую и средовую детерминации; институциональность и человеческий потенциал; увидеть город как системное единство, обладающее особой структурой, определенными элементами однородности и одновременно многомерности; создать его связную модель для сопоставления с другими городами. Напластования городских хронотопов позволяют задать новую типологию городов, основанную не на формальном признаке численности населения (большой, средний, малый), но на понимании уникальности, изменчивости, подвижности городского пространства-времени.

Методология хронотопии базируется на том, что сущность и содержание города могут быть исследованы через призму базовых инвариантов хронотопа, связывающих воедино темпорально-топосные и смысловые критерии и позволяющих типизировать городское пространство.

Историко-бытийный хронотоп несет в себе специфику места и времени зарождения города. В сознании горожанина он связан с основными культурными эпохами, историческими свидетельствами прошлого, «местами памяти», которые во многом определяют образ города на разных этапах его развития. Следует отметить, что историко-бытийный хронотоп не коррелирует с понятием «исторический город». Понятие исторического города прежде всего определяется через суммативно-дифференцированные описательные характеристики, город рассматривается с позиций временного «стажа» поселения, комплекса «национального достояния», что не позволяет выявить культурную значимость данного феномена в целом. Историко-бытийный хронотоп фиксирует ценностные установки жителей по отношению к городской среде, понимание своего города как целостной смысловой конструкции, прошедшей отбор прошлым города, опробованной настоящим и имеющей перспективу в будущем. Историко-бытийный хро-

нотоп предполагает гармоничную идентификацию человека и места. Нам представляется важным определять историко-бытийный хронотоп как ментально зафиксированное время-пространство зарождения и истории становления «особой души» [Гревс 1921, 22] места, которая детерминирует особенности и поддерживает границы городского сообщества, определяет поведенческие практики горожан, находит свое отражение в реальных городских структурах. Соглашаясь с Н.П. Анциферовым, мы полагаем, что город можно считать городом только тогда, когда он отмечен «печатью времени», является подлинным свидетельством «связи времен», «застывшей историей», именно тогда городской ландшафт обладает особой силой притяжения и ощущения города как своего места, родного, обжитого с незапамятных времен близкого пространства, которое нельзя не любить, нельзя разрушить, нельзя забыть. [Анциферов, Анциферов 1926, 25].

Профанный хронотоп предполагает диагностику повседневной жизни города с точки зрения качества и удобства городской среды, повседневных утилитарных маршрутов горожан и их житейских практик. А. Лефевр считал повседневность главным углом зрения, под которым следует рассматривать город. Именно повседневные практики образуют «живой» город во всей своей полноте: «В легендарном, монструозном городе каждый имеет некий свой путь (из квартиры в школу, контору, на фабрику) и не слишком хорошо знаком с остальным. Эти знакомые путешествия составляют часть повседневной, практичной и обнадеживающей, но более ограниченной в сравнении со старой общинной жизнью» [Лефевр 2008, 143].

Время профанного хронотопа – это время рутинное, повседневное, повторяемое, цикличное и т.д. Оно характеризуется заданной временной продолжительностью различных моментов повседневной жизни, одинаковостью, отсутствием разнообразия – распорядком дня, рабочими маршрутами, обеденными перерывами и графиками движения общественного транспорта. Для этого времени характерен определенный ритм и последовательность событий. Город как профанное пространство, будучи тесно связанным с ежедневными утилитарными практиками горожан, фрагментируется, делится на отдельные разрозненные функциональные зоны, присутствие в которых характеризуется временем пребывания, моментом их

актуальности в зависимости от дня или недели, уровнем востребованности. Причем следует отметить, что места памяти, представляющие ценность с позиции исторического хронотопа, здесь утрачивают свое значение: они либо отсутствуют на «ментальной карте» города, либо им приписываются иные смыслы: места молодежных тусовок, рекреационные зоны, знаки остановок транспорта и дорожных развязок. Таким образом, профанный хронотоп фиксирует городское пространство через то его смысловое наполнение, которое задано пространственно-временной организацией повседневной жизни, наложенной на городскую структуру.

Современный город неизбежно пронизан коммуникационными потоками любого рода, от инженерных до интеллектуальных, от реальных до виртуальных, и это, возможно, главный закон развития города. Глобальный хронотоп схватывает город в условиях интенсивной коммуникации, быстрых, зачастую противоречивых пространственно-временных трансформаций, которые одновременно востребуют и задают определенный тип горожанина – «...конкурентоспособного современного человека с особой манерой восприятия информации, особой моделью поведения, особыми способами самовыражения, актуальными с позиций современной цивилизации» [Барабошина 2013, 14]. Глобальный хронотоп в этой связи указывает на то, насколько город готов предоставить возможности для самореализации и самоактуализации горожан – от профессиональной состоятельности до неформальной творческой активности, от образовательных притязаний до досуговых предпочтений. Глобальный город прирастает виртуальными и реальными площадками городской коммуникации. Фиксируются и негативные аспекты, когда усложнение знаково-символического «пресса» городской среды, усиление коммуникационных потоков вырабатывает у жителя города защитные реакции в виде обезличенного формального общения, «выключенного» восприятия, синдрома информационной усталости.

Авторами выделены следующие ключевые черты глобального хронотопа: динамизм, мобильность, открытость, разнообразие, включенность в глобальные процессы. «Динамизм определяется насыщенностью пространства и времени города различного рода взаимодействиями, событиями, мероприятиями и т.д. Мобильность предполагает свободу перемещения как

внутри, так и между различными площадками самореализации (смена мест работы, образования, отдыха, развлечения и т.д.). Открытость характеризуется способностью города создавать и культивировать различные площадки для самореализации как постоянные, традиционные, так и мобильно-временные (акции, проекты, фестивали и т.д.). Разнообразие находит отражение в широком спектре различных видов и типов данных пространств, отличающихся как по своему назначению, так и по временным ритмам. Включенность в глобальные процессы отражает встроенность города в глобальную инновационную и коммуникационную среду (международное сотрудничество, зарубежные стажировки, культурные события мирового уровня и т.п.)» [Иливицкая, Бурлина 2014, 68].

Можно отметить, что хронотопия позволяет прочитать темпорально-топосные смыслы города, проследить его трансформации во времени и пространстве. Данная методология систематизирует и углубляет представления о городе как культурном феномене. Органическое сочетание в городском пространстве всех инвариантов хронотопа позволяет говорить о городе как самобытном, уникальном, гармоничном месте, фиксирует чувство сопричастности горожанина к прошлому, настоящему и будущему своего города. Тогда как преобладание одного из инвариантов хронотопа говорит о серьезных проблемах городского поселения. Так, например, в случае, когда профанный хронотоп оказывается аксиологической доминантой отдельных районов, весь город превращается в «захолустье», «провинциальную дыру», «город N».

Заключение

Представляется, что предлагаемая методология культурно-философской интерпретации модусов пространства-времени открывает новые перспективы диагностирования города как социокультурного феномена. Одновременно она позволяет говорить о складывании трансдисциплинарного подхода в городских исследованиях, закладывая основы соединения теории с реальной практикой городского управления и проектирования городской среды. В соответствии с требованиями, предъявляемыми современному городу, хронотопия позволяет управлять созданием позитивного имиджа – эффективной модели данного города, сопоставимого с другими территориями. Органичная

и сбалансированная хронотопия определяет векторы культурной индустрии, тогда как производство культуры в городе необратимо детерминируется возможностями и особенностями пространственно-временного бытия.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Анциферов, Анциферов 1926 – *Анциферов Н.П., Анциферов Т.П.* Книга о городе. – Л.: Брокгауз-Ефрон, 1926.

Анциферов 1926 – *Анциферов Н.П.* Пути изучения города как социального организма. – Л.: Сеятель, 1926.

Аузан 2016 – *Аузан А.* Для развития экономики должен произойти культурный сдвиг // Сноб. 11 декабря, 2016. – URL: <https://snob.ru/selected/entry/117736>

Барaboшина 2013 – *Барaboшина Н.В.* Хронотоп малого города: Бузулук – культурное пограничье: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 24.00.01. – Саранск, 2013.

Бахтин 1975 – *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.

Бокурадзе 2015 – *Бокурадзе Д.С.* Театр как грань города: хронотоп, поэтика, фестивальное пространство: автореферат дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01. – Саранск, 2015.

Бурлина и др. 2016 – *Бурлина Е. Я., Иливицкая Л. Г., Кузовенкова Ю. А., Голубинов Я. А., Барaboшина Н. В., Шиллинг Е.* Хронотопия города: монография. В 2-х т. – Самара: Книжное издательство, 2016.

Глазычев 1984 – *Глазычев В.Л.* Социально-экономическая интерпретация городской среды. – М.: Наука, 1984.

Город... 2012 – Город и время / авторы проекта: Е.Я. Бурлина, Л.Г. Иливицкая, Ю.А. Кузовенкова. В 2 т. – Самара: Самарское книжное издательство, 2012.

Город... 2015 – Город как сцена. История. Повседневность. Будущее. Интернациональный научно-исследовательский альманах / под ред. Е.Я. Бурлиной. В 2 т. – Самара: Медиа-книга, 2015.

Гранкина 2016 – *Гранкина Е.А.* Гуманитарное пространство города: хронотоп, институты, «гении места» пространство: автореферат дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01. – Саранск, 2009.

Гревс 1921 – *Гревс М.Н.* Монументальный город и исторические экскурсии // Экскурсионное дело. 1921. № 1. С. 1–14.

Злотникова 2011 – *Злотникова Т.С.* Человек. Хронотоп. Культура. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011.

Иванов 2010 – *Иванов А.В.* Хребет России. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2010.

Иливицкая 2011 – *Иливицкая Л.Г.* Время и хронотип: новые подходы и понятия: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 24.00.01. – Саранск, 2011.

Иливицкая, Бурлина 2014 – *Иливицкая Л.Г., Бурлина Е.Я.* Методология пространственно-временной диагностики: хронотоп и хронотопия // Полифония городских пространств: Интернациональный научно-исследовательский альманах. Обзоры и концепция. В 2 т. Т. 1. – Самара: Медиакнига, 2014.

Кузовенкова 2009 – *Кузовенкова Ю.А.* Город в идеальном измерении: от образа к имиджу: автореферат дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01. – Саранск, 2009.

Летина 2009 – *Летина Н.Н.* Российский хронотоп в культурном опыте рубежей (XVIII-XIX вв.): автореф. дис. ... д-ра культурологи: 24.00.01. – Ярославль, 2009.

Лефевр 2008 – *Лефевр А.* Другие Парижи // Логос. 2008. № 3. С. 141–147.

М.М. Бахтин... 2015 – М.М. Бахтин в современном мире: материалы VI Междунар. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рождения ученого / под ред. Н.И. Ворониной. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016.

Митин 2014 – *Митин И.И.* Место как палимпсест: мифогеографический подход в культурной географии // Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / под ред. А.Г. Дружинина и В.Н. Стрелецкого. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного фед. ун-та, 2014. С. 147–156.

Митчелл 2012 – *Митчелл У. Я++: человек, город, сеть.* – М.: Strelka Press, 2012.

Полифония... 2014 – Полифония городских пространств: Интернациональный научно-исследовательский альманах. Обзоры и концепция. В 2 т. – Самара: Медиа-книга, 2014.

Ревзина 2006 – *Ревзина О.Г.* Хронотоп в современном романе // Художественный текст как динамическая система: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 80-летию В. П. Григорьева 19–22 мая 2005. – М., 2006. С. 265–279.

Слёзкин 2019 – *Слёзкин Ю.* Дом правительства. Сага о русской революции. – М.: Corpus, 2019.

Ухтомский 2000 – *Ухтомский А.А.* Доминанта души: из гуманитарного наследия. – Рыбинск: Рыбинское подворье, 2000.

Фуко 2006 – *Фуко М.* Другие пространства // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. – М.: Практис, 2006. С. 191–204.

Щербакова 2012 – Город и деревня в современном мире по данным ООН. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0507/barom01.php>

Harvey 1989 – *Harvey D. The Urban Experience*. – Oxford: Blackwell, 1989.

Schlögel 2017 – *Schlögel K. Sowjetische Jahrhundert. Archäologie einer untergegangenen Welt*. – München: C.H. Beck Verlag, 2017.

Soja 1980 – *Soja E. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory*. – London; New York: Verso, 1989.

REFERENCES

Antsiferov N.P. (1926) *Ways to Explore the City as a Social Organism*. Leningrad: Seyatel' (in Russian).

Antsiferov N.P. & Antsiferov T.P. (1926) *A Book about the City*. Leningrad: Brockhaus – Efron (in Russian).

Auzan A. (2016) Economical Development Demands a Cultural Shift. In: *Snob*. Retrieved from <https://snob.ru/selected/entry/117736> (in Russian).

Bakhtin M.M. (1975) Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics. In: Bakhtin M.M. *Issues of Literature and Aesthetics* (pp. 234–407). Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russian).

Baraboshina N.V. (2013) *Chronotope of a Small city: Buzuluk – Cultural Frontier* (dissertation). Saransk (in Russian).

Bokuradze D.S. (2015) *Theater as an Edge of the City: Chronotope, Poetics, Festival Space* (dissertation). Saransk (in Russian).

Burlina E.Y. (Ed.) (2015) *City as a Scene. Story. Daily Routine. Future* (Vols. 1–2). Samara: Media-kniga (in Russian).

Burlina E.Y., Ilivitskaya L.G., & Kuvovenkova Y.A. (Comp.) (2012) *City and Time* (Vols. 1–2). Samara: Samara Book Publishing House (in Russian).

Burlina E.Y., Ilivitskaya L.G., Kuvovenkova Y.A., Golubinov Y.A., Baraboshina N.V., & Schilling E. (2016) *Chronotopy of the City* (Vols. 1–2). Samara: Knizhnoye izdatel'stvo (in Russian).

Burlina E., Maizzies V., Ilivitskaya L., Kuvovenkova Y., Golubinov Y., Baraboshina N., Grankina E., Bokuradze D., & Shilling E. (Comp.) (2014) *Polyphony of Urban Spaces* (Vols. 1–2). Samara (in Russian).

Foucault M. (1984) Des espaces autres. *Architecture, Mouvement, Continuité*. 1984. No. 5, pp. 46–49 (Russian translation in: *Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews* (part 3, pp. 191–204). Moscow: Praxis, 2006).

Glazychev V.L. (1984) *Socio-Economic Interpretation of the Urban Environment*. Moscow: Nauka (in Russian).

Grankina E.A. (2016) *Humanitarian Space of the City: Chronotope, Institutions, "Geniuses of the Place" Space* (dissertation). Saransk (in Russian).

Greys M.N. (1921) Monumental City and Historical Excursions. *Ekskursionnoye delo*. 1921. No. 1, pp. 1–14 (in Russian).

Harvey D. (1989) *The Urban Experience*. Oxford: Blackwell.

Ilivitskaya L.G. (2011) *Time and Chronotype: New Approaches and Concepts* (dissertation). Saransk (in Russian).

Ivanov A.V. (2010) *The Ridge of Russia*. Saint Petersburg: Azbuka-Attikus (in Russian).

Kuvovenkova Y.A. (2009) *The City in an Ideal Dimension* (dissertation). Saransk (in Russian).

Lefebvre H. (1974–1975) *Les autres Paris. Espaces et sociétés*. Vol. 13–14, pp. 185–192 (Russian translation in: *Logos*. 2008. No. 3, pp. 141–147).

Letina N. N. (2009) *Russian Chronotope in the Cultural Experience of the Frontiers (18th and 19th Centuries)* (dissertation). Yaroslavl (in Russian).

Mitchell W.J. (2003) *Me++: The Cyborg Self and the Networked City*. Cambridge, MA: MIT Press (Russian translation: Moscow: Strelka Press, 2012).

Mitin I.I. (2014) Place as a palimpsest: a mythological and geographical approach in cultural geography. In: Druzhinin A.G. & Streletsky V.N. (Eds.) *Phenomenon of culture in Russian social geography: expert opinions, analytics, concepts* (pp. 147–156) (in Russian).

Revzina O.G. (2006) Chronotope in the Modern Novel. In: Fateeva N.A. (Ed.) *Artistic Text as a Dynamic System: Proceedings of the the International Conference Dedicated to the 80th Anniversary of the Birth of V.P. Grigoryev* (pp. 265–279). Moscow: Upravleniye tekhnologiyami (in Russian).

Schlögel K. (2017) *Sowjetische Jahrhundert. Archäologie einer untergegangenen Welt*. München: C.H. Beck Verlag (in German).

Shcherbakova E. (2012) City and Village in the Modern World according to the UN. In: *Demoscope*. Retrieved from <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0507/barom01.php> (in Russian)

Slezkine Y. (2019) *The House of Government: A Saga of the Russian Revolution*. Princeton, NJ: Princeton University Press (Russian translation: Moscow: Corpus, 2019).

Soja E. (1989) *Postmodern Geographies: The Critical Social Theory*. London: Verso.

Ukhtomsky A.A. (2000) *Dominant of the Soul: From the Humanitarian Heritage*. Rybinsk: Rybinskoye podvorye (in Russian).

Voronina N.I. (Ed.) (2015) *M.M. Bakhtin in the Modern World: Proceedings of the 6th International Bakhtin Readings in Saransk – On the 120th Anniversary of the Birth of the Scientist*. Saransk: Mordovia University Publishing House (in Russian).

Zlotnikova T.S. (2011) *Person. Chronotope. Culture*. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University Press (in Russian).

ФИЛОСОФИЯ. ИСКУССТВО. СОЦИУМ

Музыка и человек

Уважаемые читатели!

В данном номере журнала мы открываем рубрику «Музыка и человек». Чем обусловлено открытие этой рубрики?

Во-первых, музыка – мощный сейсмограф происходящих в обществе процессов. Вспомним замечательный афоризм Конфуция: **«Если ты хочешь знать, как обстоят дела в обществе, прислушайся к его музыке».**

Во-вторых, музыка – глубочайшее и интимнейшее выражение человеческой природы. В этом смысле мы абсолютно солидарны с Г. Лонгфелло, отметившим, что **«музыка – универсальный язык человечества».**

Тема «Музыка и человек» особенно актуальна сегодня, в эпоху всемирного крушения культуры и истинных человеческих ценностей, на протяжении всей истории спасавших человека от окончательной духовно-нравственной деградации. Мы полагаем, что обращение к этой теме будет способствовать возвращению культуры в современное общество и возвращению человека в культуру – **Возрождению Культуры и Человека** как в нашей стране, так и в мире в целом.

Приглашаем российских и зарубежных философов, психологов, социологов, культурологов, искусствоведов к сотрудничеству в дальнейшем развитии дискуссии на эту тему на страницах журнала «Философские науки».

*А.С. КЛЮЕВ,
руководитель проекта*

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-46-55

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

Музыкальное воспитание, образование и обучение в феноменологическом осмыслении

А.С. Ключев

*Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

В статье предлагается феноменологическое осмысление музыкального воспитания, образования и обучения. Уже сам подход к рассмотрению музыкального воспитания, образования и обучения сквозь

призму феноменологии представляется уникальным: это первое в научной литературе исследование указанных явлений с позиции феноменологии. Анализ названных явлений осуществляется с учетом их связи с воспитанием, образованием и обучением в широком смысле. Отмечается, что проблемы, существующие в музыкальном воспитании, образовании и обучении, – отражение проблем, имеющих в воспитании, образовании и обучении в целом. Указывается, что использование феноменологического подхода может помочь справиться с этими проблемами. В качестве базовых в статье используются принципы феноменологической рефлексии, установленные немецким философом И.Г. Ламбертом. Ламберт полагал, что для феноменологического проникновения в истину явления, а значит, – приобщения к нему, необходимо по отношению к этому явлению осуществить три последовательных действия: восприятие (чувственный контакт), познание, применение в качестве источника проявления воли. В работе воспитание, образование и обучение трактуются как три последовательных этапа приобщения человека к миру в соответствии с утвержденными Ламбертом тремя последовательными действиями – этапами приобщения к явлению. Это приобщение к миру, собственно, и оказывается конечной целью педагогического воздействия. Музыкальное воспитание, образование и обучение рассматриваются как три последовательных этапа приобщения человека к музыке. Автор доказывает, что музыка – совершенное воплощение мира, а значит, приобщение человека к музыке (посредством трех этапов: музыкальное воспитание, образование, обучение) – фактически и есть приобщение человека к миру, иначе говоря, – решение педагогической задачи.

Ключевые слова: музыкальное воспитание, музыкальное образование, музыкальное обучение, музыка, феномен, феноменология, феноменологический подход, мир, человек.

Клюев Александр Сергеевич – доктор философских наук, профессор кафедры музыкального воспитания и образования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

aklujev@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8643-930X>

Для цитирования: *Клюев А.С. Музыкальное воспитание, образование и обучение в феноменологическом осмыслении // Философские науки. 2019. Т. 62. № 11. С. 46–55.*

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-46-55

A Phenomenological Understanding of Music Upbringing, Education and Training

A.S. Klujev

Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia

Abstract

The article presents a phenomenological understanding of musical upbringing, education and training. This approach to the consideration of musical upbringing, education and training is unique because it is the first study of these phenomena from the standpoint of phenomenology. Analysis of these phenomena is carried out taking into account their connection with upbringing, education and training in general. The article notes that the problems of musical upbringing, education and training are a reflection of the problems that exist in the entire system of upbringing, education and training. It is indicated that the use of phenomenological approach can help to cope with these problems. The author uses the basic principles of phenomenological reflection, established by the German philosopher J.H. Lambert. Lambert believed that phenomenological comprehension of the truth of the phenomenon is supposed to proceed through three sequential stages: perception (sensory contact), cognition and usage of the will as a source for manifestation. According to the distinction of the three sequential stages proposed by Lambert, in the article upbringing, education and training are treated as three sequential stages of personal comprehension of the phenomenon. This comprehension of the world is actually the ultimate goal of pedagogical influence, and musical upbringing, education and training. The author concludes that music is the perfect manifestation of the world, which means that the introduction of a person to music (through three stages: musical upbringing, education, training) is actually the introduction of a person to the world, in other words, the solution of the pedagogical problem.

Keywords: music upbringing, music education, music training, music, phenomenon, phenomenology, phenomenological approach, world, person.

Alexandr S. Klujev – D.Sc. in Philosophy, Professor of the Department of Music Education, Herzen State Pedagogical University.

aklujev@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8643-930X>

For citation: Klujev A.S. (2019) A Phenomenological Understanding of Music Upbringing, Education and Training. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 11, pp. 46–55.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-46-55

О феноменах и феноменологическом подходе

Термин «*феномен*» (греч. φαίνόμενον, от φαίνεσθαι – являться, быть видимым, также – казаться) в общем смысле означает явление, данное в чувственном созерцании [Михайлов 2010, 174]. Этот термин лежит в основе понятия «*феноменология*», которое означает учение о феноменах. Впервые его употребил немецкий философ Иоганн Генрих Ламберт в своей работе «Новый органон» (1764).

По Ламберту, феноменология – теория видимости (Theorie des Scheinens). Феноменология помогает «пробиться через видимость (ослепления видимостью. – А. К.) к истинному» [Ламберт 2006, 105].

Как пишет Ламберт, «понятие *видимости* по слову... и по своему первоисточнику берется от глаза или от зрения» [Ламберт 2006, 106], а значит, «феноменологию (необходимо трактовать. – А. К.) как трансцендент(аль)ную... оптику... (а также как. – А. К.) трансцендент(аль)ную перспективу... и, следовательно, (можно. – А. К.) расширить эти понятия попутно с понятием видимости вплоть до их истинной всеобщности» [Ламберт 2006, 107]. Получается, что можно распространить «оптическое понятие видимости... на все органы чувств», в результате чего оно «будет состоять во *впечатлениях*, которые воспринимаемые вещи (Dinge) вызывают в органах чувств. (Такое. – А. К.) впечатление, в особенности применительно к глазу, называется *образом* вещи (Sache)» [Ламберт 2006, 107]. Поскольку оптическое понятие видимости мы распространяем на все органы чувств, вполне закономерно, если понятием *образа* мы обозначим «впечатление... которое доставляет нам всякий орган чувств посредством восприятия им предметов, например, если бы мы хотели сказать “образ тепла”, “образ звука” (и т.п. – А. К.)» [Ламберт 2006, 107]. Далее автор поясняет: «Мы указали те виды видимости вообще, которые имеют место быть в отношении *чувств*... Высшие познавательные способности, разум и рассудок... не должны давать нам никаких источников видимости, так как именно они проникают сквозь ослепление видимостью» [Ламберт 2006, 108].

По мнению Ламберта, трансцендент(аль)ная перспектива способствует «прозрению будущего», а это, как считает Ламберт, очень важно, поскольку именно из будущего берутся «основания побуждения для воли» [Ламберт 2006, 111]¹.

Таким образом, согласно Ламберту, для постижения явления – приобщения к нему – необходимо по отношению к этому явлению произвести три последовательных действия: *восприятие (чувственный контакт)*, *познание*, *применение в качестве источника проявления воли*. В свете данного умозаключения Ламберта и рассмотрим *музыкальное воспитание, образование и обучение* (учитывая, что музыкальное воспитание, образование и обучение выступают в двух видах: *общее и профессиональное*).

Музыкальное воспитание, образование и обучение в современной ситуации

Следует подчеркнуть, что в современной отечественной музыкальной педагогике нет ясности относительно того, что

¹ Идеи И.Г. Ламберта получили развитие в XVIII в. (И. Кант, И.Г. Гердер), в XIX в. (Г.В.Ф. Гегель), но особенно заметно – в XX в. (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартр, Н. Гартман, Р. Ингарден).

есть «музыкальное воспитание», «музыкальное образование» и «музыкальное обучение». В этом вопросе существует путаница, о чем свидетельствует множество учебников, учебных пособий, связанных с изучением музыки. В качестве показательного примера можно привести публикации главного научного сотрудника лаборатории общих проблем дидактики, доктора педагогических наук, профессора Ю.Б. Алиева. В частности, в исследовании Алиева «Формирование музыкальной культуры школьников-подростков как дидактическая проблема» встречаются пассажи, демонстрирующие то, что их автор не различает (или не считает нужным различать) процессы музыкального воспитания, образования и обучения. Так, уже во Введении к работе читаем: «Структура музыкальной “воспитанности” подростков была гипотетически представлена в виде четырех подструктур: музыкальная образованность, сформированность исполнительских навыков и умений, развитость музыкального восприятия... и... развитость нравственной воспитанности» [Алиев 2012, 19]. «Изучение подростков в процессе музыкально-воспитательной работы подчинялось, прежде всего, задаче повышения уровня музыкального воспитания и обучения» [Алиев 2012, 27]. Наконец: «Музыкальное воспитание школьников подросткового возраста – это решающее звено школьного этапа музыкального образования, детерминирующее длительно сохраняющееся последствие лишь при условии включения в сферу музыкального обучения комплекса опорных, ключевых знаний и умений»² [Алиев 2012, 43–44].

Указанная неточность вытекает из того, что в отечественной педагогике, по сути, отождествляются процессы воспитания, образования и обучения³. Вот как определяются воспитание, образование и обучение в авторитетной Российской педагогической энциклопедии: воспитание – «социальное, целенаправленное создание условий (материальных, духовных, организационных) для развития человека» [Российская педагогическая энциклопедия].

² Обозначенная неопределенность, естественно, ведет к абстрактным, расплывчатым формулировкам при создании учебных программ в области музыкального искусства.

³ Любопытно, что в до сих пор остающемся популярным специальным справочном издании (первая его публикация – 1900 г.!) дается такой ряд синонимов от слова «воспитание»: «образование, обучение, уход, холя» [Словарь русских синонимов... 2006, 108]; от слова «образование»: «воспитание, просвещение, культура, цивилизация, прогресс, образованность, выделка, изготовление, созидание, фабрикация, формирование (формировка), организация, устройство» [Словарь русских синонимов... 2006, 366]; от слова «обучение» (вообще очень интересно): «см. воспитание» [Словарь русских синонимов... 2006, 369]. То же обнаруживается и в других подобных справочных изданиях.

дия 1993, 165]; образование – «процесс педагогически организованной социализации, осуществляемой в интересах личности и общества» [Российская педагогическая энциклопедия 1999, 62]; обучение – «деятельность... в ходе которой осуществляются развитие личности, ее образование и воспитание» [Российская педагогическая энциклопедия 1999, 66].

И все же не вызывает сомнения, что *музыкальное воспитание, образование и обучение – различающиеся процессы*. Попробуем предложить свою версию их разведения, исходя из приведенного выше суждения И.Г. Ламберта.

Музыкальное воспитание, образование и обучение как они есть (авторская версия)

Для начала уточним, как мы в общем понимаем *воспитание, образование и обучение*.

С нашей точки зрения, *воспитание* – это развитие способности чувствования явления, переживания его, слияния с ним и через это слияние – слияние с миром.

Очевидно, что слияние с миром возможно лишь при наличии у человека доброго, любящего сердца. Об этом прекрасно говорится в трудах отечественных педагогов. Так, данная тема замечательно раскрывается в работах известного русского философа и педагога П.Д. Юркевича.

Как пишет Юркевич, «живые потребности любящего сердца... понуждают его видеть и любить жизнь... Человек начинает свое... развитие из движений сердца, которое везде хотело бы видеть благо, счастье, сладкую игру жизни, везде хотело бы встречать существа радующиеся, согревающие друг друга теплотой любви, связанные дружбой и взаимным сочувствием. Только в этой форме *осуществленного всеобщего счастья* мир представляется ему как нечто достойное существовать»⁴ [Юркевич 1990, 181].

Образование – это обогащение знаниями, представлениями о действительности, ведущее к уяснению мира как целого.

Ближе всех к «разгадке» направленности образования подошел выдающийся русский философ, психолог и педагог В.В. Зеньковский.

⁴ На значение чувственного соотнесения человека с миром стали отчетливо обращать внимание с конца XVIII в.: И.Г. Гаман, Ф.Г. Якоби. Бурное же осмысление этого соотнесения приходится на XX столетие: Г. Риккерт, Э. Кассирер, В. Дильтей, Г. Зиммель, А. Бергсон, Э. Шпрангер, М. Шелер. Так, М. Шелер в своем эссе «Положение человека в Космосе» утверждает, что в человеке его чувственная экспрессия, которую Шелер называет чувственный порыв (*Gefühlsdrang*), «является... субъектом того первичного переживания, (которое. – А. К.)... есть корень всякого обладания “реальностью”» [Шелер 1994, 139].

По мнению Зеньковского, главное в образовании – принять «идею... (о. – А. К.) целом мире... Человек должен понимать мир в целом, и стремление к этому вполне законно»⁵ [Зеньковский 1996, 93].

Обучение – это привитие навыка (выучка) действительного присутствия в мире.

Такое присутствие предполагает активное проявление *воли*. Об активности воли оригинально размышляет М.М. Бахтин.

По Бахтину, «воля... активна в *поступке*» [Бахтин 2003, 27]. «Эта активность... поступка выражается... в (его. – А. К.) утверждении» [Бахтин 2003, 28]. В свою очередь, «изнутри... поступка, единственного, целостного и единого... есть подход и к единому и единственному бытию» [Бахтин 2003, 28–29].

Не вызывает сомнения, что *воспитание, образование и обучение* – три последовательных этапа приобщения человека к миру. А такое приобщение, по сути, и есть цель педагогической работы.

Итак, мы обсудили наше понимание воспитания, образования и обучения. Отталкиваясь от этого обсуждения, попробуем теперь предложить наше видение музыкального воспитания, образования и обучения.

Сначала проясним, что в нашем представлении есть *музыкальное воспитание*. На наш взгляд, *музыкальное воспитание* – это развитие способности музыкального переживания как предпосылки должного отклика на музыку.

О музыкальном переживании обстоятельно пишет Б.М. Теплов в своей знаменитой книге «Психология музыкальных способностей». По Теплову, «специфическим для музыкального переживания является переживание звуковой ткани как выражения некоторого содержания (курсив мой. – А. К.)». Этот критерий является главным и основным для отличия «музыкального переживания» от «внемusикального» переживания музыки» [Теплов 2003, 6]. Исходя из этой установки, Теплов в первую очередь исследует такие показатели, как «ощущение музыкального звука», «чувствительность к различению высоты звуков», «чувство тональности», «чувство интервалов», «ладовое чувство», «чувство музыкального ритма»⁶ [Теплов 2003, 49–236].

⁵ О мире как целом заявляли все философы, при этом подчеркивая, что задача философии и состоит в обосновании мира как целого. Очень изящно по этому поводу высказывается Х. Ортега-и-Гассет: он полагает, что существенным признаком философии необходимо считать «поиск целого как такового, захват Универсума, охоту на Единорога» [Ортега-и-Гассет 1991, 97].

⁶ К сожалению, вопросам музыкального переживания практически не уделяется внимания в российской педагогике. А между тем, как справедливо отмечает И. Гажим, обязательным условием восприятия музыки является «переживание тех процессов, ... которые составляют содержание произведения музыкального искусства» [Гажим 2013, 19].

Музыкальное образование – это расширение музыкальных представлений, предопределяющее осознание музыки как оригинального вида искусства.

Огромный вклад в совершенствование процессов музыкального образования внес Б.В. Асафьев.

Асафьев предложил эвристический метод в этом направлении на основе технологии «наблюдения музыки». По мысли прославленного музыковеда, «из анализа... свойств (музыки. – А. К.) и из установки положений, помогающих уяснить ее “содержание”, удалось прийти к выводу, что для правильного приближения к (пониманию. – А. К.) музыки... необходимо не столько обучение ей или изучение ее как научной дисциплины, сколько *наблюдение* (разумно организованное) совершающихся в ней изменений и преобразований материала» [Асафьев 1973, 60–61]. В связи с этим «важнейшей... задачей является развитие звуковых (слуховых) *навыков*, помогающих свободно ориентироваться и в чисто музыкальной (стихии. – А. К.) (ритм... динамика... темп, колорит или тембр)» [Асафьев 1973, 61].

Как пишет Асафьев, «при умелом и внимательном руководстве вполне возможно в процессе наблюдения музыки (слушателями. – А. К.)... добиваться... роста (их. – А. К.) музыкального сознания»⁷ [Асафьев 1973, 73].

Музыкальное обучение – это подготовка для работы с музыкальным материалом (особенно важная в профессиональной среде).

Указанная работа требует проявления *музыкально-творческой воли*. Закономерности этого проявления обсуждает известный немецкий пианист и педагог К.А. Мартинсен.

Мартинсен называет музыкально-творческую волю *звукотворческой волей* (schöpferischer Klangwille) и разъясняет, что ее образуют шесть отдельных модусов: «Звуковысотная воля» (Tonwille); «Звукотембровая воля» (Klangwille); «Линиеволя» (Linienwille); «Ритмоволя» (Rhythmuswille); «Воля к форме» (Gestaltwille) и «Формирующая воля» (Gestaltungswille) [Мартинсен 1966, 29–38]⁸.

⁷ «Наблюдение музыки» – могучая технология. К сожалению, ей тоже, по существу, не уделяется внимания в отечественной педагогической практике. Такое положение призывает исправить И.А. Знаменская. Исследовательница констатирует: «Наблюдение (музыки. – А. К.)... сопровождается загадками, отгадками, открытиями как семасиологического, так и семантического порядков» [Знаменская 2005, 96]. И это понятно, «ибо музыка движется, постоянно меняя свои звуко-смысло-комплексы, дополняя, расширяя, либо нивелируя их семасиологические отношения введением новых выразительных средств» [Знаменская 2005, 102].

⁸ Ценность книги К.А. Мартинсена подтверждают многие отечественные музыканты-педагоги: Г.М. Коган, Л.А. Баренбойм, Е.П. Макуренкова и др.

Бесспорно, музыкальное воспитание, образование и обучение оказываются тремя последовательными стадиями (этапами) приобщения человека к музыке.

Значимость такого приобщения становится понятной, если рассматривать ее с позиции, получившей наименование *синергетической* (от греч. *συνεργία* – со-работа, со-деятельность). Согласно этой позиции, мир – есть со-работа (со-деятельность) материи и духа, совершенным воплощением которой является музыка [Клюев 2017].

Таким образом, приобщение человека к музыке (в динамике «музыкальное воспитание, образование, обучение») и есть подлинное в буквальном смысле *приобщение человека к миру*, а значит, – достижение цели педагогического воздействия.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алиев 2012 – *Алиев Ю.Б.* Формирование музыкальной культуры школьников-подростков как дидактическая проблема. – М.: Изд-во СГУ, 2012.

Асафьев 1973 – *Асафьев Б.В.* Избранные статьи о музыкальном просвещении и образовании / 2-е изд. – Л.: Музыка, 1973.

Бахтин 2003 – *Бахтин М.М.* К философии поступка // *Бахтин М.М.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. – М.: Русские словари и др., 2003. С. 7–68.

Гажим 2013 – *Гажим И.* Переживание музыки как квинтэссенция музыкального опыта // Вестник кафедры ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование». 2013. № 3. С. 18–26.

Зеньковский 1996 – *Зеньковский В.В.* Педагогика. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 1996.

Знаменская 2005 – *Знаменская И.А.* Наблюдение как гносеолого-педагогический метод музыкальной педагогики сотрудничества // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 3. С. 92–103.

Клюев 2017 – *Клюев А.С.* Сумма музыки. – СПб.: Алетейя, 2017.

Ламберт 2006 – *Ламберт И.Г.* Феноменология, или Учение о видимости // Историко-философский ежегодник – 2006. – М.: Наука, 2006. С. 105–113.

Мартинсен 1966 – *Мартинсен К.А.* Индивидуальная фортепианная техника. На основе звукотворческой воли. – М.: Музыка, 1966.

Михайлов 2010 – *Михайлов К.А.* Феномен // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 2010. С. 174–175.

Ортега-и-Гассет 1991 – *Ортега-и-Гассет Х.* Что такое философия? – М.: Наука, 1991.

Российская педагогическая энциклопедия 1993 – Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. Т. 1. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1993.

Российская педагогическая энциклопедия 1999 – Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999.

Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений 2006 – Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / 8-е изд., стер. – М.: Русские словари, 2006.

Теплов 2003 – *Теплов Б.М.* Психология музыкальных способностей. – М.: Наука, 2003.

Шелер 1994 – *Шелер М.* Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994.

Юркевич 1990 – *Юркевич П.Д.* Философские произведения. – М.: Правда, 1990.

REFERENCES

Abramov N.M. (Ed.) *Dictionary of Russian synonyms and similar expressions*. Moscow: Russkiye slovari (in Russian).

Aliev Y.B. (2012) *Formation of Musical Culture of Teenage Students as a Didactic Problem*. Moscow: Saratov State University Press (in Russian).

Asafyev B.V. (1973) *Selected Articles on Music Teaching and Education*. Leningrad: Muzyka (in Russian).

Bakhtin M.M. (2003) On the Philosophy of Action. In: Bakhtin M.M. *Collected Works*. In 7 Vols. (Vol. 1, pp. 7–68). Moscow: Russkiye slovari (in Russian).

Davydov V.V. (Ed.) (1993–1999) *Russian Pedagogical Encyclopedia*. In 2 Vols. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya (in Russian).

Gazhim I. (2013) Experiencing Music as the Quintessence of Musical Experience. *Bulletin of the "Music Art and Education" UNESCO Chair*. 2013. No. 3, pp. 18–26 (in Russian).

Klujev A.S. (2017) *The Summa of Music*. Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).

Lambert J.H. (2006) Phenomenology, or The Doctrine of Visibility. In: Motroshilova N.V. (Ed.) *Historical and Philosophical Yearbook – 2006* (pp. 105–113). Moscow: Nauka (Russian translation).

Martienssen K. (1930) *Die individuelle Klaviertechnik auf der Grundlage des schöpferischen Klangwillens*. Leipzig (Russian Translation: Moscow: Muzyka, 1966).

Mikhaylov K. (2010) Phenomenon. In: Stepin V.S. (Ed.) *New Encyclopedia of Philosophy*. In 4 Vols. (Vol. 4, pp. 174–175). Moscow: Mysl' (in Russian).

Ortega y Gasset J. (1957) *¿Qué es filosofía?* Madrid: Revista de Occidente (Russian translation: Moscow: Nauka, 1991).

Scheler M. (1994) *Selected Works*. Moscow: Gnozis (Russian translation).

Teplov B.M. (2003) *Psychology of Musical Capabilities*. Moscow: Nauka (in Russian).

Yurkevich P.D. (1990) *Philosophical Works*. Moscow: Pravda (in Russian).

Zenkovsky V.V. (1996) *Pedagogy*. Moscow: Saint Tikhon's Orthodox University (in Russian).

Znamenskaya I.A. (2005) Observation as epistemological-pedagogical method musical pedagogy of cooperation. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Series: Social science*. 2005. No. 3, pp. 92–103 (in Russian).

Суггестивный потенциал музыки в формировании личности

И.В. Юрова

Консалтинговая группа ВІТОВЕ, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

В статье рассматривается суггестивный потенциал музыки, сопряженный с тремя ключевыми факторами, которые можно выделить в рамках междисциплинарного подхода. Первый фактор – способность музыкального произведения придавать инаковость уже имеющемуся субъективному опыту, позволяя переживать его по-новому. Второй фактор – наличие имеющего исторические предпосылки социокультурного контекста восприятия и понимания любого музыкального произведения, обусловленного тем, что музыка зарождается и развивается как групповая и коммуникационная практика. Таким образом, при индивидуальном прослушивании в отсутствии прямой коммуникации все равно формируется эффект присутствия Другого, «отражающего» опыт субъекта. Третий фактор – эмоциональная окрашенность, трактуемая как энергетизация «созвучного» опыта, которая имеет биологическое основание и может быть описана как стимуляция доминанты, исходя из концепции А.А. Ухтомского. Актуализация субъективного опыта приводит к усилению доминанты и, как следствие, к значительному снижению восприятия поступающих извне сигналов. Перечисленные факторы, по мнению автора, представляются взаимозависимыми, и их философское осмысление имеет принципиальное значение для понимания роли музыки в саморегуляции. Отдельное внимание в статье уделяется способности музыки актуализировать субъективный опыт без ущерба для его целостности. При этом целостность понимается автором не как полнота или завершенность, а как динамизм, предполагающий одновременно как открытость, так и закрытость в отношении к иному и новому. Такой подход к рассмотрению целостности субъективного опыта позволяет интерпретировать его превращение и обогащение, в том числе происходящее в измененном состоянии сознания, и проливает свет на эффект повышения ресурсности, достигаемый музыкой и используемый в терапии.

Ключевые слова: музыка, внушение, транс, субъективный опыт, субъективное переживание, целостность.

Юрова Ирина Валерьевна – кандидат философских наук, контент-директор консалтинговой группы ВІТОБЕ.

i.yurova@bitobe.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8052-3367>

Для цитирования: Юрова И.В. Суггестивный потенциал музыки в формировании личности // Философские науки. 2019. Т. 62. № 11. С. 56–66. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-56-66

Suggestive Potential of Music for the Formation of Personality

I. V. Yurova

BITOBE Consulting Group, Saint Petersburg, Russia

Abstract

The article discusses the suggestive potential of music, coupled with three key factors that can be distinguished as part of an interdisciplinary approach. The first factor is the ability of a piece of music to impart otherness to an existing subjective experience and relive it in a new way. The second factor is the sociocultural context of the perception and understanding of any musical work, which has historical prerequisites, as music is born and develops as a group communication practice. Thus, during individual listening in the absence of direct communication, the effect of the presence of the Other, “reflecting” the experience of the subject, is still formed. The third factor is emotional coloring, interpreted as the energization of a “consonant” experience, which has a biological basis and can be described as a stimulation of a dominant, based on the concept of A.A. Ukhtomsky. Actualization of a subjective experience leads to a strengthening of the dominant and, as a result, to a significant decrease in the perception of signals coming from outside. The listed factors, according to the author, seem to be interdependent, and their philosophical understanding is of fundamental importance for understanding the role of music in self-regulation. Special attention is paid to the ability of music to actualize subjective experience without the loss of integrity. At the same time, the author does not understand integrity as plenitude or completeness but as dynamism, implying both openness and closeness in relation to something another and new. This approach to the consideration of the integrity of subjective experience allows us to interpret its transformation and enrichment, including what happens in an altered state of consciousness, and sheds light on the effect of increasing the personal resources achieved by music and used in therapy.

Keywords: music, suggestion, trance, subjective experience, emotional experience, integrity.

Irina V. Yurova – Ph.D. in Philosophy, Content Director of the BITOBE Consulting Group.

i.yurova@bitobe.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8052-3367>

For citation: Yurova I.V. (2019) Suggestive Potential of Music for the Formation of Personality. *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 11, pp. 56–66.
DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-56-66

Введение

Способность влиять на психические состояния, важная в отправлении культовых ритуалов, всегда рассматривалась как труднообъяснимая, но неотъемлемая черта музыки. Пока нейрофизиология ищет биологическое объяснение связи ритма, гармонии и транса, исследователи сходятся во мнении, что наряду с внушающей силой слова намного более внушающим потенциалом обладает именно музыка. Главный вопрос заключается в том, имеет ли суггестивный потенциал музыки культурное основание или определяется исключительно биологическими предпосылками.

Исследователи, сосредоточившие свое внимание на гетеросуггестии, во главу угла часто ставят подражание или даже стадное чувство, понимаемые как основание для развития способности к внушению, однако, в отношении суггестивного эффекта музыки все не столь однозначно. Музыка сама по себе обладает суггестивным потенциалом, то есть Другой изначально присутствует в ней, распознается внушаемым на доступном ему уровне.

Телесная природа vs культурная модель

Сьюзен Лангер, выражая уверенность в том, что язык в сравнении с музыкой являет собой «жалкое и примитивное средство» отражения глубины внутреннего опыта и определения постигаемых состояний, называла музыку «самым высокоразвитым видом чисто коннотационной семантики» [Лангер 2000, 92], так как формы человеческих чувств гораздо более подходят для сравнения с музыкальными формами, чем с языковыми [Лангер 2000, 210]. Тем не менее, если внушающей силе слова уже посвящено множество работ, то внушающая сила музыки оказывается более сложной областью для исследований.

Музыка генерирует установки, которые направляют внимание на значимые события во времени: таким образом достигается концентрация и переживание человеком «созвучного» прошлого. Исследования показывают, что внимательное прослушивание музыки активирует области мозга, участвующие в общих процессах оперативной памяти и внимания, не полагаясь при этом на области, прямо специфичные для обработки музыки. Замечательным примером мощного воздействия музыки на мозг является активация, часто наблюдаемая в нескольких зонах моторной системы, которая происходит без явного движения. Общеизвестно, что прослушивание музыки вызывает непроизвольные движения, например, постукивание ногой или покачивание головой в такт.

«Воздействие музыки на подсознание, а отсюда – на телесную природу человека, обусловлено соответствием ее системного устройства системе внутренних психофизиологических процессов» [Клюев 2016, 183]. Однако, несмотря на неоспоримость того, что внушающий эффект музыки объясняется базовыми биологическими предпосылками, остается вопрос о соотношении психофизиологического и культурного уровней в самом музыкальном восприятии.

Нейрофизиологические особенности восприятия музыки оказываются весомым аргументом в споре с теми, кто утверждает, что воздействие музыки опосредовано культурой, или точнее – определенной исторически обусловленной культурной моделью. На это тонко намекает Алексей Герман, когда в его кинокартине «Трудно быть богом» маленькая девочка признается: «У меня от этой музыки болит живот». Реплика звучит так, как если бы у человечества, которое остановилось на пороге Возрождения, еще не обнаружили те культурные «ферменты», которые позволяют личности «переварить» и усвоить музыку XX столетия.

Гилберт Руже в книге «Музыка и транс: теория отношений между музыкой и одержимостью» выражает твердую уверенность в том, что музыка способна оказывать физическое воздействие на слушателя, однако, при этом он остается приверженцем культурной обусловленности вызываемого ею транса. По его мнению, музыка является катализатором культурно обусловленных состояний, и отношения между ритмом и трансом «действуют на уровне не природы, а культуры» [Rouget 1985]. Таким образом, для «полноценного» восприятия музыки должны сформироваться помимо нейрофизиологических предпосылок еще и культурные «рецепто-

ры». Нейрофизиология интерпретирует культурные ограничения восприятия по-своему, отмечая, что «музыка может универсально выражать чувство грусти или даже страха у разных народов», и все же она способна «вызывать определенные виды эстетических эмоций, отличных от базовых «утилитарных» категорий, связанных с адаптивными функциями» [Vuilleumier, Trost 2015].

Целостность опыта и его переживание

Суггестивный потенциал музыки, как правило, объясняется ее способностью «эмоционально окрашивать» опыт. Однако этот тезис не кажется самодостаточным для того, чтобы просто принять его как данность. Каким образом достигается это соединение музыки и уже имеющегося субъективного опыта в эстетическом переживании?

Если принять гармонию как основополагающий принцип, то надо признать, что привнесение музыкальной «слаженности» должно специфическим образом осуществлять актуализацию опыта без ущерба для его целостности. Рассматривая субъективный опыт как целостность, мы понимаем, что человеческое познание не может осуществляться с «разрывами». Тем не менее, человек всегда выстраивает свою деятельность в условиях естественных ограничений, и структурирование опыта оказывается во многом творческим процессом. Е.Н. Князева, рассуждая о живом опыте познающего существа и способах его подстройки к миру, оперирует понятием «живые операционально-замкнутые системы», используя терминологию У. Матурана и Ф. Варела [Князева 2010]. И.А. Герасимова указывает на ограниченность самого понятия «операциональной замкнутости», так как в этом случае уместнее диалектическое понимание «открытости в замкнутости и замкнутости в открытости» [Герасимова 2010], ведь отсутствие динамизма в структуре или системе лишает характерной для живой целостности возможности развития. Даже если рассматривать символ как некую культурную целостность, то и в этом случае К.Г. Юнг, сравнивая его с «живым веществом», называл «психологической машиной, преобразующей энергию» [Юнг 2010, 98], таким образом, совмещая систему с динамической характеристикой.

Мы не можем утверждать полноту какого бы то ни было опыта, но, исходя из представления о его целостности, готовы заявлять о его постоянном превращении и обогащении. Музыка становится

в этой связи совершенно уникальным способом актуализации человеческого опыта, объединяющим «созвучные» ей компоненты субъективного. Опыт остается прежним, узнаваемым, но переживается по-другому. Эта привносимая в субъективный опыт инаковость является настолько мощной по силе своего преобразования, что способна изменить психическое состояние так, что время и пространство подменяются внутренними «звучащими» им формами. В измененном состоянии сознания время может остановиться, ускориться или «перескочить», а внутреннее пространство постигается движением на месте – танцем. Если оставить в стороне метафору диалога с божественным, то создаваемый преобразованием субъективного опыта внутренний динамизм традиционно использовался, как принято говорить, для повышения ресурсности. По сути же, речь идет о высвобождении энергии за счет проживания собственного опыта в новой форме.

Регулятивная роль музыки

М. Джермин, обращая внимание на утверждение З. Фрейда, что человеческий мозг должен выбрасывать энергию для достижения равновесия, уверен, что работа мозга более сложна, чем это представлял себе австрийский ученый, так как мозг никогда не достигает и даже не приближается к состоянию «равновесия» или покоя [Germine 1998]. Заблуждения, скрывающиеся за гипотезой о желаемой «сбалансированности» мозга, по мнению Джермина, привели к тому, что психотерапевты стали поощрять своих клиентов к «разгрузкам» для «равновесия» способами, которые не облегчают их страданий, особенно – в части «разрядки» агрессии. В то же время музыка эффективно изменяет психические регуляторы, так как она не предусматривает передачу некоего заряда энергии извне вовнутрь или же наоборот, как это может изображаться по аналогии с материальными объектами. Ее внушающий эффект связан с эмоционально заново переживаемым опытом. По всей видимости, заблуждение последователей основателя психоанализа отчасти связано с избыточно рационализаторской позицией самого Фрейда, который признавался в своеобразной невосприимчивости к воздействию музыки, ссылаясь на то, что просто не может объяснить вызываемые ею эффекты [Baralea, Minazzi 2008].

Чтобы лучше понять это внутреннее обновление субъективного, стоит обратиться к идее, предшествовавшей появлению

понятия «установка». А.А. Ухтомский считал «великим биологическим достижением – уметь не разориться от своего опыта» [Ухтомский 2008, 199]. Он подчеркивал, что эмоция придает доминанте устойчивость, которая обуславливает появление безотчетных «предрассудков», принципиально важных для рабочего состояния психики. Если бы человек был обречен одинаково реагировать на все поступающие извне сигналы, это быстро привело бы к истощению всех его ресурсов. Доминанта позволяет не только фокусироваться на чем-то одном, но и структурировать опыт, формируя основу для избирательности [Ухтомский 2019]. Музыка за счет своей способности эмоционально стимулировать доминанту усиливает эти уже имеющиеся «точки сборки» субъективного.

Этим объясняется и особая роль музыки в саморегуляции. Целый ряд опросов показал, что одним из самых востребованных методов регуляции настроения является прослушивание музыки, которому в этом отношении уступает лишь общение с близкими. «Хотя в современном обществе музыка имеет тенденцию переживаться в персонализированном или индивидуализированном контексте прослушивания, мы знаем, что этот контекст исторически беспрецедентен. Создание музыки в обществах охотников-собирателей происходит в социальном или групповом контексте. До изобретения фонографа музыка в западной культуре также прослушивалась в социальном или групповом контексте» [Huron 2001, 58].

Б.Ф. Поршнев исследовал внушение в контексте социальной эволюции, противопоставляя речевой суггестии паузу, возникшую на ранних этапах развития человека. По его мнению, молчание, понимаемое им как разграничитель звуковых комплексов, стало главной предпосылкой выхода наших предков из суггестивного поля общего стадного звучания и появления возможности интериоризированных реакций. Е.В. Косилова трактует «суггестию» в его гипотезе не столько как собственно внушение, сколько как «коллективное мышление», неразделенное групповое сознание, полагая, что от суггестивного эффекта зависит так называемое понимание «с полуслова», то есть «суггестивное мышление» появляется еще до развития вербализации общения в группе [Косилова 2012; Поршнев 2006]. Б.Ф. Поршнев отмечает, что, как только появляется «мы», появляется «ускоритель», который во много крат разгоняет ту или иную склонность, умножает ее, может разжечь до огромной силы [Поршнев 1966, 105]. Но суггестивность можно понимать не только через призму

групповых и массовых эффектов. То, что В.М. Бехтерев называл взаимовнушением, ближе к диалогической форме коммуникации [Бехтерев 1999]. Кроме того, последние исследования, вопреки гипотезам, не выявили особого различия между прослушиванием музыки в группе и индивидуальным ее восприятием, поэтому суггестивность музыки, по всей видимости, сродни трансляции присутствия, в которой физически Другой неуместен или, по крайней мере, избыточен [Sutherland et al. 2009], так как его присутствие уже воссоздается иным образом, в том числе сочетаемой с музыкальным выражением спонтанной визуализацией [Bergeron, Lopes 2009].

Рассматривая коммуникацию как культурно опосредованную систему, следует принять тезис о том, что музыка эволюционирует по мере того, как развиваются качества самого человека [Клюев 2010]. Косвенным образом коммуникационную направленность музыки подтверждают исследования пластичности мозга музыкально одаренных людей: музыкальный опыт влияет на качество восприятия и обработки речи, а соответственно, и ее понимания [Besson, Chobert, Marie 2011; Schön, Magne, Besson 2004]. Музыка активно используется в социальной идентификации – для распознавания в системе «свой – чужой», самоутверждения и привлечения партнера [Rentfrow 2012]. Однако это внешняя социальная сторона регуляторных процессов, порождаемых музыкой. Прежде всего, музыка обеспечивает желаемый для субъекта эффект коммуникации без конкретного адресата – форму присутствия Другого.

Заключение

Внушающая сила музыки тесно связана с эмоциональной регуляцией, которая, как мы видим, имеет и биологическую, и социально-культурную основу. Она обеспечивает новую форму переживания уже имеющегося субъективного опыта вплоть до проживания полной его инаковости, например, в состоянии транса. Эта особенность восприятия музыки обуславливает высвобождение энергии, повышение ресурсности за счет избирательности в отношении остальных внешних факторов. И наконец, музыка, благодаря создаваемому ею модусу инаковости опыта и развитию в социокультурном контексте, может рассматриваться как особая форма коммуникации и социального поведения, что также определяет ее суггестивный потенциал.

Интеграция результатов исследований, касающихся внушающего потенциала музыки, требует философского уровня осмысления, так как, по своей сути, они направлены на понимание принципов формирования субъективного опыта, эстетического переживания в контекстах и личностного становления, и эволюционного развития, а также уточнения связей саморегуляции, коммуникации и социокультурной модели, благодаря которым музыкальное произведение обретает силу внушения.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бехтерев 1999 – *Бехтерев В.М.* Роль внушения в общественной жизни // *Бехтерев В.М.* Избранные труды по психологии личности. Объемное изучение личности. Т. 2. – СПб.: Алетейя, 1999. С. 169–219.

Герасимова 2010 – *Герасимова И. А.* Проблема целостности // Эпистемология и философия науки. 2010, № 1. Т. 23. С. 64–66.

Клюев 2010 – *Клюев А.С.* Онтология музыки. 2-е изд., испр. и перераб. – СПб.: Петрополис, 2010.

Клюев 2016 – *Клюев А.С.* О необходимости понимания музыкотерапии как практической философии музыки // Фундаментальная наука и технологии – перспективные разработки материалы IX международной научно-практической конференции. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2016. С. 182–184.

Князева 2010 – *Князева Е.Н.* Телесно-ориентированный подход в эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2010. № 1 (23). С. 42–49.

Косилова 2012 – *Косилова Е.В.* От суггестии к сознанию // Вопросы философии. 2012. № 3. С. 15–26.

Лангер 2000 – *Лангер С.* Философия в новом ключе. – М.: Республика, 2000.

Поршнев 1966 – *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. – М.: Наука, 1966.

Поршнев 2006 – *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории. (Проблемы палеопсихологии). – М.: ФЭРИ-В, 2006.

Ухтомский 2008 – *Ухтомский А.А.* Лицо другого человека: Из дневников и переписки. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008.

Ухтомский 2019 – *Ухтомский А.А.* Доминанта. – СПб.: Питер, 2019.

Юнг 2010 – *Юнг К.Г.* Об энергетике души / пер. с нем. В. Бакусева. – М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2010.

Baralea, Minazzi 2008 – *Baralea F., Minazzi V.* Off the Beaten Track: Freud, Sound and Music. Statement of a Problem and Some Historico-Critical Notes // The International Journal of Psychoanalysis. 2008. Vol. 89. No. 5. P. 937–957.

Bergeron, Lopes 2009 – *Bergeron V., Lopes D.M.* Hearing and Seeing Musical Expression // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2009. Vol. 78. No. 1. P. 1–16.

Besson, Chobert, Marie 2011 – *Besson M., Chobert J., Marie C.* Language and Music in the Musician Brain // *Language and Linguistics Compass*. 2011. Vol. 5. No. 9. Pp. 617–634.

Germine 1998 – *Germine M.* The Concept of Energy in Freud's Project for a Scientific Psychology // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 1998. Vol. 843. No. 1. P. 80–90.

Huron 2001 – *Huron D.* Is Music an Evolutionary Adaptation? // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2001. Vol. 930. No. 1. P. 43–61.

Rentfrow 2012 – *Rentfrow P.J.* The Role of Music in Everyday Life: Current Directions in the Social Psychology of Music // *Social and Personality Psychology Compass*. 2012. Vol. 6. No. 5. P. 402–416.

Rouget 1985 – *Rouget G.* Music and Trance: A Theory of the Relations between Music and Possession. – Chicago: University of Chicago Press, 1985.

Schön, Magne, Besson 2004 – *Schön D., Magne C., Besson M.* The Music of Speech: Music Training Facilitates Pitch Processing in Both Music and Language // *Psychophysiology*. 2004. Vol. 41. No. 3. P. 341–349.

Sutherland et al. 2009 – *Sutherland M. E., Grewe O., Egermann H., Nagel F., Kopiez R., Altenmüller E.* The Influence of Social Situations on Music Listening // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2009. Vol. 1169. No. 1. P. 363–367.

Vuilleumier, Trost 2015 – *Vuilleumier P., Trost W.* Music and Emotions: From Enchantment to Entrainment // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2015. Vol. 1337. No. 1. P. 212–222.

REFERENCES

Baralea F. & Minazzi V. (2008) Off the Beaten Track: Freud, Sound and Music. Statement of a Problem and Some Historico-Critical Notes. *The International Journal of Psychoanalysis*. Vol. 89, no. 5, pp. 937–957.

Behterev V.M. (1999) The Role of Suggestion in Social Life. In: Bekhterev V.M. *Selected Works on the Psychology of Personality. Objective Study of Personality* (Vol. 2, pp. 169–219). Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).

Bergeron V. & Lopes D.M. (2009) Hearing and Seeing Musical Expression. *Philosophy and Phenomenological Research*. Vol. 78, no. 1, pp. 1–16.

Besson M., Chobert J., & Marie C. (2011) Language and Music in the Musician Brain. *Language and Linguistics Compass*. Vol. 5, no. 9, pp. 617–634.

Gerasimova I. A. (2010) Integrity Issue. *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 23, no. 1, pp. 64–66 (in Russian).

Germine M. (1998) The Concept of Energy in Freud's Project for a Scientific Psychology. *Annals of the New York Academy of Sciences*. Vol. 843, no. 1, pp. 80–90.

Huron D. (2001) Is Music an Evolutionary Adaptation? *Annals of the New York Academy of Sciences*. Vol. 930, no. 1, pp. 43–61.

Jung C.G. (2010) *On the Psychic Energy*. Moscow: Akademicheskiiy proyekt (Russian translation).

Klujev A.S. (2016) On the Necessity to Understand Music Therapy as a Practical Philosophy of Music. In: *Fundamental Science and Technology – Advanced Materials Development: IX International Scientific and Practical Conference* (pp. 182–184). Saint Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University Press (in Russian).

Klujev A.S. (2010) *Ontology of Music. 2nd ed., correct. and revis.* Saint Petersburg: Petropolis, 125 p. (in Russian).

Knyazeva E.N. (2010) Body-Oriented Approach in Epistemology. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2010. No. 1, pp. 42–49 (in Russian).

Kosilova E.V. (2012) From Suggestion to Consciousness. *Voprosy filosofii*. 2012. No. 3, pp. 15–26 (in Russian).

Langer S. (1941) *Philosophy in a New Key*. Cambridge: Harvard University Press (Russian translation: Moscow: Respublika, 2000).

Porshnev B.F. (1966) *Social Psychology and History*. Moscow: Nauka (in Russian).

Porshnev B.F. (2006) *On the Beginning of Human History*. Moscow: FERI-V (in Russian).

Rentfrow P.J. (2012) The Role of Music in Everyday Life: Current Directions in the Social Psychology of Music. *Social and Personality Psychology Compass*. Vol. 6, no. 5, pp. 402–416.

Rouget G. (1985) *Music and Trance: A Theory of the Relations between Music and Possession*. Chicago: University of Chicago Press.

Schön D., Magne C., & Besson M. (2004). The Music of Speech: Music Training Facilitates Pitch Processing in Both Music and Language. *Psychophysiology*. Vol. 41, no. 3, pp. 341–349.

Sutherland M. E., Grewe O., Eggermann H., Nagel F., Kopiez R., & Altenmüller E. (2009). The Influence of Social Situations on Music Listening. *Annals of the New York Academy of Sciences*. Vol. 1169, no. 1, pp. 363–367

Ukhtomsky A.A. (2008) *The Face of another person: From diaries and letters*. Saint Petersburg: Ivan Limbach Publishing (in Russian).

Ukhtomsky A.A. (2019) *Dominant*. Saint-Petersburg: Piter (in Russian).

Vuilleumier P. & Trost W. (2015) Music and Emotions: From Enchantment to Entrainment. *Annals of the New York Academy of Sciences*. Vol. 1337, no. 1, pp. 212–222.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Моральная философия. Генезис и развитие

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-67-83

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

Трансформация понятия добродетели в британской моральной философии XVIII в.*

О.В. Артемьева

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена анализу понятия добродетели в этике Нового времени: выявлению его «нововременного» своеобразия, определению места понятия добродетели в системе других моральных понятий: закона, долга, обязанностей и т.п., — посредством которых в этике Нового времени выстраивалось понятие морали. На материале анализа современной исследовательской литературы и работ нововременных моральных философов показано, что основное изменение, происходящее с понятием добродетели, состоит в том, что оно больше не рассматривается в качестве главного и тем более единственного понятия, вокруг которого выстраиваются морально-философские концепции, а чаще всего используется в качестве вспомогательного понятия для выражения последовательности и решимости человека (его воли) в выполнении предписаний морального закона, правил и трактуется как результат последовательного исполнения моральных обязанностей, долга. В содержательном плане понятие добродетели в большинстве морально-философских концепций связывают с любовью или благожелательностью. Любовь или благожелательность противопоставляют справедливости, которая, в отличие от добродетели, регулируется точно сформулированными законами и правилами. При этом обе сферы признаются чрезвычайно значимыми: справедливость

* Статья подготовлена в рамках проектного исследования «Моральная философия раннего Нового времени: ключевые характеристики, основные идеи и тенденции», осуществляемого при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), грант № 18-011-00297.

как сфера законов и правил обеспечивает выживание общества, любовь и благожелательность как сфера добродетели позволяют надлежащим образом выстраивать отношения между людьми и улучшают качество совместной жизни. Кроме того, в учениях, выстроенных вокруг понятия добродетели, подчеркивается внутренний характер моральной мотивации как ее ключевая особенность. Различение сфер законов, правил, с одной стороны, и добродетелей – с другой, в ходе построения философского понятия морали свидетельствует об осознании моральными философами Нового времени сложности и неоднородности феномена морали, об интуитивном понимании того, что для его осмысления требуется более сложный понятийный аппарат.

Ключевые слова: добродетель, обязанность, долг, моральный закон, моральные правила, совершенные и несовершенные обязанности, справедливость, благожелательность.

Артемьева Ольга Владимировна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора этики Института философии РАН.

o_artemyeva@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0001-8266-8730>

Для цитирования: *Артемьева О.В.* Трансформация понятия добродетели в британской моральной философии XVIII в. // Философские науки. 2019. Т. 62. № 11. С. 67–83. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-67-83

Transformation of the Concept of Virtue in the British Moral Philosophy of 18th Century*

O.V. Artemyeva

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The paper discusses the concept of virtue in the modern ethics. The author reveals the specifics of this concept in modern moral philosophy, identifies the place of the concept of virtue in the system of other moral concepts, such as law, duty, obligation, etc., by means of which the modern conceptions of morality has been constructed. The analysis of contemporary research and the works of modern moral philosophers shows that the main change in the concept of virtue is that it is no longer considered as

* The paper has been prepared within the research project “The moral philosophy of the early modern period: key characteristics, main ideas, and trends,” supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), grant no. 18-011-00297.

the main concept around which the conceptions of morality are elaborated. The concept of virtue is most often used as an auxiliary concept to express the consistency and determination of a person (his will) in the fulfilment of the prescriptions of the moral law or considered as a result of the consistent fulfilment of moral duty. In terms of moral content, virtue in most modern moral-philosophical conceptions was associated with love, or benevolence. Love, or benevolence, opposes the sphere of justice, which, unlike the sphere of virtue, is regulated by precisely formulated laws and rules. Both spheres are recognized as extremely important: justice as a sphere of laws and rules ensures the survival of society, and love and benevolence as a sphere of virtue promote the maintenance of proper human relations and improve the quality of public life. Besides that, the doctrines constituted around the concept of virtue emphasize that the inner character of moral motivation is a key feature of morality. The distinction in the conceptions of morality between the spheres of laws, rules, on the one hand, and virtues, on the other hand, implies that the modern moral philosophers understood complexity and heterogeneity of the phenomenon of morality and supposed that a more complex conceptual apparatus is required to grasp it.

Keywords: virtue, obligation, duty, moral law, moral rules, perfect and imperfect duties, justice, charity, beneficence.

Olga V. Artemyeva – Ph.D. in Philosophy, Senior Research Fellow of the Department of Ethics, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

o_artemyeva@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0001-8266-8730>

For citation: Artemyeva O.V. (2019) Transformation of the Concept of Virtue in the British Moral Philosophy of 18th Century. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 11, pp. 67–83. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-67-83

Введение

Среди современных моральных философов и исследователей распространено представление о том, что в раннее Новое время понятие добродетели, центральное в античных и средневековых учениях о морали, постепенно маргинализируется и к XIX в. оказывается вытесненным не только из морально-философского рассуждения, но и из обыденного морального сознания и языка [Anscombe 1958, 1–19; Foot 2002, 1; Frede 2013, 125–126]. На смену этике добродетели приходит этика норм, которую в разных работах называют по-разному: этика закона, этика правил, этика поступков, этика обязанностей. Этика норм постепенно оформляется в двух основных видах: как этика долга

и как утилитаристская этика. Если в центре этики добродетели находится индивид, его характер, качества, которые определяются как добродетели и пороки, жизнь человека в ее целостности, то этика норм сосредоточена на регламентации поступков, т.е. на выработке принципов, критериев, правил их морального обоснования. Этика добродетелей указывает на то, каким должен быть человек, а этика норм – на то, какими должны быть поступки. В отличие от этики добродетели, этика норм говорит на языке требований и обязанностей.

В смещении теоретического интереса от понятий добродетели и блага к понятиям обязанности, закона, правильного и неправильного и т.п. при особом их понимании исследователи видят специфику нововременной концепции морали¹. Стивен Даруэлл полагает, что «нововременная концепция морали» характеризуется той особой формой, которую приобрели в ее рамках идеи, обозначавшиеся терминами «мораль», «моральный закон», «моральный агент» [Даруэлл 2017, 19]. В развитии этих идей, как считает Даруэлл, особую роль сыграли теории естественного права раннего Нового времени. Именно начиная с теории Гуго Гроция, по его мнению, рождается нововременная концепция морали как «корпуса универсальных норм, значимость которых для нас принципиально не зависит от наших представлений о благе, более того, которые могут конфликтовать с этими представлениями и вместе с тем быть обязывающими для нас» [Даруэлл 2017, 21]. Даруэлл подчеркивает, что «никогда до раннего Нового времени философы не были так сосредоточены на размышлении о нормах и о природе нормативности самой по себе» [Darwall 2007, 988]. Даже те моральные философы, которые осознанно и весьма резко выступали против концепции морали норм (Шафтсбери, Г. Лейбниц, Ф. Хатчесон, Д. Юм и др.), были вынуждены использовать язык этой концепции и говорить в том числе об обязанностях, пусть и по-особому понимаемых² [Darwall 2007, 988].

¹ Уже Генри Сиджвик обращал внимание на то, что современная ему этика сосредоточена на исследовании требований «морального кодекса», и в этом состоит ее существенное отличие от античной этики, центральными в которой были понятия блага и добродетели [Sidgwick 1981, 105–106; Sidgwick, Widgery 1960, 97].

² Например, Шафтсбери, который развивал этику добродетели, обращает внимание на то, что люди нерелигиозные «выполняют правила морали (rules of morality) и действуют во многих случаях с таким пониманием и привязанностью к человечеству, что мы вынуждены признать их добродетельными» [Shaftesbury 2001, 4].

Однако интересно, что имеет место и обратное. Те философы, которые развивали прежде всего этику норм и обязанностей, также широко ис-

Хотя в Новое время процесс вытеснения этики добродетелей как определенного взгляда на мораль этикой норм вполне очевиден, столь же очевидно и то, что понятие добродетели не исчезает из моральной философии и сохраняет свою значимость. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на названия произведений философов Нового времени. Например, Энтони Эшли Купер (Третий лорд Шафтсбери) одну из своих работ называет «Исследование добродетели, или достоинства» (1714), Френсис Хатчесон – «Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели» (1726), Джон Бэлгай – «Письмо деисту о красоте и совершенстве моральной добродетели» (1726), другое его произведение названо «Основание моральной добродетели» (в двух частях, 1728, 1729). Джон Гэй называет свою работу «О фундаментальном принципе добродетели, или морали» (1731). Даже когда слово «добродетель» не присутствует в названии произведения, понятие добродетели так или иначе обсуждается наряду с другими этическими понятиями. Например, в работе Ричарда Прайса «Обозрение основных вопросов морали» (1758) разбору понятия добродетели посвящены три главы (всего «Обозрение...» содержит десять глав). Примечательно, что в то время как современные сторонники этики добродетели противопоставляют свою концепцию деонтологической и консеквенциалистской этическим теориям, понятие добродетели в Новое время нередко оказывалось в фокусе как деонтологических, так и консеквенциалистских концепций морали, какими являются, соответственно, концепции Прайса,

пользовали язык добродетелей. Например, для Ричарда Прайса основные части (branches) добродетели, начала морали (rectitude) и долга – это одно и то же. Среди частей добродетели, помимо добродетелей благодарности, правдивости и справедливости, обнаруживаются и обязанности: перед Богом, перед нами самими, перед другими. Рассмотрение всех этих добродетелей и обязанностей Прайс включил в главу, посвященную предмету добродетели [Price 1948, 131–176].

Симптоматично также и то, что и современные исследователи в работах по нововременной моральной философии не всегда проводят различие между понятиями добродетели и обязанности и следуют нововременному, не всегда рефлексивному, словоупотреблению. Например, в статье А.В. Прокофьева, посвященной вроде бы анализу содержания моральной добродетели, исследуется содержание не только добродетелей, но и обязанностей, как если бы эти понятия были тождественны или различие между ними было бы несущественно [Прокофьев 2019, 31–43]. В ряде случаев, возможно, это так, но не во всех. В статье А.В. Прокофьева фактически анализируется нормативное содержание морали, обнаруживается ли оно через анализ обязанностей, через анализ добродетелей или через анализ тех и других одновременно.

с одной стороны, Гэя и Уильяма Пэли – с другой. Как известно, обсуждению добродетели посвящена вторая часть «Метафизики нравов» Иммануила Канта. Доротея Фреде обращает внимание на то, что именно вокруг понятия добродетели выстраивали свои концепции Шафтсбери, британские сентименталисты, Дэвид Юм, Адам Смит, Жан-Жак Руссо, они также анализировали конкретные добродетели [Frede 2013, 138]. А Даруэлл называет работу, посвященную анализу основных тенденций в этике Нового времени, «Начала морали: добродетель, закон, обязанность» и указывает тем самым на ключевые понятия, вокруг которых в тот период выстраиваются концепции морали.

Вместе с тем следует признать, что область значений термина «добродетель» в британской моральной философии Нового времени довольно широка, само понятие в произведениях даже одного и того же автора оказывается нерелексивно многозначным и, соответственно, неопределенным. Философы использовали его для обозначения самой морали или морального закона, а также в некоторых других значениях (например, для выражения позитивной черты или качества какого-либо предмета или феномена). Наряду с неспецифичным употреблением понятие добродетели также использовалось в собственном смысле для обозначения определенного рода качеств человека, выражающих его решимость руководствоваться во всех поступках представлением о высших ценностях (его самоопределенность в вопросах добра и зла), а также позволяющих ему принимать морально обоснованные решения в конкретных ситуациях.

Однако важно отметить, что в Новое время даже в тех случаях, когда термин «добродетель» использовался в строгом значении, его понимание было иным, нежели в античной или средневековой этике. Даруэлл, обсуждая нововременную этику добродетели (к которой он относит учения кембриджского платоника Ральфа Кадворта, Шафтсбери, Готфрида Вильгельма Лейбница, Френсиса Хатчесона, Дэвида Юма), замечает, что в рамках таких учений понимание добродетели существенным образом отличалось от понимания добродетели у Аристотеля, трактовавшего добродетель как совершенное применение природных способностей, благодаря которому человек как таковой мог осуществить свое человеческое предназначение. Этика *моральной* добродетели в концепциях нововременных философов приобрела специфическое понимание [Даруэлл 2017, 28].

В этой статье я анализирую значение понятия добродетели в нововременной моральной философии и выявляю его «нововременное» своеобразие, что позволяет определить место этого понятия в системе других понятий (закона, правил, принципов,

долга), посредством которых в этике Нового времени осмыслялся феномен морали.

Социокультурный контекст

Концептуализация понятия морали в Новое время и понятийный аппарат, посредством которого она осуществлялась, определялись пониманием моральными философами того времени назначения морали и решаемых ею задач.

Современные исследователи связывают специфику нововременной моральной философии, в частности, с осмыслением новой общественной и культурной ситуации, сложившейся в результате жесточайших, разорительных религиозных войн, насилия, гонений, все более усугубляющейся нестабильности, формирования и утверждения абсолютистских режимов³. Именно в ходе этого осмысления, по убеждению Фреде, выявилась ограниченность этики добродетели аристотелевского образца в новых условиях, ибо она в значительной степени опиралась на необходимую предпосылку (или даже основание) – представление о совершенном сообществе. Согласно аристотелевской этике добродетели, наилучшее в человеческой природе может быть реализовано исключительно в наилучшем по природе государстве. В Средние века эта предпосылка этики добродетели уже не представлялась столь необходимой в силу того, что в средневековой картине мира как естественный, так и надлежащий политический порядок христианских общин были гарантированы Богом [Frede 2013, 127, 135–139]⁴. В моральной философии раннего Нового времени осмысление новой ситуации, знаком которого стали, в частности, скептицизм Монтеня и представление Гоббса о естественном состоянии как войне всех против всех, привело к осознанию невозможности единого для всех людей представления об общем благе, как и о непременной гармонии индивидуального

³ Анализ условий становления ранненововременного общества и индивида см.: [Корзо 2019].

⁴ Описывая общественную и культурную ситуацию, сложившуюся к XVII в., как крушение гражданской жизни, Фреде признает, что и Средние века вовсе не были свободны от войн и жестокостей, однако масштаб этих явлений не был настолько велик, чтобы подвергнуть сомнению идеал общественного устройства, при котором, по описанию Фомы Аквинского, города-государства «наслаждаются миром, славятся справедливостью и радуются процветанию» [Фома Аквинский 1990, 234]. К раннему Новому времени, как считает Фреде, разрыв между идеалом и реальностью стал настолько существенным, что было бессмысленно стремиться к идеалу, даже на минимальное приближение к нему надеяться было невозможно [Frede 2013, 137].

и общего блага, а также индивидуальных благ разных людей. К началу XVII в. не было оснований для веры: а) в устремленного к благу человека, знающего, как правильно поступать в любой ситуации, и способного правильно поступать, исходя исключительно из собственного знания-понимания, а потому не нуждающегося ни в каких нормах для совершения надлежащих поступков; б) в такое государство, которое возникает «ради потребностей жизни», но существует «ради достижения благой жизни», и в котором на долю каждого человека приходится «участие в прекрасной жизни» [Аристотель 1983, 378, 454]. Была также утрачена убежденность в существовании порядка, заданного Богом, подкреплявшаяся в морально-философских учениях (например, в учении Фомы Аквинского) «метафизической телеологией» [Даруэлл 2017, 21]. В этих условиях была нужна концепция морали, объяснявшая, каким образом возможно обеспечить моральный порядок в обществе, члены которого не разделяют представлений о том, какой должна быть достойная жизнь, и не имеют основания считать, что выгодное для одного человека непременно будет выгодным для всех. Как пишет Джером Шнивинд, «культура жаждала морали, способной дать четкое руководство, обеспечивающееся правилами и законами» [Schneewind 1990, 48]. Именно поэтому в раннее Новое время концепция морали выстраивается не вокруг идеи совершенной личности, представления о высшем благе и достойной жизни, скрепляющих и упорядочивающих жизнь сообщества, а вокруг комплекса универсальных норм, ограничивающих частный интерес [Даруэлл 2017, 42–63].

Даруэлл объясняет исключительное внимание ранненововой моральной философии к нормам и природе нормативности как таковой двумя главными факторами. Во-первых, в это время развиваются систематические нормативные теории, близкие по форме научным теориям Нового времени, таким как, например, теории Роберта Бойля или Исаака Ньютона. Моральные философы, как и ученые, стремились раскрыть универсальные моральные законы, нормы поведения, в том числе и с целью упорядочить моральную сферу, сделать ее «научной». Во-вторых, в этот период формируется идеал публичной (public) («потенциально демократичной») моральной философии, что сближает моральную философию с правом и ставит перед ней задачи систематического представления принципов морали и такого их формулирования, которое обеспечит возможность публичного обсуждения [Darwall 2007, 988].

Анализируя своеобразие формирующейся в раннее Новое время концепции морали, исследователи обращают внимание на то, что в отличие от этики добродетели, выстраивающейся вокруг личности, нововременная концепция в качестве этики норм пред-

лагает образ морали социального взаимодействия. Как отмечает Д. Фреде, сосредоточенность теории на поиске точных принципов действия указывает на то, что мораль понимается как руководство для индивидов в меньшей степени, чем как руководство для публичной политики (public policy) [Frede 2013, 140].

Какое же место в такой концепции морали может занимать понятие добродетели?

Злоключения добродетели?

Самое распространенное представление о добродетели в рамках ранненовременной этики состояло в том, что добродетель, помимо того, что не воспринималась как основной элемент морали, понималась как качество воли, проявляющееся в решимости человека следовать моральным законам и правилам, последовательно исполнять свой долг. Роль добродетели в морали рассматривалась не как главная или тем более исключительная, а как вторичная, вспомогательная. Например, Иммануил Кант в «Метафизике нравов» определяет добродетель как «...моральную твердость воли человека в соблюдении им *долга*, который представляет собой моральное принуждение со стороны его законодательствующего разума, поскольку этот разум сам конституируется как сила, *исполняющая закон*» [Кант 1994, 447]. Учение о добродетели для Канта – это «общее учение о долге в той части, которая подводит под законы не внешнюю, а внутреннюю свободу» [Кант 1994, 420].

Понимание добродетели как «твердости воли» в исполнении долга трансформирует особенности добродетели, которые были существенными, например, в этике Аристотеля. Если добродетельная личность в представлении Аристотеля – это личность с правильным строем души, безмятежная, т.е. не имеющая желаний и страстей, которые могли бы сбить ее с правильного пути, а также самодостаточная, т.е. не нуждающаяся ни в каких законах и правилах для совершения надлежащих поступков, то добродетельная личность в представлении Канта всегда находится в борьбе со стихией собственных склонностей. Потому идеал добродетели людям кажется (неправомерно, по Канту) столь блистательным, что затмевает даже святость, которая не предполагает никакого преодоления, никакой борьбы [Кант 1994, 439].

В своей статье «Злоключения добродетели» Шнивинд стремится показать, что представление о добродетели как о такой характеристике воли человека, которая проявляется в решимости, твердости и последовательности в исполнении долга (обязанностей), предписываемого законом и моральными правилами, к XVII в. стало общераспространенным в европейской культуре и было концептуализировано в морально-философской мысли.

В таком понимании, как полагает Шнивинд, состояла главная особенность нововременной трактовки добродетели. Это понимание было обобщено Джоном Локком: «...по какому образцу ни создавали бы мы в наших умах идеи добродетелей или пороков ... их правильность (*rectitude*) или неправильность (*obliquity*) состоит в соответствии или несоответствии с теми образцами, которые предписываются каким-нибудь законом» [Локк 1985, 411]. Шнивинд приводит и другие примеры, показывающие, что такое представление о добродетели в нововременной культуре воспринималось как само собой разумеющееся – настолько, что и аристотелевское понятие добродетели иногда трактовалось в духе этого представления. Например, один из учителей в Кембридже, комментируя понятие добродетели в «Никомаховой этике», определил ее как «устойчивую склонность души жить в соответствии с законом» [Schneewind 1990, 46].

Однако интересно и то, что некоторые моральные философы уже в Новое время вполне осознавали различие между этикой добродетели и этикой норм и самосознательно определяли собственную позицию. Например, Томас Рид рассматривал античную этику как этику добродетели, а средневековую – как этику норм. Он отмечал, что содержание морали можно систематизировать по-разному. Античная этика представила его в виде четырех кардинальных добродетелей: благоразумия, умеренности, мужества и справедливости. Средневековые же мыслители представили моральное содержание, с точки зрения Рида, корректнее – в виде трех видов обязанности: по отношению к Богу, к самому себе и к ближнему [Reid 2010, 282]. Сам Рид разделял позицию этики норм, он видел главное назначение теории морали в том, чтобы «представить принципы, исходя из которых мы размышляем о нашем долге» [Reid 2007, 11].

В отличие от других исследователей, Шнивинд не считает, что непосредственным теоретическим импульсом к вытеснению этики добродетели этикой норм послужило развитие ранненовременных концепций естественного права, прежде всего концепций Гуго Гроция и Самюэля фон Пуфендорфа. Шнивинд признает, что влияние этих концепций на развитие моральной философии в XVII–XVIII вв. было чрезвычайно значительным, однако процесс утверждения этики норм, по его убеждению, начался гораздо раньше – с вытеснения аристотелевской телеологии христианством⁵. В этом смысле именно возникновение христианства стало

⁵ Аласдер Макинтайр обнаруживает первое воплощение этики закона еще раньше – в философии стоиков. Стоицизм, с его точки зрения, вовсе не является отдельным эпизодом в греческой или римской культуре,

первым «злостью» добродетели. Этика, сфокусированная на регламентации действий, а не на характере и жизни добродетельной личности в целом, обнаруживается уже в VI в. в связи с практикой индивидуальной исповеди и прослеживается вплоть до расцвета казуистики в XVI–XVII вв. Поэтому, как считает Шнивинд, при всем несомненном значении теорий естественного права для становления и развития нововременной моральной философии эти теории, утверждая закон в качестве определяющего элемента морали, едва ли высказали нечто кардинально новое [Schneewind 1990, 44–45]. Тем не менее эти теории также можно считать «злостью» добродетели, поскольку триумф их связан с тем, что они концептуализировали уже существующие на протяжении довольно длительного времени, реально определяющие некоторые практики представления о морали и именно в силу этого смогли дать культуре раннего Нового времени то, чего она жаждала и чего ей не могла дать этика добродетели, – четкое руководство поведением человека, которое обеспечивается только законами и правилами. Вместе с тем Шнивинд отнюдь не считает, что та часть морали, которая может быть осмыслена и выражена исключительно на языке добродетели, была проигнорирована, отвергнута или признана малозначимой Гроцием, Пуфендорфом и их последователями (за исключением теории Томаса Гоббса). Шнивинд не согласен с «друзьями добродетели» (современными сторонниками этики добродетели) в том, что сфера моральной жизни, связанная с практикой добродетели, в Новое время была исключена из этического рассуждения⁶.

Проблематика морали добродетели в рамках теорий естественного права, как показывает Шнивинд, обсуждалась на языке несовершенных прав или обязанностей, сквозь призму различения

он задает образец для тех гораздо более поздних европейских концепций морали, которые обращаются к понятию закона как центральному, причем так, что это понятие вытесняет понятие добродетелей. С точки зрения Макинтайра, стоицизм как структура морального мышления воспроизводится всякий раз в таких общественных условиях, когда связь между подлинно общим благом и индивидуальными благами, а также между различными индивидуальными благами оказывается разорванной, и быть моральным неизбежно означает, что следование закону – это ограничение и подавление своего «Я» [MacIntyre 1988, 169–170].

⁶ В частности, Шнивинд ссылается на высказывание Филиппы Фут о том, что пренебрежение понятием добродетели в современной этике – это лишь следствие того, что его игнорировали в Новое время такие мыслители, как Кант и Дж.Ст. Милль, а позже и моральные философы начала XX в., которые в аналитической этике считаются авторитетными фигурами (Дж.Э. Мур, У.Д. Росс, Г.А. Причард) (см.: [Foot 2002, 1]).

которых он анализирует концепцию естественных и искусственных обязанностей Юма и теорию добродетели Канта. Он считает чрезвычайно плодотворным различие, введенное Гуго Гроцием между совершенными и несовершенными правами, далее воспринятое и переосмысленное Пуфендорфом как различие между совершенными и несовершенными обязанностями.

Несовершенные обязанности охватывают ту часть морали, которая, в отличие от сферы совершенных обязанностей, не регламентируется законами или правилами, здесь главную роль играют характер и мотивы морального субъекта. Различие между совершенными и несовершенными обязанностями трактовалось по-разному: совершенные – определены, конкретны, их можно сформулировать в строгой форме, их исполнение неопределимо, несовершенные – не вполне определены и конкретны, для них нельзя сформулировать правил, они не регламентируются правилами, само их осуществление, как и способ, которым они будут осуществлены, зависят от решимости и усмотрения морального субъекта (Пуфендорф, Юм, Кант); к исполнению совершенных обязанностей можно принуждать силой или по суду, за их нарушение предполагается наказание, в отношении несовершенных обязанностей невозможно принуждение, как и не предусмотрены никакие внешние санкции (Пуфендорф); совершенные обязанности не допускают никаких исключений, а несовершенные могут исполняться по усмотрению морального агента (Кант). Кант также определял совершенные и несовершенные обязанности, анализируя максимы поступков, которые находятся с ними в противоречии. Совершенным обязанностям противоречат максимы поступков, которые невозможно помыслить в качестве универсального закона, не отрицая сами эти максимы. Несовершенным обязанностям противоречат максимы поступков, которые можно помыслить в качестве универсального закона, но которые невозможно желать в этом качестве. Максима «намеренно не возвращать долг» противоречит совершенной обязанности, а максима «не помогать нуждающимся» – несовершенной. Несовершенный долг (обязанность) и есть долг добродетели [Кант 1994, 431]. Для Канта он, в частности, проявляется в долге благодеяния, когда забота о благе других как таковая, а не стремление исполнить свой собственный долг, может выступать в качестве непосредственного мотива поступка.

Шнивинд также подчеркивает, что в нововременных морально-философских концепциях той части морали, которая связана с мотивами и характером, а также с любовью, или благожелательностью, т.е. с практикой добродетели, придавалось существенное значение, оно отнюдь не было нивелировано, как полагают

современные сторонники этики добродетели. Это ясно прослеживается в концепции Пуфендорфа, с точки зрения которого, если выполнение совершенных обязанностей, или обязанностей справедливости, необходимо для выживания общества, то выполнение несовершенных обязанностей, связанных с исполнением закона человечности, или милосердия, повышает качество общей жизни. Выполнение именно несовершенных обязанностей наделяет человека достоинством, хотя без их выполнения общество могло бы существовать. Для Канта же значимость совершенных обязанностей была связана с тем, что они определяют условия для выполнения обязанностей несовершенных, связанного с обретением достоинства и права на счастье [Schneewind 1990, 60].

Рассуждения Шнивинда об особенностях понятия добродетели в Новое время можно обобщить в следующих положениях. Во-первых, добродетель как таковая не рассматривается в качестве главного (и тем более единственного) элемента морали. Во-вторых, в содержательном плане сфера добродетели – это главным образом сфера любви или благожелательности (см. также: [Прокофьев 2019]), которая ограничивается или оттесняется сферой справедливости. В сфере справедливости важны не столько добродетели, сколько исполнение обязанностей, вменяемых законами и правилами⁷. При этом сфера справедливости считается более значимой, поскольку от ее функционирования зависит выживаемость общества. В-третьих, добродетельная личность в морально-философских концепциях Нового времени лишена безусловной «эпистемологической привилегии», которой она была наделена в античной этике, и которая позволяла ей поступать наилучшим образом исключительно из своего понимания, не испытывая нужды в законах и правилах. Это означает, что по крайней мере в сфере справедливости только лишь на суждения и решения добродетельной личности полагаться нельзя. В-четвертых, наиболее распространенным в Новое время было представление, согласно которому добродетель предписывается законом, правилами или проявляется в последовательном, решительном следовании этим предписаниям. Такую трактовку

⁷ Даруэлл обращает внимание на то, что такого рода различие «между справедливостью как частью морали, которая по существу касается требуемого поведения и предполагает формулирование общественно принимаемых правил, и другой частью морали, которая имеет дело скорее с мотивами и характером и которая не имеет доступных социальных средств принуждения и не испытывает в них потребности» является «центральным моментом многих морально-философских учений этого времени» [Даруэлл, 2017, 22].

понятия добродетели можно считать «злостью», случившимся с ним в Новое время (как это делают современные сторонники этики добродетели), однако, с точки зрения Шнивинда, такая концепция морали, где понятию добродетели отведено более скромное (но отнюдь не малозначимое), чем в античных и средневековых концепциях, место, отвечала запросам культуры, для выживания которой было крайне важно ответить на вопрос о мирных способах разрешения разного рода общественных разногласий и конфликтов.

В ходе исследования «злостей добродетели» в Новое время Шнивинд не рассматривает те концепции, где понятие добродетели было центральным. Исключение составляет концепция естественных и искусственных добродетелей Юма, которую, однако, Шнивинд анализирует в первую очередь с целью показать ее близость в ряде ключевых моментов теориям естественного права Гроция и Пуфендорфа. Тем самым он как будто не замечает роли философов добродетели в осмыслении идеи о том, что всякая подлинная обязанность является внутренне обязывающей через моральный мотив, – идеи, разработку которой Даруэлл считает «одним из самых удивительных событий» в моральной философии XVII–XVIII вв. [Darwall 2007, 991]. Философы добродетели развивали эту идею в оппозиции концепциям естественного права, в частности положению Пуфендорфа о том, что исполнение моральной обязанности мотивировано отношением к повелениям авторитета. Ни страх наказаний, ни надежда на будущую награду, по убеждению Шафтсбери, не относятся к добрым аффектам, а также к источникам подлинно добрых действий [Shaftesbury 2001, 33]. В человеке, который подчиняется власти Бога исключительно из страха перед наказанием или вследствие надежды на будущие награды, добродетели и достоинства не больше, чем послушания у посаженного на цепь тигра или сдержанности у обезьяны под палкой надсмотрщика. Послушание и страх всегда есть проявления рабства, а не добродетели [Shaftesbury 2001, 32]. И только непосредственная, неслучайная и самосознательная устремленность человека под влиянием надлежащего аффекта к добру и отвращенность от зла позволяет считать его подлинно добродетельным.

Близкое понимание добродетели как предполагающей исключительно внутреннюю мотивацию можно обнаружить и в интеллектуализме, например, в концепции практической добродетели Ричарда Прайса. Однако ее отличие от концепций Шафтсбери, Хатчесона и Юма состояло в том, что Прайс, как и другие интеллектуалисты, для обоснования таким образом понимаемой добродетельности выстроил особую метафизику и укоренил мораль в природе вещей,

через непосредственную сопричастность которой человек способен проявлять себя как самостоятельное, неподотчетное и автономное – подлинно добродетельное существо. У философов же добродетели не было потребности в выстраивании метафизики. Они связали добродетель с особым образом понимаемой природой человека и тем самым представили мораль как уникальное достояние человека, начало которого заключено в нем самом. Такая трактовка лишь переключается с античной этикой добродетели как этикой личности, поскольку нововременная этика добродетели, хоть и отталкивалась в понимании морали от концепции добродетельной личности, ориентирована не только и не столько на самосовершенствование личности, сколько на устремленность к благу другого/ других и сообщества в целом.

Заключение

Лейтмотив рассуждений Шнивинда о месте понятия добродетели в этике Нового времени, как и многих других исследователей моральной философии этого периода, состоит в том, что понятие добродетели не исчезло из морально-философского дискурса, оно изменилось, наполнилось определенным содержанием, сфера его применения была ограничена сферой применения других понятий (закона, обязанности, правильного и неправильного и т.п.), которые считались в большинстве концепций более значимыми. Вместе с тем феномен морали, для концептуализации которого оказалось недостаточно понятий добродетели и высшего блага, стал осознаваться как более сложный и неоднородный, а для его осмысления потребовался и более сложный понятийный аппарат.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аристотель 1983 – *Аристотель*. Политика // *Аристотель*. Собр. соч. в 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. С. 375–644.

Даруэлл 2017 – *Даруэлл С.* Начала морали: добродетель, закон, обязанность / пер. Р.Г. Апресяна // *Этич. мысль / Ethical Thought*. 2017. Т. 1. № 1. С. 18–47.

Кант 1994 – *Кант И.* Метафизика нравов в двух частях / под ред. А.В. Гулыги / пер. С.Я. Шейнман-Топштейн, Ц. Арзаканьяна // *Кант И.* Собр. соч. в 8 т. Т. 6. – М.: Чоро, 1994. С. 224–543.

Корзо 2019 – *Корзо М.А.* О нравственном реформировании ранненовременного общества: идейные основания и институты // *Человек*. 2019. Т. 30. № 4. С. 72–93.

Локк 1985 – *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении // *Локк Дж.* Соч. в 3 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1985. С. 77–595.

Прокофьев 2019 – *Прокофьев А.В.* Полемика о содержании моральной добродетели в моральной философии XVIII в. // *История философии / History of Philosophy*. 2019. Т. 24. № 1. С. 31–43.

Фома Аквинский 1990 – *Фома Аквинский*. О правлении государей / пер. Н.Б. Серединской // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.) / под ред. В.И. Рутенбурга, И.П. Медведева. – Ленинград: Наука, 1990. С. 217–245.

Anscombe 1958 – *Anscombe G.E.M.* Modern Moral Philosophy // *Philosophy: The Journal of the Royal Institute of Philosophy*. 1958. Vol. 33. No. 124. P. 1–19.

Darwall 2007 – *Darwall S.* Norms and Normativity // *The Cambridge History of Eighteenth-Century Philosophy* / ed. by K. Haakonssen. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 987–1025.

Foot 2002 – *Foot P.* Virtues and Vices and Other Essays in Moral philosophy. – Oxford: Oxford University Press, 2002.

Frede 2013 – *Frede D.* The Historic Decline of Virtue Ethics // *The Cambridge Companion to Virtue Ethics* / ed. by D.C. Russel. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 124–148.

MacIntyre A. 1988 – *MacIntyre A.* After Virtue: A Study in Moral Theory / 3rd ed. – Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1988.

Price 1948 – *Price R.* A Review of the Principal Questions in Morals. – Oxford: Clarendon Press, 1948.

Reid 2007 – *Reid T.* Lectures and Papers on Practical Ethics / ed. by K. Haakonssen. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007.

Reid 2010 – *Reid T.* Essays on the Active Powers of Man / ed. by K. Haakonssen, J.A. Harris. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010.

Schneewind 1990 – *Schneewind J.* The Misfortunates of Virtue // *Ethics*. 1990. Vol. 101. No. 1. P. 42–63.

Shaftesbury 2001 – *Shaftesbury A.A.C.* An Inquiry Concerning Virtue and Merit // *Shaftesbury*. Characteristicks of Men, Opinions, Times. In 3 vols. Vol. 2. – Indianapolis: Liberty Fund. 2001. P. 1–100.

Sidgwick 1981 – *Sidgwick H.* The Methods of Ethics / 7th ed. – Indianapolis; Cambridge: Hackett Publishing, 1981.

Sidgwick, Widgery, 1960 – *Sidgwick H., Widgery A.G.* Outlines of the History of Ethics for English Readers. – Boston: Beacon Press, 1960.

REFERENCES

Anscombe G.E.M. (1958) The Modern Moral Philosophy. *Philosophy: The Journal of Royal Institute of Philosophy*. Vol. 33, no. 124, pp. 1–19.

Aristotle (1983) Politics (S. Zhebelev, Trans.). In: Aristotle. *Works*. In 4 vols. (Vol. 4, pp. 375–644). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Darwall S. (2007) Norms and Normativity. In: Haakonssen K. (Ed.) *The Cambridge History of Eighteenth-Century Philosophy* (pp. 987–1025). Cambridge: Cambridge University Press.

Darwall S. (2017) The Foundations of Morality: Virtue, Law and Obligation (R.G. Апресян, Trans.). *Eticheskaya mysl' = Ethical Thought*. Vol. 1, no. 1, pp. 18–47 (Russian translation).

Foot P. (2002) *Virtues and Vices and Other Essays in Moral philosophy*. Oxford: Oxford University Press.

Frede D. (2013) The Historic Decline of Virtue Ethics. In: Russel D.C. (Ed.) *The Cambridge Companion to Virtue Ethics* (pp. 124–148). Cambridge: Cambridge University Press.

Kant I. (1994) *Metaphysics of Morals*. In: Kant I. *Collected Works* (Vol. 6, pp. 224–543). Moscow: Choro (Russian translation).

Korzo M.A. (2019) On the Moral Reform Movement in the Early Modern Society. *Chelovek*. Vol. 30, no. 4, pp. 72–93 (in Russian).

Locke J. (1985) *An Essay Concerning Human Understanding*. In: Locke J. *Works*. In 3 vols. (Vol. 1, pp. 77–595). Moscow: Mysl' (Russian translation).

MacIntyre A. (1988) *After Virtue: A Study in Moral Theory* (3rd ed.). Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press.

Price R. (1948) *A Review of the Principal Questions in Morals*. Oxford: Clarendon Press.

Prokofyev A. (2019) Polemics on the Contents of Moral Virtue in British Philosophy of the 18th Century. *Istoriya filosofii = History of Philosophy*. Vol. 24, no. 1, pp. 31–43 (in Russian).

Reid T. (2007) *Lectures and Papers on Practical Ethics*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Reid T. (2010) *Essays on the Active Powers of Man*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Schneewind J. (1990) The Misfortunates of Virtue. *Ethics*. Vol. 101, no. 1, pp. 42–63.

Shaftesbury A.A.C. (2001) *An Inquiry Concerning Virtue and Merit*. In: Shaftesbury A.A.C. *Characteristics of Men, Opinions, Times*. In 3 vols. (Vol. 2, pp. 1–100). Indianapolis: Liberty Fund.

Sidgwick H. (1981) *The Methods of Ethics* (7th ed.). Indianapolis: Hackett Publishing.

Sidgwick H. & Widgey A.G. (1960) *Outlines of the History of Ethics for English Readers*. Boston: Beacon Press.

Thomas Aquinas (1990). On Kingship of the King of Cyprus. In: Rutenburg V.I. & Medvedev I.P. (Eds.) *Political Structures of Feudal Western Europe (6th–17th centuries)* (pp. 217–245). Leningrad: Nauka (Russian translation).

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-84-95

Original research paper

Оригинальная исследовательская статья

Moral Universality in J.S. Mill's Utilitarianism*

R.S. Platonov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article sets a goal to clarify the problem of moral universalism in J.S. Mill's philosophy as an important element of his methodology in ethics. The starting point of the study is Mill's requirement: in order to do the right thing, we need to take into account the traditions, values, and moral norms, i.e., universal prescriptive judgments developed in society. The article analyzes Mill's method of finding maximum utility and achieving general happiness. It is shown that, in this method, universality is the property of moral rules and values to be universally addressed, and this property is based on our common experience as a species. The reverse side of this genesis is the impossibility of absoluteness of these norms and values, due to incompleteness of species experience, which always has specific historical character. Therefore, such rules are subject to change and, while they remain standard in man's activity, we also have to take them critically. Effective inclusion of moral norms in our search for maximum utility is indirectly confirmed by (a) the example of methodological difficulties in discourse ethics, similar to utilitarianism in the way it seeks rational explication of moral acts, (b) the history of economics as a discipline largely formed under the influence of utilitarianism. In both cases, researchers come to the conclusion that it is necessary to take into account supra-individual experience in decision-making and its influence on the individual. Since species experience is multilevel communication, we can note similarities between the methodology of Mill's utilitarianism and communicative ethics. It is concluded that the problem of moral universality in Mill's ethical methodology is revealed as a problem of maximizing communication as the basis of maximizing utility.

*The paper has been developed within the research project "The Phenomenon of Moral Universality," supported by the Russian Science Foundation, grant no. 18-18-00068.

Keywords: ethics, morality, universality, communication, utilitarianism, rule utilitarianism, act utilitarianism, happiness, utility, J.S. Mill, J. Bentham.

Roman S. Platonov – Ph.D. in Philosophy, Research Fellow of the Department of Ethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

e-mail: roman-vsegda@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0003-2762-1328>

For citation: Platonov R.S. (2019) Moral Universality in J.S. Mill's Utilitarianism *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 11, pp. 84–95. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-84-95

Моральная универсальность в утилитаризме Дж. С. Милля*

Р.С. Платонов

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

Цель статьи – раскрыть проблему моральной универсальности в философии Дж.С. Милля и показать, что моральная универсальность является важным элементом его методологии в этике. Отправной точкой исследования становится требование Милля учитывать при определении правильного поступка выработанные обществом традиции, ценности, а также моральные нормы, т.е. универсальные прескриптивные суждения. В статье проводится анализ предложенного Миллем метода поиска максимальной полезности и достижения всеобщего счастья. Показывается, что универсальность в данном методе представляет собой общеадресованность моральных норм и ценностей, которая порождается общностью видового опыта. Обратной стороной такого генезиса является невозможность абсолютности этих норм и ценностей в силу неполноты видового опыта, всегда имеющего конкретно-исторический характер, из чего следует, что они подвержены изменению и, оставаясь ориентирами в деятельности, требуют критического к себе отношения. Эффективность включения моральных норм и ценностей в поиск максимальной полезности косвенно подтверждается примером методологических затруднений этики

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта Российского научного фонда (РНФ) «Феномен универсальности в морали», грант № 18-18-00068.

дискурса, схожей с утилитаризмом в аспекте рациональной экспликации морального поступка, а также историей развития экономики как дисциплины, во многом сформированной под влиянием утилитаризма. В обоих случаях исследователи приходят к выводу о необходимости при принятии решения учитывать надындивидуальный опыт и его влияние на индивида. Поскольку видовой опыт представляет собой многоуровневую коммуникацию, отмечается методологическое сближение утилитаризма Милля с коммуникативной этикой. Делается вывод, что проблема моральной универсальности в этической методологии Милля раскрывается как проблема максимизации коммуникации, лежащая в основе решения задачи максимизации полезности.

Ключевые слова: этика, мораль, универсальность, коммуникация, утилитаризм, утилитаризм правила, утилитаризм действия, счастье, полезность, Дж. С. Милль, И. Бентам.

Платонов Роман Сергеевич – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора этики Института философии РАН.

roman-vsegda@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0003-2762-1328>

Для цитирования: Платонов Р.С. Моральная универсальность в утилитаризме Дж. С. Милля // Философские науки. 2019. Т. 62. № 11. С. 84–95. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-84-95

Introduction

Since the publication of J.O. Urmson's famous article "The Interpretation of the Moral Philosophy of J.S. Mill" [Urmson 1953, 33–39], there emerged in the history of utilitarianism a distinction between act utilitarianism and rule utilitarianism, and also attempts to backdate this distinction to the founding fathers of the philosophical school. While J. Bentham's philosophy is defined as act utilitarianism, the philosophy of J.S. Mill lies within rule utilitarianism. Although this distinction has been disputed [Brink 2013, 84–85; Crisp 1997, 102; Turner 2015, 171–174], it also has staunch supporters [Brandt 1967, 57; Martin 2011, 31; Mondal 2016, 13–21; Fuchs 2006, 144]. In both cases, the common logic of Bentham's and Mill's systems is understood in the same way: it is in man's nature to strive for happiness, and the measure of correlation of man's activity to his desire is utility, thus the task of such activity is to maximize the utility.

However, there is a difference observed in the development of what can be called the "moral arithmetic" [Serebryansky 2011, 96], the way of determining the correctness of a specific act in a specific situation. Bentham believes the principle of utility to be all-important

since only this determines a person's understanding of good and evil [Bentham 1843, 25]. Mill introduces an emendation: in his calculations, the individual must also be guided by the norms developed in society (that is, universal prescriptive judgments about the right actions) and, in a broader sense, by the opinion of others and his own conscience [Mill 1864, 73]. Thus, even if we agree that Mill failed to develop a moral theory in which the principle of utility would be consistent with those "secondary rules" [Brink 2013, 98–103], or we agree that applying such rules does not remove the difficulties of moral calculation, as Mill hoped it would [Irwin 2009, 411–415], yet it remains obvious that the solution to the problem of achieving happiness involves the problem of moral universality. Moreover, for some reason, the distinction between the two types of utilitarianism as well as the analysis of the differences between the philosophical systems of Bentham and Mill does not address this problem. As a result, it remains concealed in the depths of utilitarian methodology. Its explication is necessary: first of all, an explanation of what constitutes moral universalism in Mill's philosophy. This will also determine how moral universalism can be taken into account when solving the problem of pursuing happiness, primarily within the framework of Mill's utilitarianism; and it will probably also have heuristic value for rule utilitarianism (however, the latter is beyond the scope of this article).

Universalism and "moral arithmetic"

The problem of universalism in the ethics of utilitarianism is closely related to anthropology. Both Bentham and Mill understood the key concept of "happiness" very broadly [Serebryansky 2011, 92–93], and this pushes us to explore its anthropological basis. Happiness is not equivalent to a specific moral state but consists of all positively assessed parameters of activity – profit, benefit, pleasure, good [Bentham 1843; Mill 1864, 10]. Its achievement is possible in each such parameter, happiness itself is not something alienated from these, and it resembles the ancient concept of perfection as its *τέλος*, that is, the limit and completeness of nature's development. Mill also objects to its vulgarization and simplification, pointing to the standard hierarchy of "mental pleasures" and "bodily pleasures" without denying the significance of either one or the other

¹ Besides, one can consider the question of how much every living being treated as equal, according to one or another interpretation of utilitarianism by one or another author; how much rationality of a person makes him special for Mill among other living beings and it also discards differences within the species, for example, the gender differences. For the topic of the article, these aspects are not fundamental, so we omit them.

[Mill 1864, 14]. Related to this is his famous saying: “It is better to be a human being dissatisfied than a pig satisfied” [Mill 1864, 14]. Even more fundamental to utilitarianism is the belief that all people are equal in their existential status – none of them are subhuman¹. This transforms the task of achieving individual happiness into one of striving for universal happiness. The assertion of the principle of utility and happiness as a goal is universal both in the sense of its property of being universally addressed and in the sense of its absoluteness, revealing the nature of man; i.e., it applies to everyone and admits of no alternative or exceptions. Moral universality here can only be considered as an ethical interpretation of the anthropological affirmation: if the goal of human nature is happiness, then for a person it is natural/normal to strive for happiness, and this desire meets his nature. Only an implicit epistemological attitude helps to avoid tautology: to accept the observed reality as an absolute fact given, beyond which there is no transcendence that can set its purpose and order. As a result, we do not merely repeat that if it is natural for a person to strive for happiness, then it is natural that he will strive for it, but we point to an adequate type of activity that corresponds to reality. Thus, the moral universalism here is only a *sui generis* reflection of anthropology².

Act utilitarianism does not go further, believing that the rationality of the individual is sufficient to carry out moral arithmetic on this basis. And the only more or less tangible universal requirement that is possible in this situation is the requirement to maximize utility/happiness. But Bentham is fully aware of the complexity of such calculations, when he notes that “a feeble and limited mind may deceive itself, by considering only a part of the good and evil” [Bentham 1843, 12]. But for him this is no reason to doubt the correctness of the approach itself to the implementation of the utility principle, and he sharply declares: “...If a man calculate badly, it is not arithmetic which is in fault, it is himself” [Bentham 1843, 12]. However, Mill, fully sharing the view that we need to “deduce the effect of actions on happiness from the laws of human nature and the universal conditions of human life” [Mill 1864, 94], notes that Bentham can be accused of “relying

² The futility of using such anthropological universality in constructing the methodology of utilitarianism can be judged by the criticism of Philippe Gillig in the discussion on the universality of “desire of wealth” when the principle of maximizing utility is considered universal, traditions and norms are relativized due to their historicity, thereby the concept of universality either bifurcates between this principle and the norms, which returns us to the division of anthropology and morality, or the moral universality is not taken into account at all [Gillig 2017, 1–27].

too exclusively upon such deductions” [Mill 1864, 94]. According to Mill, such calculations should be supplemented with a “generalization from specific experience,” since only “consilience of the results” of both methods will raise ethics to a status of scientific knowledge and “give to any general proposition the kind and degree of evidence” [Mill 1864, 94]. The result of the generalization is precisely the rules/norms, and the requirement of such “consilience” between the proposed/calculated act and its result with the rule will compensate for the “feebleness of mind.”

Particular attention should be paid to the fact that the history of economics in the 20th century reveals a similar discrepancy in the method: economics is the only science that has experienced direct influence of utilitarianism on its formation and evolution as a discipline. By the middle of the 20th century, the neoclassical theory had become dominant in economics, so that the very concept of economics is still identified with it [Avtonomov 1998, 35]. The neoclassical methodology is based on the principle of calculating the maximum utility, following Bentham [Becker 2003, 30]. Similar to Bentham, today’s economics assumes self-sufficiency of rational calculation of utility by an individual and does not include cultural, social, or psychological factors, such as traditions, moral norms and estimates, i.e., all that Mill added to Bentham’s “moral arithmetic.” It is assumed that a person makes a decision only on the basis of “individual preferences, their origin is not subject to research, and the rules are observed insofar as their implementation yields results that are compatible with the system of preferences” [Avtonomov 1998, 51].

On the one hand, this method shows amazing explanatory power because all activities by definition have a goal, therefore, all activity strives for an optimal result, in order to maximize it. This is the key to translating any act into the language of neoclassical economic theory, i.e., determination of costs and utility [Becker 1976, 14]. As a result, the methodological expansion of economics into subject areas of other humanitarian disciplines (sociology and psychology) started in the middle of the 20th century. For example, in sociology, the “achievements” of this method are demonstrated even in the analysis of the changes in religious devotion and performance of religious practices (see: [Iannaccone 1998]). Opponents will jokingly call this methodology “economic imperialism” [Radaev 2008, 117].

On the other hand, this method is going to increase specificity in our understanding of both man and rationality. A person in neoclassical economics is an absolutely atomic and static subject, whose activity is viewed independently of any cultural context or judgments of other people, his desires lie outside his inner experience, his whole being is determined by one hyper-goal – maximizing utility [Becker 1976, 5].

As a result, rationality is reduced to choosing the optimal result, losing other characteristics. This is what makes it possible to maximize the mathematization of the method, understood as addition of utility and subtraction of costs, and economic relations are presented in the general form of explanation of any type of activity³ [Avtonomov 1998, 30–34; Becker 1976, 6–9; Radaev 2008, 118]. However, advances in mathematization, i.e., exacting science in its strictest sense, will generate the opposite effect: instead of more accurate understanding of human activity we will simplify its structure and be unable to see and take into account all of its aspects. As a result, within a couple of decades since Becker's expansionist manifesto, researchers will appear within economics itself, pointing to the incompleteness of the neoclassical method in determining how people and societies achieve maximizing utility [Avtonomov 1998, 55–56]. There also appear interdisciplinary areas, e.g., socioeconomics, psychoeconomics. It is the insensitivity of the neoclassical economic method to cultural factors that turns out to be its main drawback.

Thus, the history of economics in the 20th century appears to be a bright example of applying the theoretical principles of both types of utilitarianism, showing Mill's correctness: calculation of universal good (or even personal good) is so complex that it cannot be explicated solely in an individual's experience, no matter how advanced this individual is at counting. We should also note that this illustration shows, on the one hand, the impossibility of transposing the neoclassical economic method onto ethics (first of all, practical ethics), and, on the other hand, the possibility of developing (on the same basis) a general, interdisciplinary humanitarian methodology of research and formation of activities in a person, which could become a truly ethical methodology. Although at the moment this is little more than an ambitious assumption.

Similar problems – restriction of the subject area and inadequate reflection of real processes – are also observed in communicative ethics, whose focus on rationality in decision making and coordination of interests is closest to the utilitarian “moral arithmetic.” R.G. Апресян notes that “discursive-normative communication can be impossible in relations with ‘aliens,’ ‘strangers’ as well as with ‘rebels’ and ‘robbers’” [Апресян 2016]. Thus, the fact that “by putting forward their expectations and demands and by making recommendations and assessments, people appeal to current, contextually defined interests (of their own, of other people, environment or community),

³ It is noteworthy that G. Becker sometimes even argues in much the same way as Bentham: the failure of the economic method “the limited success is mainly the result of limited effort and not lack of relevance” [Becker 1976, 9].

as is assumed in the ethics of discourse, but also to some abstract general interests, timeless and supralocal judgments, if those turn out to be effective” [Apressyan 2016]. Consequently, overcoming the limitations of Bentham’s method, Mill also overcomes the potential limitations of Habermas’s communicative ethics, finding a solution precisely in adopting such “timeless and supralocal judgments.” And the remark of R.G. Apressyan that “special efforts are needed to create social prerequisites for communicative interaction, its political and organizational support” [Apressyan 2016], had already been foreseen and taken into account by Mill, who considers the formation of an act in its two aspects: (a) internal – a rational procedure of decision-making and determining the utility; (b) external – training, education, the existence of a jurisdiction where the external directs and, if necessary, compensates for internal processes [Mill 1864, 24–25]. The activities of experts also relate to the external aspect, which Mill does not exclude when discusses the problems of determining the utility. We can say that in upbringing and examination, universalism is manifested in relation to an individual in an active form, and in a rational search it is manifested only passively because, in order to take moral standards and traditions into account, the individual has to choose them himself.

The nature of moral universality

So what is universality in Mill’s ethics? We find another cue from R.G. Apressyan in his analysis of the ethics of discourse when he draws attention to the fact that the function of supralocal representations remains unresolved. However, these ideas, in fact, are “common values” and form culture, as “a sphere of various kinds of meanings, patterns, texts, traditions” [Apressyan 2016]. Such an answer is fully consistent with Mill’s idea that practices that have historically proven themselves in attaining utility are formalized as traditions and expressed as general rules.

In fact, moral universality as a phenomenon is the result of the development of a specific and therefore universal experience, in which it is always recognized a priori for each individual experience, and the practice of realizing interests is performed primarily in interaction with another person. It is also a form of representation of species experience. All this reveals universality as universally addressed rules and values in which the species experience is addressed to the individual. In this case, universality is not the same as ubiquitous prevalence of certain norms, regardless of cultural differences. The question of at what level of generality it is necessary to consider experience (of a separate culture or of the whole of humanity) in order to obtain the most accurate result is secondary as compared to the very fact of generation of universally addressed rules and values by the formation of experience from common (prior to individual) activity.

The culmination, the essence of such an experience, according to Mill, is the Golden Rule of Morality. He points to it, speaking about the essence of the utilitarianism program, as “the ideal perfection of utilitarian morality” [Mill 1864, 25]. R.G. Апресян writes that the peculiarity of this rule is that “judgments and actions built on this pattern are fundamentally reversible, universalizable and impartial, but the realizability, reversability, and impartiality are presumptive, imaginary and only postulated by one party” [Апресян 2016]. This, in turn, requires a person to have a certain rational competence consisting in the ability to “identify with others and correlate one’s actions with others” [Апресян 2016]. If the orientation at overcoming the isolation of a moral agent in Mill’s utilitarianism is obvious and indicated in the most general sense by the Golden Rule, then the “imaginary nature” of this overcoming is eliminated by orienting the individual at the “timeless supralocal ideas” that create the cultural context of relationships between people, due to which imagined reversibility, universality and impartiality become a reality. In other words, individual experience develops in line with the species experience⁴, which compensates for the limitations of the former, expanding it (an individual who is poor at counting receives a hint for decision making). At the same time, the principle of analysis of species experience is the same as in the experience of an individual – the achievement of maximum utility. Its results, respectively, are always specifically historical, because the maximum can only be achieved in a perfect society, which has obtained full and true knowledge about human activity and its nature. In this situation, not only norms and traditions depend on experience, but also the consideration of the original principles.

This is also why the attempt to criticize such an experience through “Hume’s guillotine,” which is undertaken, for example, by B. Russell [Russell 1967, 778–779], misses the mark. In Mill’s words, “the only proof capable of being given that an object is visible, is that people actually see it [...] the sole evidence it is possible to produce that anything is desirable, is that people do actually desire it” [Mill 1864, 52]; and Russell interprets the statement as an unreasonable imperative, because “a thing is ‘visible’ if it can be seen, but ‘desirable’ if it ought to be desired,” while “we cannot infer what is desirable from what is desired” [Russell 1967, 99]. It is not surprising that Russell went on to emphasize that “anything whatever may be an object of desire” [Russell 1967, 99], cites the example of a masochist with his pleasure derived from pain – an example that also works against the Golden Rule

⁴ In this case, Mill recalls Aristotle, saying that man is a social being by nature [Mill 1864, 49–50].

adopted by Mill (his subjectivity). "The masochist, no doubt, derives pleasure from the pain that he has desired, but the pleasure is because of the desire, not vice versa" [Russel 1967, 99], Russell writes.

However, what is Russell wrong about? This is clearly seen if his argument is turned against the Golden Rule. The masochist does not seek pain but pleasure, and, according to the Golden Rule, he should contribute to the pleasure of another, which no longer necessarily consists in receiving pain⁵. That is, in the words of Russell, the "object of desire" can only be pleasure itself and not just any thing. Pleasure is a unique and exclusive object of desire; in this exceptionality it is also the essence of desire. It is precisely the logic of possibility that works, not the imperative, since a thing is desirable if it is possible to desire. After all, we are not talking about a specific interest (a way to get pleasure), but about "the ultimate ends," which "do not admit of proof, in the ordinary acceptation of the term." According to Mill, this is "to be incapable of proof by reasoning is common to all first principles; to the first premises of our knowledge, as well as to those of our conduct" [Mill 1864, 52]. Russell, on the other hand, tries to analyze the essence of the primary principle as evidence, while for Mill this is the main result of the generalization of species experience. Other results appear already as concrete norms, as well as goals of "non-hedonistic nature" (P.A. Gadzhikurbanova's characteristic): self-esteem, beauty, and truth. She also draws attention to the fact that a specific feature of Mill's philosophy is precisely the synthesis of pleasure as the super-goal with those goals "to which we strive even before we get pleasure from them" [Gadzhikurbanova 2010, 130].

In the context of the problem of moral universalism, the problem of the mechanism of generalization of both species and personal experience fades into the background, representing special epistemological interest (for example, we can consider the relevance of Mill's inductive method in studying moral problems). Indeed, according to the prerequisite observability of experience, we simply state this generalization as a fact, and the result of the generalization is not considered as a logically derived truth, nor does it exhaust the entire possible data set, but only extends it to the maximum available for a person at a given moment. This is the difference between the ethics method and the strictly scientific method, as well as an additional indication (along with historicity) of the impossibility of absolute moral standards. The moral imperative in this case is not an absolute requirement, but rather moral heuristic. Otherwise, Mill would not consider the behavior of a modern person in the light of the ideal of self-sacrifice for the

⁵ For example, pleasure can also be taken in the exact opposite – in causing pain (thus, the masochist and the sadist interact completely within the Golden Rule).

benefit of future generations [Mill 1864, 23–24], since the available species experience does not allow creating an ideal society (it would be different if the truth had already been announced) and requires improvement⁶. But just like the discovery of pleasure as a constitutive element of activity gives utilitarianism the “primary principle,” the discovery of universality gives the principle of constitutionalization of experience: experience is valid only as general and creating a common space of the act, including acts of all other persons. Without this, personal experience is just a set of incidents. It is in the generalization of the act that a person affirms another person.

Conclusion

Mill’s utilitarianism is not so much proclamation of the species experience as a basis of morality as a proposal for analysis of such experience⁷, its rational explication, a reflective assessment of its historicity through the utility principle (studies of applicability of this principle also relate to the problem of determining the mechanism for generalizing experience). The effectiveness of such an explication determines the effectiveness of the utilitarian approach as a whole, if we do not consider it as an artifact of philosophical history. It becomes obvious that moral arithmetic is not complete without taking into account existing norms and values. The problem of moral universality as universally addressed rules and values, generated by common experience, is key to understanding Mill’s method and its difference from Bentham’s method. And the important thing is that it reveals communication as a fundamental component in the ethics of utilitarianism, methodologically bringing it closer to communicative ethics. Thus, the utilitarian goal of maximizing utility can be technologically (i.e., at the level of act formation and decision making) considered as a task of maximizing communication. It is the increase in the effectiveness of communication at different levels (species to individual, individual to individual) but not the transformation of the individual into a high-precision moral arithmometer that will lead humanity to universal happiness.

REFERENCES

Avtonomov V.S. (1998) Human Model in Economic Theory and Other Social Sciences. *Istoki*. 1998. No 3, pp. 24–71 (in Russian).

⁶ Here it is enough to recall Mill’s activities in the struggle for women’s rights, i.e., in his attempt to change the then existing norms.

⁷ This also corresponds to the statement of R.G. Апресян on “the need to reconsider the concept of culture in order to clarify the nature of the processes of translation and reception of common meanings and their adaptation for everyday practice” [Апресян 2016].

Apressyan R.G. (2016) The Phenomenon of Universality in Ethics: Forms of Conceptualization. *Voprosy Filosofii*. 2016. No. 8, pp. 79–88 (in Russian).

Becker G. (1976) The Economic Approach to Human Behavior. In: Becker G. *Human behavior: an economic approach. Selected works on economic theory* (pp. 3–14). Chicago: University of Chicago Press.

Bentham J. (1843) An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. In: Bentham J. *The Works of Jeremy Bentham* (Vol. 1). Edinburgh: William Tait.

Brandt R. (1967) Some Merits of One Form of Rule Utilitarianism. *University of Colorado Studies. Series in Philosophy*. Vol. 3, pp. 39–65.

Brink D.O. (2013) *Mill's Progressive Principles*. Oxford: Clarendon Press.

Crisp R. (1997) *Routledge Philosophy Guidebook to Mill on Utilitarianism*. London: Routledge.

Fuchs A. (2006) Mill's Theory of Morally Correct Action. In: *The Blackwell Guide to Mill's Utilitarianism* (pp. 139–158). Oxford: Blackwell Publishing.

Gadzhikurbanova P.A. (2010) Summum bonum in classical utilitarianism. Basic concepts of utilitarian moral doctrine. *Eticheskaya mysl' = Ethical thought*. Vol. 10, pp. 114–131 (in Russian).

Gillig P. (2017) J.S. Mill And The Universality Of The “Desire Of Wealth.” *Working Papers of BETA*. Vol. 28, pp. 1–27.

Iannaccone L.R. (1998) Introduction to the Economics of Religion. *Journal of Economic Literature*. Vol. 36, no. 3, pp. 1465–1496.

Irwin T. (2009) *The Development of Ethics. A Historical and Critical Study. Volume III: From Kant to Rawls*. Oxford: Oxford University Press.

Martin R. (2011) Mill's Rule Utilitarianism in Context. In: Eggleston B., Miller D.E., & Weinstein D. *John Stuart Mill and the Art of Life* (pp. 21–43). Oxford: Oxford University Press.

Mill J.S. (1864) *Utilitarianism* (2nd ed.). London: Longman, Green, Longman, Roberts, and Green.

Mondal A.L. (2016) Mill's Critique of Bentham's Utilitarianism. In: *International Journal of Philosophy Study (IJPS)*. Vol. 4, pp. 13–21.

Radaev V.V. (2008) Economic Imperialists Are Coming! What Should Sociologists Do? *Sotsia'nye nauki i sovremennost'*. 2008. No. 6, pp. 116–123 (in Russian).

Russel B. (1967) *A History of Western Philosophy and Its Connection with Political and Social Circumstances from the Earliest Times to the Present Day*. New York: Simon & Schuster.

Serebryansky D.S. (2011) Classical Utilitarianism: Basic Theoretical Problems. *Eticheskaya mysl' = Ethical Thought*. Vol. 11, pp. 90–104 (in Russian).

Turner P. N. (2015) Punishment and Discretion in Mill's Utilitarianism. *Utilitas*. Vol. 27, no. 2, pp. 165–178.

Urmson J.O. (1953) The Interpretation of the Moral Philosophy of J.S. Mill. *The Philosophical Quarterly*. Vol. 3, no. 10, pp. 33–39.

КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Процесс. Результат. Осмысление

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-96-110

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

Наука как не совокупность результатов, а способ их получения

Л.А. Маркова

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

Тема статьи показать отличие классической логики науки (XVII – начало XX вв.) от неклассической логики (XX в.). Классическая логика основана на общих свойствах изучаемых предметов, неклассическая – на особенных, индивидуальных. Главный тезис – современная наука характеризуется через свое начало, через эмпирию, через контекст рождения мысли. Ученый и его социальные связи изменчивы и не могут служить устойчивой базой для получения единственно возможного истинного результата при изучении данного конкретного предмета. При этом не принималось во внимание, что этим свойством независимости природа наделялась самим ученым. Вернее будет сказать, что из всех свойств реальности наукой выделялись именно эти свойства как наиболее приемлемые для построения логической системы, объясняющей весь окружающий мир. Все остальные свойства игнорировались. В XX в. внимание переключилось именно на те свойства предметов и событий, которые определяют их самобытность, уникальность, а значит, возможность вступать в общение. Ведь для общения нужны как минимум два собеседника, и каждый из них обладает своим началом, которое формируется из контекста. В начале формирования знания еще нет разделения на субъект и объект. Контекст создается как из эмпирии, так и из знания в голове ученого. Хирург работает руками, руководствуясь имеющимися у него теоретическими соображениями, а когда сталкивается с трудностью, может несколько, а иногда и очень существенно, изменить теорию, решая таким образом возникшую практическую задачу. Встраиваясь в общую структуру науки, результат деятельности ученого ориентирован на

человека и окружающий его мир. Однако это последнее разделение остается возможным, но не существенным, оно отодвигается в логике на задний план. Автор заключает, что главная проблема, подлежащая дальнейшему серьезному осмыслению, – это понять, как социальное включается в логику науки.

Ключевые слова: обобщение, общение, человек, мир, контекст, диалог, пространство, время, прерывность, революция.

Маркова Людмила Артемьевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

markova.lyudmila2013@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3396-9235>

Для цитирования: *Маркова Л.А.* Наука как не совокупность результатов, а способ их получения // Философские науки. 2019. Т. 62. № 11. С. 96–110. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-96-110

Science as not a Set of Results but the Way of Obtaining Them

L.A. Markova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article discusses the differences between the classical logic of science (17th–20th centuries) and non-classical logic (20th century). While classical logic is based on the general properties of the objects studied, non-classical logic is based on the special, individual. The classical logic singled out in the studied objects their common properties that united them and ensured their independence of human. The scientist and his social connections are volatile and cannot serve as a stable basis for obtaining the only possible true result during examination of particular object. At the same time, it was not taken into account that scientists themselves endowed nature with this property of independence. It would be more correct to say that scientist distinguished from all properties of reality precisely these properties as the most convenient for constructing a logical system that explains the entire surrounding world. All other properties were ignored. In the 20th century attention was shifted to the properties of objects and events that determine their identity, which means their ability to communicate. After all, for a communication at least two interlocutors are needed who differ from each other. Each of them has its own origin, which is formed by the context. At the origin of the formation of knowledge there is still no division between subject and object. The surgeon works with his hands guided by his theoretical knowledge. When he encounters

difficulty, he can modify the theory, thus solving the practical problem that has arisen. In the structure of science, knowledge is embedded in this form, without division between man and the surrounding world. However this last division remains only possible but not essential for logic. The main problem that needs to be further seriously considered is to understand how the social is included in the philosophy of science.

Keywords: generalizing, communication, human, world, context, dialog, space, time, discontinuity, revolution.

Lyudmila A. Markova – D.Sc. in Philosophy, Leading Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

markova.lyudmila2013@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3396-9235>

For citation: Markova L.A. (2019) Science as not a Set of Results but the Way of Obtaining Them. *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 11, pp. 96–110.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-96-110

Вводные замечания

Маркс специально не занимался естественными науками, он был экономистом. Но наука ему нужна, т.к. она является, по его словам, душой производства. Научные достижения функционируют в обществе с разделением труда как силы природы. Причем разделение труда становится действительным, лишь когда появляется разделение материального и духовного труда. Для того чтобы успешно применяться в материальном производстве, наука должна обладать своим собственным существованием вне рамок разделения труда, в контексте культуры (как всеобщий труд). Характер взаимодействия людей в рамках совместного труда и труда всеобщего принципиально различен, и это различие порождает два разных типа социальности. Соотношение этих двух типов социальности, полагает Маркс, определяет место и роль науки в обществе Нового времени. Разные виды общественной деятельности выступают здесь или как причина, внешний социальный фактор, или как объект воздействия. «Наука, заставляющая неодушевленные члены системы машин посредством ее конструкции действовать целесообразно как автомат, не существует в сознании рабочего, а посредством машины воздействует на него как чуждая ему сила, как сила самой машины» [Маркс 1969, 204]. Рабочий тут действует как «профан».

Всеобщий труд в голове ученого существует как открытая система, как возможность новой теории. В то же время рабочий становится рядом с процессом производства.

Контекст исследования в истории и в современности

Ростки нового прорастают каждый раз в условиях индивидуального контекста. Социологи науки сосредоточили внимание на работе лаборатории [Latour, Woolgar 1986]. Все лаборатории разные. Даже в мелочах одна и та же лаборатория меняется от одного эксперимента к другому. Внимание обращается не на общие для всех случаев свойства, а наоборот. Интерес представляет факт, что нет никакой устойчивости. Один и тот же эксперимент дает разные результаты даже при его повторении в одной и той же лаборатории. Делается вывод: в науке нет и не может быть истины. Впрочем, мало кто рискует так решительно заявлять об отсутствии истины в науке. Чаще говорят об этом весьма уклончиво или ограничиваются словами о том, что наука стала другой.

Помимо истины, проблематичным стал ответ на вопрос о логической связи между отдельными событиями возникновения нового знания, будь то отдельные случаи (cases) или открытия в лаборатории. Если в этих случаях новое знание не выводится из старого, то каким образом оно с ним связано? Каким образом оно вообще может быть встроено в структуру науки и стать научным? В результате возникают такие направления мысли, как коммуникативные теории, диалогические системы, культурология. Проблемы, которые приходится решать оппонентам классики, — это трудные проблемы, но само развитие науки и мышления как такового требует их понимания [Маркова 2017a].

На передний план выдвигается понятие контекста в связи с неспособностью философов справиться с появившимися трудностями, опираясь на научные революции в качестве движущей силы исторического развития науки. Контекст ориентирует исследование того или иного события в первую очередь не в прошлое в поисках логического основания нового результата в цепочке развития идей, а в пространство настоящего, в то, что окружает изучаемое событие здесь и сейчас. Пространство начинает играть большую роль, чем время. Такие базовые понятия, как истинность и объективность, хотя и не утрачивают полностью своего значения для науки, становятся маргинальными, теряют свое базовое значение. Контексты разные, значит, и результаты эксперимента

тоже разные. Воспроизводимости эксперимента нет, нет и экспериментального подтверждения логического вывода, а это является обязательным условием классического научного мышления.

Наука представляется не последовательностью линейно следующих друг за другом и выводимых одна из другой идей, а совокупностью расположенных в пространстве на некотором расстоянии друг от друга событий рождения нового. Эти события обычно небольшие по своему размеру, но их, как правило, много, поэтому происходит как бы минимизация предметов исследования. Каждый предмет-событие опирается на свой контекст, элементы которого выбраны из окружающей действительности. Отсюда очень часто возникающая критика нового типа исследований: логика погружается в эмпирию и в результате вроде как перестает быть логикой. Действительно, в классическом мышлении логика по возможности освобождалась от всего преходящего, бытового, не имеющего прямого отношения к логическим законам. А теперь наоборот: логика черпает свою силу из реальности, из здравого смысла, претендует на объяснение рождения нового знания и даже считает это главной своей задачей.

Однако такая переориентация вполне правомерна. Ведь если продолжать считать, что новое знание рождается из предшествующего, то возникает вопрос: может ли оно быть новым и давать нам новое понимание действительности? Если оно родилось из предыдущего, значит, оно там уже содержалось в каком-то виде. Чтобы быть новым, оно должно непременно тем или иным способом как-то выйти за пределы логики в действительность, зацепиться за нее. Очевидным становится парадокс: в момент рождения новая идея должна стать элементом системы научного знания, но в то же время она связана с действительностью, она выходит за пределы логики, которая неспособна преодолеть ту или иную возникшую трудность [Библер 1991; Делез 1998]. Процесс исследования затормаживается на этом начале мысли, когда нарушается непрерывность развития.

Однако в большинстве случаев это не приводит к обрушению фундаментальных основ мышления, к смене парадигм. Открытие не обязательно представляет собой революцию, меняющую базовые основания науки. Исследования типа *case studies* базируются на особенностях мышления, которые вполне сознательно игнорировались в классике. Любой ученый размышляет в рамках господствующей на данный момент парадигмы немного

по-своему, это неизбежно. Какие-то индивидуальные отличия всегда присутствуют. Иногда та или иная особенность в работе ученого делает получение результата более легким, пусть это и происходит в рамках прежних теоретических представлений. Новый способ решения задачи закрепляется в логической структуре, господствующая парадигма может несколько трансформироваться [Маркова 2017].

Эту особенность мышления использовал Дюгем, но немного иначе, чем авторы case studies. Для него было важным специально подчеркнуть перемены, которые происходят в логической структуре господствующей парадигмы в результате этих мелких изменений. Дюгем подчеркивает, что эти изменения приводят в конце концов к ее слому. Незначительные улучшения господствующей теории делают ее громоздкой, снижают ее возможности решать вновь возникающие задачи, и наконец она разрушается, уступает место новой [Duhem 1913].

По-своему интерпретировали социологи науки значение влияния, которое оказывают на работу ученых в лаборатории всякого рода обстоятельства, не имеющие прямого отношения к исследовательскому процессу. Для них условия исследования (контекст) в силу своей изменчивости, когда один и тот же эксперимент нельзя провести дважды в абсолютно одинаковых условиях, исключают возможность получения истинного результата. Хоть что-то, но непременно меняется от случая к случаю. Реагент для эксперимента доставили несколько другого состава, другой экспериментатор проводит эксперимент, в лаборатории возник неприятный разговор, зашел посторонний человек, отвлек от работы и т.д. Условия невозможно воспроизвести со всеми их индивидуальными особенностями, а это значит, что если условия другие, то и результат другой. Нельзя утверждать, что какой-то из полученных результатов истинный, а остальные ложные [Latour, Woolgar 1986]. Объективного знания нет, в итоге, нет и истинного. Но возможна ли наука без истины? Вопрос до сих пор стоит достаточно остро.

Очень трудно включить в логику в качестве основания индивидуальное и особенное. Привычная нам классическая логика базируется на обобщении. Логический закон не может относиться исключительно к неповторимой, ни при каких условиях не воспроизводимой особенности того или иного высказывания, сопровождаемого, например, мимикой, настроением говорящего. Но

в то же время даже самый обычный разговор на бытовом уровне возможен только в том случае, если в нем участвуют как минимум два человека, отличающиеся друг от друга. Если мы будем исходить только из одинаковых для них обоих характеристик, никакой разговор не состоится. Обмен мыслями возможен, если эти мысли не совпадают. Такое несовпадение может служить основанием для коммуникации, общения в пространстве case studies. Наиболее частая критика, звучащая в адрес case studies, направлена именно на отсутствие связи между отдельными событиями рождения нового знания. Каждый раз контекст другой и результат другой. Непрерывная линия развития научного знания нарушается. Каким же образом реализуется связь, общение между идеями?

Победившая в научной революции теория разрушает свою предшественницу до основания, лишает ее логических прав. В исследованиях типа case studies ничего не разрушается. При желании или в случае необходимости всегда можно проследить и временную последовательность событий в истории. Но эта временная последовательность в этом случае не играет скольконибудь значительной роли. Отдельное событие (case) изучается прежде всего с точки зрения его формирования из *начала*, из точки, где еще нет четкого различия предмета и знания о нем. Мы хотим понять какое-то конкретное событие в окружающей действительности, но нам это не удается, используя имеющиеся у нас сведения. Мы начинаем так или иначе трансформировать эти уже сложившиеся и всеми признанные, подчиняющиеся господствующей логике знания.

Вместе с тем меняется и предмет изучения, он еще не отделен от нашей мысли. Понимание предмета складывается в этой точке начала. Мышление здесь выходит за пределы логики и погружается в эмпирию, оставаясь мышлением. Естественно, появляются соответствующие работы, где авторы пытаются понять, что же такое эмпирия, какую роль она может играть в формировании мышления нового типа. Достаточно очевидным было лишь то, что новая мысль не может родиться, оторвавшись от действительности, от своих корней, от своего начала. А основания каждого нового результата, контекст его возникновения свой, отличный от любого другого. Поэтому и вывести новое знание из предыдущего не удастся.

Возможен, однако, *спор начал*. Да, они разные и могут общаться, как и люди, отстаивающие каждый свою точку зрения, отличную

от точки зрения собеседника. Но ведь для общения абсолютно необходимо и что-то общее, как мог бы с полным правом возразить оппонент такой постановки вопроса. Если речь идет об ученых, разумеется, все спорящие как минимум должны понимать язык друг друга, быть в курсе тех трудностей, которые возникли в их науке и требуют своего преодоления.

Однако в одном случае ученый ограничивается попыткой встроить возникшую проблему в рамки существующей логики и, если это не удастся, отказывается от попыток ее решить. В другом случае ученый выходит за пределы существующей логической системы в нелогику. Действительность воспринимается им не как нечто раз и навсегда данное, которое надо со всех сторон внимательно осмотреть, изучить как оно есть. Подход другой. Возникает сомнение и появляется уверенность, что мысль и предмет суть нечто целостное, и если мысль не совпадает с предметом, то менять надо не только мысль, но и предмет. Противостояние духовности и материальности перестает быть очевидным, оно сглаживается в начале мысли, в момент ее рождения. *Не только реальность формирует мысль, но и мысль формирует реальность.* И когда мы выводим новое знание из его начала, где оно одновременно и встраивается в систему существующего знания с его требующими решения проблемами, и остается погруженным в эмпирию с ее болезненными непонятыми точками, мы получаем знание действительно новое, подчиняющееся принципиально другой логике. Напомню еще раз, что в отличие от классической логики, где революция занимает такое важное место, эта новая логика не разрушает свою предшественницу. И это прежде всего потому, что новая логика для своего функционирования нуждается в собеседнике, который отличается от нее, и в общении с которым она утверждает свою уникальность и совершенствуется.

Все меньше появляется публикаций о научных революциях, и все чаще исследователи интересуются особенностями эмпирии, из которой формируются контексты. Здравый смысл, бытовой язык, повседневность становятся предметом изучения. Не всегда, а вернее будет сказать, практически никогда авторы таких работ не связывают свои исследования с событием смены типов логики. Но объективно дело шло именно к этому. В России тоже усиливается интерес к изучению эмпирии. В 2004 г. выходит книга И.Т. Касавина (в соавторстве с С.П. Щавелевым) «Анализ повседневности» [Касавин, Щавелев 2004] именно на такую тему.

За прошедший с тех пор период времени Касавин много сделал для развития в России идей, связанных с case studies, с процессами формирования контекстов, с созданием социальной философии и социальной эпистемологии. При написании той книги, как мне представляется, он руководствовался больше интуицией, которая его, однако, не подвела.

В последующих своих работах [Касавин 2008; Касавин 2016] Касавин рассматривает проблемы эмпирии уже с позиций новой, только еще формирующейся логики. В деле создания другого, по сравнению с классическим, типа мышления Касавину помогает, помимо хорошо работающей интуиции, умение привлекать в философское размышление некоторые особенности художественного творчества [Касавин 2017]. Именно поэтому в его работах мы встречаем много случаев анализа отдельных ситуаций рождения нового. При таком подходе к науке, ее истории, научному знанию необходимо формировать контекст, исследовать условия возникновения изучаемого события. И в этот контекст входят не только элементы науки, но и сопутствующие научному открытию события действительности. Наука своими корнями, своим началом погружается в эмпирию, там находит, вернее сказать, выстраивает условия своего дальнейшего развития. Любой акт мышления содержит в себе какую-то долю творчества, иначе это не мышление. Действительно, любое суждение человек произносит немного по-своему, и из этого «немного» рождается большая или меньшая оригинальность его мысли.

Далеко не все элементы действительности, сопровождающие рождение нового результата, способствовали его возникновению. Новый результат получается из определенной точки эмпирической реальности, в которой встречаются прерванная линия развития научного знания и предмет, не поддающийся объяснению наличными логическими средствами. Важно, что такое несовпадение логики и эмпирии должно быть обосновано существующей логикой, следует доказать, что логика *в принципе* не может решить возникшую проблему, ни в настоящем времени, ни в каком угодно далеком будущем. Однако значительная часть философов и социологов науки продолжает отстаивать значение классической логики для решения всех возникающих задач. Можно вспомнить многолетний спор в зарубежной философии науки между Голдманом и Фуллером [Goldman 1999; Goldman 2010; Fuller 2011; Fuller, Lipinska 2014] или у нас в стране между

сторонниками классики, с одной стороны, и социальной эпистемологии (социальной философии) – с другой.

Значительная часть исследований посвящается конкретному анализу ряда случаев (cases), которые встраиваются в науку как результат преобразования, а также и *идеям*, неспособным разрешить возникшую трудность в интерпретации реальности и самого *предмета* изучения, принадлежащего этой реальности. Трансформируется и то, и другое. Биолог, изучающий растение, выращенное в определенных условиях, опишет его иначе, чем другой биолог, изучающий то же растение в другом контексте.

Если мы согласны с тем, что новое знание рождается из контекста, большинство элементов которого не принадлежат науке, то в каком смысле можно говорить о *логическом* переходе от контекста к полученному результату, сформулированному по логическим правилам? Важно здесь то, что сам ученый-философ выбирает из действительности и из истории те элементы, которые формируют нужный ему контекст, игнорируя остальные. Так происходит и при классическом, и при неклассическом подходе: та или иная эмпирия создается самим ученым.

Сетевой характер неклассической логики

Если в России развитие социальной эпистемологии в контексте современного философского знания связано с именем Ильи Касавина [Касавин 2008; Касавин 2016], то на Западе эта роль принадлежит американскому философу Стиву Фуллеру [Fuller 2011; Fuller, Lipinska 2014]. И в том и в другом случае базой постановки возникающих проблем были в первую очередь истории науки и структура научного знания [Маркова 2017в].

В последние десятилетия большой интерес вызвала концепция французского социолога Бруно Латура, который еще во второй половине прошлого века написал в соавторстве со Стивом Вулгаром книгу о жизни научной лаборатории [Latour, Woolgar 1986]. В этой работе он еще не слишком задумывался о логических механизмах возникновения нового знания из повседневности научной деятельности ученых. Однако в дальнейшем логические проблемы стали его интересовать. В своей статье для вузовского учебника он излагает мысли о некоторых особенностях мышления, которые приходят ему в голову при посещении музея естественной истории в Нью-Йорке, куда он заходил каждый раз, когда бывал в этом городе. Его внимание привлекала выставка истории ископаемых останков лошади, прежде всего с той точки зрения, что мы имеем дело как бы с двойной историей, историей науки и историей предмета исследования. Изучение этого факта, счи-

тает Латур, поможет нам понять пути получения нового в науке: «... время является сущностью и того, и другого» [Latour 2007, 87]. Латур пишет, что «история науки должна знать как историю того, что известно в качестве предмета знания, так и того, что является самим знанием» [Latour 2007, 104]. Это как бы две непересекающиеся истории. Задачей эпистемологии всегда было понять, каким образом в процессе познания возникает точка соединения мысли и ее предмета, как совершается телепортация, преодоление пропасти между ними. Латур имеет в виду, что в какие-то моменты обе линии соприкасаются. Причины могут быть разные, в основном они случайные, но их значение в научной деятельности велико. Эти точки, в которых соединяются обе линии – и история идей, и история предмета исследования – погружают исследовательскую деятельность в эмпирию. В эмпирии нет пропасти между знанием и реальностью. И здесь возникает необходимость, как считает Латур, «накрыть, так сказать, этот эмпирический хаос сетью таким образом, чтобы стало возможным объективное знание о солнечной системе, костях, микробах, о всех движущихся, перемещающихся, кодируемых феноменах» [Latour 2007, 106]. Разные нити, пути пересечения мысли, образуют узлы-точки. Особенность этих точек в том, что дальнейшее развитие науки во времени может осуществляться в различных направлениях, а мы опять будем иметь две непересекающиеся параллельные линии.

Большую роль в концепции Латура играет понятие «сеть». Она соткана из нитей, соединяющих точки выхода научной мысли в эмпирию, где только и можно говорить о субъекте и предмете как находящихся в определенных отношениях друг с другом. Предметы не созданы с самого начала как существующие *сами по себе*, еще до того как они появляются в головах ученых в качестве объективного знания о них. Лишь потом они поворачиваются к миру и изумляются, насколько они, идеи, соответствуют вещам вокруг.

В книге «Пересборка социального» [Латур 2014] Латур уделяет внимание не столько взаимодействию человека-ученого и предмета его изучения, сколько общению разнообразных, часто дискутирующих, но тем не менее связанных друг с другом событий возникновения нового знания. Эти события в своей совокупности напоминают *cases* в российской и западной философии науки, философии, часто переходящей в социологию. У Латура свое понимание социологии, но в своих исследованиях он приходит примерно к тем же выводам относительно интерпретации логики мышления наших дней, что и специалисты в области неклассической философии. Я имею в виду уже упоминавшегося выше Касавина [Касавин 2008; Касавин 2016], а также диалогику Библера

[Библер 1991], стрелу познания Мамардашвили [Мамардашвили 1996], учение Делеза о смысле [Делез 1998], социальную эпистемологию Фуллера [Fuller 2011; Fuller, Lipinska 2014] и некоторых др. Латур не согласен с пониманием социологии как целостной науки, как некоторой данности, с помощью которой можно объяснить ряд особенностей таких наук, как биология, химия, экономика и др. Возражает он в связи с этим и против использования социальности как фактора, оказывающего влияние на разного рода деятельность. Скорее наоборот. Социальность – это то, что «необходимо объяснять специфическими связями, обусловленными экономикой, лингвистикой, психологией, правом, менеджментом и т.д.» [Латур 2014, 16]. Социологию можно определить, полагает Латур, «не как “науку о социальном”, а как *прослеживание связей*». В таком понимании прилагательное “социальное” обозначает не вещь среди других вещей, вроде черной овцы, затесавшейся среди белых, а *тип связи* между вещами, которые сами по себе не являются социальными» [Латур 2014, 17]. Латур пишет, что новое определение социального, которое он предлагает, «должно быть *гораздо* шире, чем то, что обычно именуют этим словом, но *строго ограниченным* прослеживанием новых связей и построением их сборок» [Латур 2014, 18].

Другими словами, ученый как существо социальное производит новое знание в науке. Каждый такой акт, творческий акт, имеет свое начало в эмпирии, где производится сборка определенного типа социальности, соответствующей именно этому случаю. Социальность как свойство особой, индивидуальной деятельности ученого именно в этой конкретной ситуации воплощается в результате, который отличается от любого другого. Совокупность этих результатов образует сеть, сплетенную из нитей и узелков, охватывающих все события рождения нового на поверхности научного знания. В позиции Латура важно убеждение, что каждый раз, когда социальное меняет свою функцию, оно вынуждено менять и себя, и предмет научного исследования. Творческий акт уникален, и он может быть понят только при учете этого обстоятельства. Повторений нет.

Заключение

В интерпретации научного мышления произошел поворот в сторону понимания науки как ориентированной на человека, а не на природу, лишенную любых социальных характеристик. Дискусии, разумеется, продолжаются, но аргументация энтузиастов нового типа анализа науки приобретает все больше сторонников. Кроме того, уже сейчас очень важно и любопытно разглядеть новые тенденции, формирующиеся на базе социальных характе-

ристик научного знания. Многие исследователи науки отмечают, что граница между субъектом и предметом становится все менее заметной. Так что дело не только и не столько в том, что человек и мир природы поменялись местами по своей значимости при формировании знания, но и в том, что их различие не имеет особого значения.

Такой вывод неизбежно следует из ряда выдвигаемых тезисов. Главный из них: *наука со всеми своими характеристиками определяется через свое начало, которое формируется в эмпирии, точнее сказать, в некотором контексте*. Именно в этот момент творческого акта субъект и предмет не различаются. Идея начала придает логическую значимость эмпирии, которая «не растворяет» в себе логику. Эмпирия (здравый смысл, повседневность, быт, разговор) – это основа логики. Для каждого акта мысли из эмпирии создается свой контекст, обеспечивающий возможность его творческого характера, будь то хирургическая операция, создание нового типа оружия или нового удобрения. Процедура формирования контекста – важный элемент в обосновании мысли. Практически в эмпирии можно найти подтверждение любого утверждения. Вспомним гераклитово: в одну и ту же реку (Волгу, например) нельзя войти дважды. Можно с этим согласиться. Но и утверждение «Я каждый день купаюсь в реке Волге» тоже вполне может быть верным. Это же справедливо и для научных теорий. Так что в эмпирии можно найти подтверждение и классической теории, и неклассической. Роль эмпирии меняется.

Но если наука анализируется с точки зрения ее начала, когда нет различия между субъектом и объектом, то и логика мышления, которая базируется на отношении «субстанция мыслящая – субстанция протяженная», меняется радикальным образом. Исследование того, как меняется и что получается в результате, – это задачи, еще требующие своего решения.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Библер 1991 – Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. – М.: Издательство политической литературы, 1991.

Делез 1998 – Делез Ж. Логика смысла. – М.: Раритет, 1998.

Касавин 2008 – Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. – М.: Канон+, 2008.

Касавин 2016 – Касавин И.Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология. – М.: Канон+, 2016.

Касавин 2017 – Касавин И.Т. Викторианская философия науки: Уильям Хьюэлл (размышления над книгой) // Вопросы философии. 2017. № 3. С. 23–33.

Касавин, Щавелев 2004 – Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневноности. – М.: Канон+, 2004.

Кун 1977 – Кун Т. Структура научных революций. – М.: Наука, 1977.

Латур 2014 – Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.

Мамардашвили 1996 – Мамардашвили М.К. Стрела познания. Набросок естественноисторической гносеологии. – М.: Школа; Языки русской культуры, 1996.

Маркова 2016 – Маркова Л.А. Поворот в исследованиях социального характера научного знания // Вопросы философии. 2016. № 4. С. 182–193.

Маркова 2017а – Маркова Л.А. Другая наука, в результате – новая научная политика // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 91–102.

Маркова 2017б – Маркова Л.А. Научная революция // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме / под ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана. – Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2017. С. 89–92.

Маркова 2017в – Маркова Л.А. Социальная эпистемология в контексте прошлого и будущего. – М.: Канон+, 2017.

Маркс 1969 – Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капитала») // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / 2-е изд. Т. 46. Ч. II. – М.: Издательство политической литературы, 1969.

Duhem 1913 – Duhem P. Le Système du Monde. – Paris: Hermann, 1913.

Goldman 1999 – Goldman A. Knowledge in a Social World. – Oxford: Oxford University Press, 1999.

Goldman A. 2010 – Goldman A. Why Social Epistemology is Real Epistemology. In: Social Epistemology / ed. by A. Haddock, A. Millar and D. Pritchard. – Oxford: Oxford University Press. P. 1–28.

Fuller 2011 – Fuller S. Humanity 2.0: What it Means to be Human. Past, Present and Future. – London: Palgrave, Macmillan, 2011.

Fuller, Lipinska 2014 – Fuller S., Lipinska V. The Proactionary Imperative: A Foundation for Transhumanism. – London: Palgrave, Macmillan, 2014.

Latour 2007 – Latour B. A Textbook. Case Revisited. Knowledge as a Mode of Existence // The Handbook of Science and Technology Studies / 3rd ed. – Cambridge, MA: MIT Press, 2007. P. 83–112.

Latour, Woolgar 1986 – Latour B., Woolgar S. Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1986.

REFERENCES

Bibler V.S. (1991) *From Science to the Logic of Culture. Two Philosophical Introductions to the 21st Century*. Moscow: Politizdat (in Russian).

Deleuze G. (1969) *Logique du sens*. Paris: Éditions de Minuit (Russian translation: Moscow: Raritet, 1998).

Duhem P. (1913) *Le Système du Monde*. Paris: Hermann.

Fuller S. (2011) *Humanity 2.0: What it Means to be Human. Past, Present and Future*. London: Palgrave, Macmillan, 2011.

Fuller S. & Lipinska V. (2014) *The Proactionary Imperative: A Foundation for Transhumanism*. London: Palgrave, Macmillan.

Goldman A. (1999) *Knowledge in a Social World*. Oxford: Oxford University Press.

Goldman A. (2010) Why Social Epistemology is Real Epistemology. In: Haddock A., Millar A., & Pritchard D. (Eds.) *Social Epistemology* (pp. 1–28). Oxford: Oxford University Press.

Kasavin I.T. (2008) *Text. Discourse. Context. Introduction to the Social Epistemology of Language*. Moscow: Kanon+ (in Russian).

Kasavin I.T. (2017) Victorian Philosophy of Science: William Hewell (Reflections on a Book). *Voprosy filosofii*. 2017. No. 3, pp. 23–33 (in Russian).

Kasavin I.T. (2016) *Social Philosophy of Science and Collective Epistemology*. Moscow: Kanon+ (in Russian).

Kasavin I.T. & Shchhavelev S.P. (2004) *Analysis of Everyday Life*. Moscow: Kanon+ (in Russian).

Kuhn T. (1962) *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: Chicago University Press (Russian translation: Moscow: Nauka, 1977).

Latour B. (2005). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford: Oxford University Press (Russian translation: Moscow: HSE University Press, 2014).

Latour B. (2007) A Textbook. Case Revisited. Knowledge as a Mode of Existence. In: Hackett E.J., Amsterdamska O., Lynch M.E., & Wajcman J. (Eds.) *The Handbook of Science and Technology Studies* (3rd ed.; pp. 83–112). Cambridge, MA: MIT Press.

Latour B. & Woolgar S. (1986) *Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Mamardashvili M.K. (1996) *The Arrow of Knowledge. Sketch of Natural Historical Epistemology*. Moscow: Shkola; Yazyki russkoy kul'tury (in Russian).

Markova L.A. (2016) A Turn in Studies of the Social Nature of Scientific Knowledge. *Voprosy filosofii*. 2016. No. 4, pp. 182–193 (in Russian).

Markova L.A. (2017a) Another Science, Resulting in a New Science Policy. *Voprosy filosofii*. 2017. No 12, pp. 91–102 (in Russian).

Markova L.A. (2017b) Scientific Revolution. In: Kasavin I.T. & Feigelman A.M. *Revolution and Evolution: Development Models in Science, Culture, Society* (pp. 89–92). Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University Press (in Russian).

Markova L.A. (2017c) *Social Epistemology in the Context of the Past and the Future*. Moscow: Kanon + (in Russian).

Marx K. (1969) Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie: 1857–1858. In: Marx K. & Engels F. *Collected Works* (Vol. 46, part 2). Moscow: Politizdat (Russian translation).

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-111-124

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

**Общесфункционалистский концепт
искусственной потребности как основа
общего искусственного интеллекта***

А.Ю. Алексеев

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

Аннотация

В статье предлагается использовать общесфункционалистский подход для концептуальной организации общего искусственного интеллекта (ОИИ). ОИИ – это направление научно-теоретических и инженерно-технологических исследований, ориентированное на построение и применение компьютерных имитаций, моделей и репродукций когнитивных феноменов самого широкого спектра жизненных, психических, личностных и общественных проявлений. Методологической основой ОИИ выступает общий компьютерный функционализм как современная интерпретация психофизиологической теории машинного функционализма Х. Патнэма 60-х гг. прошлого века. В формировании общего функционализма выделяются собирательный, определительный и наблюдательный подходы. Собирательный подход – это сбор, идентификация, координация, формализация, систематизация, унификация, кодификация всевозможных функционалистских теорий. Определительный подход – это анализ и выявление главных функционалистских характеристик, отношений, закономерностей, причинностей, инвариантных относительно содержания когнитивных феноменов. Наблюдательный подход позволяет оценивать с позиции человека или социальной общности, погруженных в коммуникативные «волны» виртуального и реального мира, различные статусы технологических реализаций общего функционализма: онтологические, эпистемологические, логические, лингвистические, аксиологические, эстетические, этические и праксеологические особенно-

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации.

сти проектов искусственной жизни, искусственного сознания (мозга), искусственной личности, искусственного общества. В качестве базового персонального феномена, который задается системой функциональных отношений, берется не привычный для функционализма феномен боли, но более продуктивный феномен потребности. Он имеет преимущество из-за широты масштаба, феноменологической очевидности, эпистемологической адекватности, онтологической фундированности. На основании функционалистского моделирования потребности возникает т.н. «искусственная потребность», которая и может лечь в основу разработки ОИИ. Автор статьи предлагает один из вариантов формализации потребности в рамках искусственной системы на основе общесфункционалистского принципа компьютерной реализации когнитивных феноменов. Используются принципы формализации, предложенные Д. Левин и Т. Полджером, развивающими подход Х. Патнема. Автор делает вывод, что применение данной методологии позволяет прийти к теме наблюдателя, находящегося в системе реализации функциональных отношений и рассматривающего ОИИ как сложностную систему с дифференцированными позиций.

Ключевые слова: общий искусственный интеллект, общий компьютерный функционализм, комплексный тест Тьюринга, искусственная потребность, цифровая экономика.

Алексеев Андрей Юрьевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник кафедры философии и методологии науки философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

aa65@list.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2230-311X>

Для цитирования: Алексеев А.Ю. Общесфункционалистский концепт искусственной потребности как основа общего искусственного интеллекта // Философские науки. 2019. Т. 62. № 11. С. 111–124. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-111-124

The General Functionalist Concept of Artificial Need as the Basis of Artificial General Intelligence

A.Y. Alekseev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

The article proposes to use a generally functionalist approach to create the basis of the conceptual model of Artificial General Intelligence (AGI). AGI is a field of scientific-theoretical and engineering-technological re-

search, focused on the construction and use of computer simulations, models and reproductions of cognitive phenomena of the widest range of life, mental, personal and social manifestations. The methodological basis of AGI is general computer functionalism as a contemporary interpretation of the psychophysiological theory of machine functionalism of H. Putnam of the 1960s. There are collective, conceptual and observant approaches to the formation of general functionalism. A collective approach is the collection, identification, coordination, formalization, systematization, unification, codification of all kinds of functionalist theories. A conceptual approach is the analysis and identification of the main functionalistic characteristics, relationships, patterns, causalities that are invariant with respect to the content of cognitive phenomena. The observation approach allows to evaluate from the position of a person or a social community, immersed in the communicative “waves” of the virtual and real world, the different statuses of technological realizations of general functionalism: ontological, epistemological, logical, linguistic, axiological, aesthetic, ethical and praxeological features of projects of artificial life, artificial consciousness (brain), artificial personality, artificial society. As a basic personal phenomenon, which is defined by a system of functional relations, we take not the pain phenomenon familiar to functionalism but the more productive phenomenon of need. It has an advantage due to the breadth of the scale of phenomenological evidence, epistemological adequacy, ontological foundation. Based on functionalist modeling of need, the so-called “artificial need” arises, which can form the basis for the development of AGI. The author of the article offers one of the options for formalizing needs within the framework of an artificial system based on the general functionalist principle of formalizing cognitive phenomena. The principles of formalization proposed by D. Levin and T.W. Polger, who developed the approach of H. Putnam, are used. The author concludes that the application of this methodology leads us to understanding of an observer in the system of functional relations and considers the AGI as a complexity system.

Keywords: artificial general intelligence, general computer functionalism, comprehensive Turing test, artificial demand, digital economy.

Andrey Y. Alekseev – D.Sc, in Philosophy, Leading Research Fellow, Department of Philosophy and Methodology of Science, Philosophy Faculty, Lomonosov Moscow State University.

aa65@list.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2230-311X>

For citation: Alekseev A.Y. (2019) The General Functionalist Concept of Artificial Need as the Basis of Artificial General Intelligence. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 62, no. 11, pp. 111–124. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-111-124

Введение. Дефиниция общего искусственного интеллекта

В отечественных исследованиях искусственного интеллекта 8–9 ноября 2019 г. произошло важное событие: на международной конференции «AI Journey», организованной Сбербанком РФ, стала широко обсуждаться проблема построения общего искусственного интеллекта (ОИИ). В дискуссиях приняло участие свыше пяти тысяч ученых, инженеров, политиков, экономистов, банкиров, менеджеров и др. За рубежом обсуждение Artificial General Intelligence началось десять лет назад [AGI 2008]. Однако это обсуждение ограничивалось научно-теоретическим интересом. В России же концепция ОИИ возникла неожиданно ярко, в контексте документа, определяющего экономическое и научно-технологическое развитие Российской Федерации на ближайшее десятилетие – «Национальной стратегии по развитию искусственного интеллекта на период до 2030 года» (см.: [Любимов 2019]). На данной конференции выступал Президент Российской Федерации В.В. Путин, поэтому дискуссии по поводу ОИИ приобрели стратегическую значимость.

Общий искусственный интеллект (ОИИ) базируется на таких принципах построения интеллектуальной системы, которые пригодны для компьютерной реализации витальных, ментальных, персональных и социальных феноменов. Это принципы создания и развития логических, математических, программных, информационных, языковых, технических средств интеллектуальных компьютерных технологий. Они инвариантны как для традиционных программируемых устройств, так и для аватаров, роботов, киборгов. Принципы действенны, т.к. включены в технологию ОИИ, играя роль ее *концептуальной организации*. Концептуальная организация технологии ОИИ – это система идей, категорий, понятий, мысленных экспериментов, теоретических дискуссий, логических моделей и других составляющих индивидуальной и социальной деятельности, определяющей смыслы, значения, ценности и цели этой технологии.

Предваряя размышления по поводу общего функционализма, целесообразно выбрать некий общий, очевидный и демонстративный когнитивный феномен, относительно которого можно строить теории и модели ОИИ. В исследованиях сознания таким феноменом является *боль*. На наш взгляд, другой феномен, *потребность*, имеет преимущество из-за широты масштаба, феноменологической очевидности, эпистемологической адекватности, онтологической фундированности.

Не вдаваясь в теоретические обоснования тезиса о первичности *потребности* перед всеми другими приватными и общественными явлениями когнитивно-компьютерной феноменологии ОИИ, отметим лишь то, что все мы являемся субъектами поведения,

инициированного нашими потребностями. Если говорить о социально-экономическом контексте поведения (который принципиально неотделим от биологической поведенческой основы), то с точки зрения потребительской экономики базовым теоретическим конструктом и практическим субъектом (объектом) является потребитель с его невероятно сложным спектром потребностей. Феномен *потребности* многообразен. Он междисциплинарно изучается естественными, социальными, гуманитарными и техническими науками. Для изучения *искусственной потребности* – а именно «искусственное» интересно для концепции общего искусственного интеллекта – требуется более широкая категориальная концепция, нежели та, которая участвует в методологических основаниях «обычного», «не общего» или, лучше, «частного» ИИ.

Методологической основой частного ИИ является концепция игры в имитацию А. Тьюринга 1950 г., т.н. «оригинальный тест Тьюринга» [Turing 1950]. А. Тьюринг выделил три принципа исследования ИИ. Во-первых, наличие универсального когнитивного феномена – интеллекта, проявляющегося в диалоге собеседников. Во-вторых, создание проекта архитектуры компьютера. Проект А. Тьюринга был представим в виде индетерминированной машины Тьюринга и реализуем универсальной цифровой вычислительной машиной. Именно эта машина участвовала в первой версии компьютерного функционализма Х. Патнэма. В-третьих, выдвижение критических аргументов «за» и «против» возможности создания ИИ.

В перспективе исследования «искусственной потребности» понятие «искусственного интеллекта» представляется узким. Ведь если даже под интеллектом понимать общую человеческую способность упорядочивать чувственные данные, рационально рассуждать и разумно регулировать поведение, тем не менее тьюринговский тест на такой, весьма широкий, «интеллект» не включает изучения возможностей компьютерной имитации «жизни», «сознания», «самосознания», «творчества», «воли», «эмоций», «личностного» и многого другого из того, что требует феноменология общего ИИ. Поэтому предпочтительно в роли методологической основы ОИИ избрать *комплексный тест Тьюринга*. Это большая совокупность многочисленных версий теста Тьюринга и версий этих версий. Совместно эти версии способствуют обоснованному атрибутированию (приписыванию) компьютерным системам феноменов *потребления* витального, психического, личностного и социального содержания. Появляется возможность связать «потребности» в единую интегральную систему с учетом квазиалгоритмического статуса их реализации и цифрового представления.

Таким образом, исследования *потребностей*, скажем, в выживании, образовании, свободе, справедливости получают единую когнитивно-компьютерную базу, интегральный инструментарий, включенный в глобальную инфраструктуру экономических, политических, социальных, материально-производственных, научных, военных и др. технологий. Подобная методологическая основа интегрирует различные версии функционализма и подчеркивает инвариантность различных когнитивных феноменов относительно субстрата их реализации. Соответственно, в статье рассматривается вопрос о том, как возможно применить общефункциональный подход к моделированию когнитивных феноменов для создания концептуальной основы ОИИ. Базовым компьютерно реализуемым феноменом такого ОИИ будет выступать искусственная потребность.

Собирательный подход к общему компьютерному функционализму Джанет Левин

Охарактеризуем данный подход к ОИИ, отталкиваясь от классической функционалистской формулировки «боли» – того ментального состояния, в котором пребывает большинство зарубежных функционалистов: *боль* (с) – это функциональное состояние (f), возникающее из-за телесного повреждения (р); выражается в стогах (b), которые могут слышать (m) другие люди (s), проявляется в телесных вздрагиваниях (b); информирует меня (m) о том, что с телом что-то не в порядке (р), продуцирует беспокойство (m) и желание (m) устранить (р) это состояние (f) при отсутствии конфликтующих намерений (m). В этой нестрогой формуле, производной от [Levin 2013], термины суждения проиндексированы обозначениями: с – когнитивное, m – ментальное, р – физическое, f – функциональное, b – бихевиоральное, s – социальное.

Придумаем аналог для наших целей: *потребность* (с) – это функциональное состояние (f), возникающее из-за какого-то недостатка в индивидуальном или социальном организме (р); проявляется в реактивном (b), целенаправленном (m) или ценностно-ориентированном поведении (s); формирует информацию (m) о том, что в организме (р) чего-то не хватает (f), продуцирует интенцию (m) преодолеть (р) это состояние (f) при отсутствии конфликтующих (s) намерений (m).

Если преобразовать эту формулу в контексте *функционализма машинных состояний*, то получится, что возникновение нужды в чем-то, испытывание нужды, намерение ее удовлетворить – все это описывается программой машины Тьюринга. На мой взгляд, показательное такое высказывание: ощущать *потребность* (m) – значит быть в некотором функциональном состоянии F_i , которое

возникает как следствие входных данных i_j (b), других функциональных состояний (f) и служит причиной поведенческой реакции o_k (b), множественно реализуемой (f) на субстратах различной природы (p), по программе (f), представимой автоматной таблицей (f) машины Тьюринга (p).

Сравним с классической для функционализма работой Х. Патнэма «Психика и машины»: «1) боль Р тождественна стимуляции С-волокон» [Putnam 1960, 377]; 2) «Состояние S тождественно включению триггера № 36» [Putnam 1960, 377]. Например, *потребность* может быть реализована путем введения ферментов в микротубулы нейронов коры головного мозга человека, собаки, других биологических существ, воображаемых аналогов этих компонентов у марсиан, социумов, роботов. Но такая же потребность может быть реализована не за счет физического воздействия, а в силу модификации информационной причинности функциональных компонентов.

Психофункционализм не дает подробного описания состояний и переходов машины Тьюринга. То, что мы можем описать, представимо машиной Тьюринга, что не можем описать, но феноменально переживаем, описывается в виде черных ящиков (блоков) как «сущностей», играющих роли в осуществлении поведения. Н. Блок предлагает формулу. Если Т – психологическая теория с n ментальными состояниями, из которых, например, 18-ое является «потребностью» (у Н. Блока 17-е является «болью»), тогда психофункционалистская «теория потребности» задается следующим образом: ощущать потребность (с) значит быть F_{18} -ым при условии: $F_1 \dots F_n$ ($T(F_1 \dots F_n, i_1 \dots, o_1 \dots)$), где $F_1, \dots, F_n$ – функциональные термы, обозначающие самые разные когнитивные феномены (убеждения, мысли, ощущения, намерения и пр.); $i_1 \dots, o_1 \dots$ и т.д. – это входы/выходы системы (p) [Block 1981].

Аналитический функционализм формирует, обрабатывает, транслирует тематически-нейтральные функциональные термины, осуществляет аналитические операции обобщения и ограничения понятий, например, подведения отдельных психических феноменов, влияющих на *потребность*, под достаточно четко фиксированный когнитивный тип. Этот нейтральный язык способен выделять элементарные свойства и фиксировать сингулярные события и, самое главное, коррелировать когнитивные феномены с их физическими реализаторами, в частности, с компьютерными устройствами.

Функционализм тождества функциональных состояний – это развитие программы аналитического функционализма на базе крупных наработок физикалистской теории тождества. Так, для высказывания «память – это физико-химический процесс

в мозге» проблема тождества заключена в прояснении того, что такое «это». Для анализа когнитивных феноменов применяется двумерный лингво-логический аппарат. Один подязык участвует в образовании психологических дефиниций, другой – естественнонаучных, в частности, нейрофизиологических.

Компьютерный функционализм (компьютеризм). Состояния машины соотносятся с содержанием этих состояний (см.: [Horst 2011]). Возникновение потребности означает включение триггера N 37 и выявление содержательных условий и контекстов его срабатывания.

В целом собирательному подходу к построению общего компьютерного функционализма присуща трудная проблема, которая заключена в необозримом разнообразии «функционализмов», собираемых в единую систему. И это разнообразие нелинейно растет (см. об этом: [Алексеев 2014]).

Определительный подход к общему компьютерному функционализму Томаса Полджера

Томас Полджер в своей работе «Natural Minds» [Polger 2004], пожалуй, впервые вводит в научный оборот понятие «*Общий функционализм*» (Generic functionalism) для интеграции различных функционалистских теорий вокруг главного функционалистского отношения. По мнению Т. Полджера, таковым является отношение множественной реализации. Это функциональное отношение устанавливается между реализатором и супервентором. *Реализатор* фактически осуществляет (реализует) биологическое, нейрофизиологическое, психофизиологическое, персональное, социальное состояние и задает содержание этого состояния. *Супервентор* сопровождает процессы, осуществляемые реализатором. Причем в разных вариантах трактовки понятия «супервентор» это сопровождение осуществляется перед реализатором, за ним, параллельно ему или в единстве с ним.

Народно-психологический функционализм в отношении супервентор (sup) / реализатор (re) формулируется следующим образом. Если агент *a* (sup) испытывает потребность (с) в *x* (m) и уверен (m), что *x* можно достичь (m), выполнив *y* (p), и приписывает *y* (m) лучший способ достижения *x* среди других возможных способов {*y'*, *y''*, *y'''*, ...} (b), тогда *a* стремится исполнить *y* (f) (измененный пример из [Robb, Neil 2013]) (здесь и далее подробнее см.: [Алексеев 2015]).

К главному функционалистскому отношению можно относиться по-разному: определять его бытийственный статус, изучать каузальные контексты, соотносить механизмы функционирования с механизмами развития, рассматривать исследовательские

предпочтения. По всей видимости, исходя из этих соображений, Т. Полджер предлагает набор функционалистских формулировок.

Метафизический функционализм обосновывает онтологические формулы следующего вида: «быть в состоянии потребности (с) — значит быть в функциональном состоянии относительно входа/выхода системы, других ментальных состояний и системы в целом» [Polger 2004, 80].

Интенциональный функционализм объясняет способность функционального состояния обладать интенциональным содержанием: как, за счет чего и почему некоторые состояния или функциональные элементы способны быть носителями значения или выступать непосредственно смыслами: «Для когнитивного состояния потребности (с) обладать интенциональным или репрезентативным содержанием (или быть способным к этому) значит выполнять для m функциональные роли $\{f_1, \dots, f_n\}$ » [Polger 2004, 87].

Семантический функционализм: «содержание потребности (с) определяется функциональными ролями $\{f_1, \dots, f_n\}$, выполняемыми в системе S относительно к внутренней когнитивной организации S либо к взаимодействию S с внешним окружением» [Polger 2004, 90].

Теоретический функционализм: содержание, задаваемое термом или предикатом «потребность» P теории T определяется их функциональными ролями $\{R_1, \dots, R_n\}$ которые P выполняет в T » [Polger 2004, 93].

Объяснительный функционализм объясняет когнитивный феномен потребности посредством референции когнитивного термина к функции, которую выполняет некоторый реализатор в системе в целом. Имеются классические объяснительные схемы: телеологическая, объясняющая каузальные отношения стремлением к цели; адаптационная, строящая объяснение, исходя из понятия механизма приспособления и эволюции. Для последней схемы объяснение потребности (с) как наличного, сохраненного или измененного когнитивного состояния в системе S ссылается на функциональные роли $\{f_1, \dots, f_n\}$ которые m занимает в системе S , или на то, как некоторые свойства $\{p_1, \dots, p_n\}$ способствуют конкретизации (демонстрации) посредством m функциональных состояний $\{f_1, \dots, f_n\}$ в S [Polger 2004, 93].

Методологический функционализм изучает феномен в терминах функций и функциональных ролей системы, ее подсистем, компонентов и элементов. Метод понимания потребности (с) системы S заключается в определении функциональных ролей $\{f_1, \dots, f_n\}$, которые M играет в системе S или в некоторой надсисте-

ме S^* (если S играет в S^* функциональную роль) или в определении функциональных блоков $\{(f,i,o)_1, \dots, (f,i,o)_n\}$, композиционно задающих (с) [Polger 2004, 107].

Отметим, что определительный подход к построению общего компьютерного функционализма весьма существенно разнообразит функционализмы, предваряя тем самым собирательный подход. Так, конкретизация реализаторов (супервенторов) позволяет выделить физические, химические, биологические, нейрофизиологические, психические, персоналистические, социальные и другие «функционализмы». Выявленные функционализмы, если их собрать и обработать, позволят сформировать иные определители функционалистских отношений. Модификация определителей приведет к новым разновидностям функционализма, которые вновь следует собрать и т.д. Получается, что совместно эти два подхода позволяют проект ОИИ представить в синергетическом формате. Возникает вопрос о смысле этого: кому и зачем нужна такая самоорганизация ОИИ? Решить вопрос помогает еще один, наблюдательный подход.

Наблюдательный подход к общему компьютерному функционализму

Еще раз вернемся к идее машинного функционализма. Это чрезвычайно универсальная и общая форма функционализма. В самом деле, имеется концептуальная возможность описать *мои* когнитивные состояния как машинные состояния «мышления», где предметом «мышления» выступают различные теории мышления, среди которых есть функционалистские теории, а в них мы обнаружим теорию машинного функционализма. Столь универсальная форма функционализма явно претендует на доминирующую роль в методологии общего ИИ. Поэтому обозначим лозунг: «*назад, к машинному функционализму!*» (т.е. к работам: [Putnam 1960], [Putnam 1967], но не к работе: [Putnam 1981], в которой наметился отказ от машинного функционализма).

Однако при этом изменим роль человека. Не будем вгонять его в компьютерные программы и большие данные, а, напротив, вынесем человека во вне, сделаем его наблюдателем, тьюринговым судьей, который оценивает собственные когнитивно-компьютерные компетенции и компетенции бесконечного множества других людей, животных, сообществ. Организуем *тестовый функционализм*, основанный на применении комплексного теста Тьюринга к цифровому обществу и электронной культуре [Алексеев, 2013]. Снабдим человека концептуальным инструментарием комплексного тестирования компьютеризированной реальности и предоставим возможность решать мировоззренческие, собственно человеческие проблемы личности, свободы, смысла

жизни, бессмертия, социального идеала и т.п. (см. подробнее в [Алексеев 2015, 435–443]).

Сформулируем идею *тестового компьютерного функционализма*: Я (с) – главный потребитель и конструктор цифрового мира, конституируемого в комплексе компьютерных репликаций, репрезентаций и репродукций моих витальных (b), ментальных (m), персональных (h), социальных (s) потребностей.

В процессе наблюдения за своими компьютерно реализованными компетенциями Я осуществляю операцию редукции и по-гуссерлиански отбрасываю некоторый сопутствующий процессу оцифровки неоцифровываемый и некомьютируемый «осадок». В «осадок» выпадают качества субъективной реальности: смысл, интенциональность, содержание опыта, творчество, квалиа, самость, «Я». В ходе редукции когнитивного к функциональному, к аппроксимативно полному описанию всех возможных входов/выходов/состояний моей когнитивной системы из проблематики моих потребностей изгоняется собственно моя личная, приватно значимая «потребность»: она переходит в область функциональной дескрипции. Вместе с этим перестают обладать качеством субъективной реальности мои боли, надежды, мысли, моя свобода, творчество и собственно «Я», *мое сознание, мои потребности*. Они законно и незаконно отчуждены и искаженно трансформированы цифровым обществом. Но для «Я» они не утрачены. Тестовый функционализм возвращает меня себе, намечая перспективы компьютерной реализации того, что ранее считалось невозможным запрограммировать, и выделения моего «собственно человеческого» на очередном этапе построения ОИИ.

Однако каково быть при этом роботом, который подробно и полно меня имитирует? Ответ на этот вопрос более прозрачен, нежели ответы на вопросы о том, каково быть камнем, деревом, мышью, женщиной, социумом? (см. выводы работы А. Сломэна [Сломэн 2006]). Отвечать на этот вопрос – значит повторить всю историю развития ИИ, а также представить возможные тренды его развития. Очевидным является то, что первичным для этого робота становится не цель или ценность, но потребность выжить и найти, исходя из собственных «интенций», источник питания для компьютерных реализаций моих когнитивных компетенций. Очевидно и то, что надо решить вопросы о возникновении искусственной потребности, ее переходе в цели, цели в задачи, задачи в решение и, далее, в новые потребности [Vassilyev 2003].

Заключение

Предложенная форма общего компьютерного функционализма собирательно-определятельно-наблюдательного типа, позволяет

совместить мои естественные потребности с искусственными потребностями, глубже понять и те, и другие, отделив истинные от ложных, понять, что надо для полной и детальной имитации моих потребностей в жизни, познании, общении. ОИИ позволяет разобраться в том, что мне в действительности надо от себя, от естественного мира, в котором я родился, и искусственного мира, в который меня «забросили». Общий ИИ создается для *меня*, а не для какой-то там «индустрии 5+». И благодаря реализации моих компетенций, обогащается мир этой индустрии и электронной культуры, инкорпорированной в этой технологии.

Таким образом, мое «Я» полностью принимает реалии компьютерного мира, принципы которого представлены в базовых функциях машинного функционализма. Однако оно отрекается от этих принципов в пользу свободы, самости, смысла и многого другого внутри него. «Я» – наблюдатель. Но оно не является самозамкнутым тьюринговым наблюдателем. Помимо открытости компьютерному миру, оно совмещает три ипостаси наблюдения.

Наблюдатель-0. Это наивный взгляд на ИИ, повседневное «знание» о нем, базирующееся на убежденности обоснованности сенсаций, технической дезинформации, фантастических фильмов и т.п.

Наблюдатель-1. Критическое выявление принципов реализации когнитивных феноменов и принципов их компьютерной реализации.

Наблюдатель-2. Здесь ИИ выступает как общественная форма сознания и форма социальной жизни. Именно на этом уровне и возможна реальная проработка культурных, этических, эстетических, политических и др. оснований ОИИ.

Это *сложностная* модель наблюдателя, где все обозначенные уровни системно замыкаются.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 2013 – *Алексеев А.Ю.* Комплексный тест Тьюринга: философско-методологические и социокультурные аспекты. – М.: ИИнтелл, 2013.

Алексеев 2014 – *Алексеев А.Ю.* Функционализм машины Сеченова vs функционализм машины Тьюринга // 50 лет «Рефлексам головного мозга». Сборник научных трудов, посвященных изданию статьи И.М. Сеченова (23 ноября 1863 г.) / под ред. А.Ю. Алексеева. – М.: ИИнтелл, 2014. С. 138 – 185.

Алексеев 2015 – *Алексеев А.Ю.* Философия искусственного интеллекта: концептуальный статус комплексного теста Тьюринга. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.08 «Философия науки и техники». – М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 2015.

Любимов 2019 – Любимов А.П., Пономарева Д.В., Барабашев А.Г. О национальной стратегии развития искусственного интеллекта // Представительная власть – XXI век. 2019. № 5–6. С. 1–7.

Сломэн 2006 – Сломэн А. Что значит быть камнем? // Тест Тьюринга. Роботы. Зомби / пер. с англ. В. Крюкова под ред. А.Ю. Алексеева. – М.: МИЭМ, 2006. С. 86–102.

AGI 2008 – AGI 2008: Conference on Artificial General Intelligence. – URL: <http://www.wikicfp.com/cfp/servlet/event.showcfp?eventid=377&co pyownerid=2>

Block 1981 – Block N. Psychologism and Behaviorism // Philosophical Review. 1981. Vol. 90. No. 1. P. 5–43.

Horst 2011 – Horst S. The Computational Theory of Mind // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2011 Edition). – URL: <http://plato.stanford.edu/archives/spr2011/entries/computational-mind/>

Levin 2013 – Levin J. Functionalism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2013 Edition). – URL: <http://plato.stanford.edu/archives/fall2013/entries/functionalism/>

Polger 2004 – Polger T.W. Natural minds. – Cambridge, MA: MIT Press, 2004.

Putnam 1960 – Putnam H. Minds and machines // Dimensions of Mind / ed. by S. Hook. – New York: New York University Press, 1960.

Putnam 1967 – Putnam H. The Mental Life of Some Machines // Intentionality, Minds and Perception / ed by H. Castaneda. – Detroit: Wayne State University Press, 1967.

Putnam 1981 – Putnam H. Reason, Truth, and History – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1981.

Turing 1950 – Turing A. Computing Machinery and Intelligence // Mind. 1950. Vol. 59. No. 236. P. 433–460.

Vassilyev 2003 – Vassilyev S.N. Temporal Reasoning on the Basis of New Logic for Intelligent Control // Proceedings of the 2003 IEEE International Symposium on Intelligent Control. – Piscataway, NJ: IEEE, 2003. P. 843–847.

REFERENCES

Alekseev A.Y. (2013) *The Comprehensive Turing Test: Philosophical, Methodological and Sociocultural Aspects*. Moscow: IIntell (in Russian).

Alekseev A.Y. (2014) Functionalism of Sechenov machine vs functionalism of Turing machine. In: Alekseev A.Y. (Ed.) *150th Anniversary of Brain Reflexes. Collection of Scientific Papers Devoted to the Publication of an Article by I.M. Sechenov (November 23, 1863)* (pp. 138–185). Moscow: IIntell (in Russian).

Alekseev A.Y. (2015) *The Philosophy of Artificial Intelligence: The Conceptual Status of the Turing Integrated Test* (dissertation). Moscow: Lomonosov Moscow State University Press (in Russian).

Block N. (1981) Psychologism and Behaviorism. *Philosophical Review*. Vol. 90, no. 1, pp. 5–43.

Horst S. (2011) The Computational Theory of Mind. In: *Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2011 Edition). Retrieved from <http://plato.stanford.edu/archives/spr2011/entries/computational-mind/>

Levin J. (2013) Functionalism. In: *Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2013 Edition). Retrieved from <http://plato.stanford.edu/archives/fall2013/entries/functionalism/>

Lyubimov A.P., Ponomareva D.V., & Barabashev A.G. (2019) On the national strategy for the development of artificial intelligence. *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek*. 2019. No. 5–6, pp. 1–7 (in Russian).

Polger T.W. (2004) *Natural Minds*. Cambridge, MA: MIT Press.

Putnam H. (1960) Minds and Machines. In: Hook S. (Ed.) *Dimensions of Mind*. New York: New York University Press.

Putnam H. (1967) The Mental Life of Some Machines. In: Castaneda H. (Ed.) *Intentionality, Minds and Perception*. Detroit: Wayne State University Press.

Putnam H. (1981) *Reason, Truth, and History*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Sloman A. (2006) What Does it Mean to Be a Stone? In: Alekseev A.Y. (Ed.) *Turing Test. Robots* (pp. 86–102). Moscow: MIEM (Russian translation).

Turing A. (1950) Computing Machinery and Intelligence. *Mind*. Vol. 59, no. 236, pp. 433–460.

Vassilyev S.N. (2003) Temporal Reasoning on the Basis of New Logic for Intelligent Control. In: *Proceedings of the 2003 IEEE International Symposium on Intelligent Control* (pp. 843–847). Piscataway, NJ: IEEE.

РУССКОЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ
НАСЛЕДИЕ

Философское краеведение

Посвящается 225-летию П.Я. Чаадаева

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-125-143

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

Итальянское путешествие Петра Чаадаева
Часть II
Рим – Венеция (1825)

А.А. Кара-Мурза

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье продолжается исследование обстоятельств путешествия русского философа Петра Яковлевича Чаадаева (1793–1856) по Италии в 1824–1825 гг. На этот раз речь идет о пребывании Чаадаева в Риме (март – апрель 1825 г.) и Венеции (конец мая – начало июня 1825 г.). Особое внимание в статье уделяется интенсивному общению Чаадаева в «Пасхальную неделю» в папском Риме с двумя выдающимися русскими интеллектуалами – крупным теоретиком русского либерализма, историком и экономистом Николаем Ивановичем Тургеневым (1789–1871) и героем антинаполеоновских войн, философом по складу ума и будущим видным декабристом Михаилом Фотиевичем Митьковым (1791–1849). Автор полагает, что переживания, связанные с пребыванием в Риме, и содержательная творческая полемика с также склонными к философствованию Тургеневым и Митьковым способствовали созданию Чаадаевым главных теоретических положений относительно судьбы «католического мира». Автор статьи приходит к выводу о том, что именно Петр Чаадаев явился основоположником исследований в русской философии и культуре плодотворной «темы Колизея», соотношения в европейской культуре античной и христианской традиции. На основе анализа новых источников автор оспаривает устоявшиеся в литературе выводы об обстоятельствах пребывания Чаадаева в Венеции. В статье анализируются также обстоятельства возвращения Чаадаева после загра-

ничного путешествия в Россию в 1826 г., в самый разгар следствия по делу участников «декабристского заговора», а также драматическая судьба, постигшая его товарищей по «римским прогулкам», – декабристов Митькова и Тургенева.

Ключевые слова: П.Я. Чаадаев, Италия, путешествие, Рим, Ватикан, Н.И. Тургенев, М.Ф. Митьков, Венеция, философия истории, религия.

Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии российской истории Института философии РАН.

a-kara-murza@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-0302-6500>

Для цитирования: Кара-Мурза А.А. Итальянское путешествие П.Я. Чаадаева. Часть II: Рим – Венеция (1825) // Философские науки. 2019. Т. 62. № 11. С. 125–143. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-125-143

Pyotr Chaadaev's Journey to Italy. Part Two: Rome – Venice (1825)

A.A. Kara-Murza

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article continues the study of the circumstances of the journey of the Russian philosopher Pyotr Yakovlevich Chaadaev (1793–1856) in Italy in 1824–1825. This time we examine the stay of Chaadaev in Rome (March – April 1825) and Venice (late May – early June 1825). A special attention is paid to Chaadaev's intensive communication during the Holy week in papal Rome with two outstanding Russian intellectuals: the major theorist of Russian liberalism, historian and economist Nikolai Ivanovich Turgenev (1789–1871) and the hero of the anti-Napoleonic wars, future prominent Decembrist Mikhail Fotievich Mitkov (1791–1849). The author believes that the personal experiences of Rome and meaningful creative debate with also prone to philosophizing Turgenev and Mitkov helped Chaadaev to develop main theoretical positions regarding the fate of the Catholic world. The author investigates the influence of “Roman meetings” with talented Russian artists and sculptors – Sylvester Shchedrin, Fyodor Bruni, Samuel Galberg. Based on the analysis of new sources, the author disputes the established conclusions in the literature about the circumstances of Chaadaev's stay in Venice. The article also analyzes the circumstances of Chaadaev's return to Russia in 1826, in the midst of the investigation of the “Decembrist con-

spiracy,” as well as the dramatic fate of Mitkov and Turgenev, his friends during the “Roman walks.” The article concludes that in Russian philosophy and culture Pyotr Chaadaev was the founder of research into the fruitful “Coliseum topic” on the ratio between the ancient and Christian traditions in European culture.

Keywords: P.Y. Chaadaev, Italy, travel, Rome, Vatican, N.I. Turgenev, M.F. Mitkov, Venice, philosophy of history, religion.

Alexei A. Kara-Murza – D.Sc. in Philosophy, Professor, Senior Research Fellow, Head of the Department of the Philosophy of Russian History of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

a-kara-murza@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-0302-6500>

For citation: Kara-Murza A.A. (2019) Pyotr Chaadaev’s Journey to Italy. Part Two: Rome – Venice (1825). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 11, pp. 125–143.
DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-125-143

В папском Риме

Решение непременно побывать в «Вечном городе» было принято Чаадаевым, как мы знаем, уже в Италии, в Милане. И на это были важные причины. Дело в том, что 1825-й год был объявлен папой Львом XII «юбилейным», «Святым» годом, но собираясь в 1823 г. в Европу, Чаадаев мог еще не знать об этом. Однако, оказавшись сначала в католической Франции, а потом в Италии, он в полной мере ощутил экстраординарность происходящего. Десятки тысяч паломников со всего католического мира устремились в Рим, желая получить полную индульгенцию за бывшие и будущие грехи¹.

Молодой русский пейзажист Сильвестр Щедрин, пенсионер Российской Академии художеств, с которым Чаадаев будет потом общаться в Риме, так описал религиозный экстаз, охвативший «Вечный город» и его окрестности (где Щедрин часто писал с натуры) уже летом-осенью 1824 г.: «Теперь мы приближаемся к святому году, по всем городам разъезжают миссионеры приготавливать народ к сему торжественному времени; в Альбано я сам был свидетель их поучений... Проповедник становился на возвы-

¹ «Святой год» – юбилейный год от Рождества Христова, празднуется в католическом мире с 1300 г. В 1470 г. папа Павел II выпустил энциклику, согласно которой «юбилейные годы» должны были отмечаться каждые 25 лет, дабы каждое поколение могло реально ощутить величие этого события.

шенное место в первом встретившемся перекрестке и после небольшого поучения колотил себя по голой спине цепями, которые столь остры, что каждым ударом выпускают кровь, народ также оному следовал и колотил себя кому чем пришлось, ужасный крик наполнял городские улицы» [Щедрин 2014, 248].

В письмах Щедрина родным в Россию не раз отмечается, что даже на фоне тягостной, но уже привычной «несказанной скуки» в патриархальной папской столице перспективы «Святого года» выглядели удручающе: «Публичные театры и прочие увеселения в конце нынешнего месяца (декабря 1824 г. – А. К.) запрут на целый год (вот тут-то будет весело)...» [Щедрин 2014, 249].

Но то, что раздражало и отпугивало бонвивана Щедрина, стремящегося поскорее вернуться на любимые пензенры Южной Италии (в Неаполь, Сорренто, Амальфи [Кара-Мурза 2012б, 21–37]), напротив, манило аскетичного и склонного к самоуглублению Чаадаева. К тому же во Флоренции ему стало известным воодушевившее его обстоятельство: оказывается, в те же месяцы, что и он, по Италии путешествовал его старший друг по университету, один из особо ценимых им людей (что, как мы знаем, для Чаадаева была большая редкость) – Николай Иванович Тургенев (1789–1871). Всего за два месяца до приезда Чаадаева во Флоренцию Тургенев был там, а потом отправился на юг – в Рим, Неаполь и, как поговаривали, даже на Сицилию!

Узнав о пребывании Тургенева в Италии, Чаадаев сразу же написал ему из Флоренции (наудачу – в Неаполь) с предложением непременно встретиться: «Любезный Николай Иванович. Мне сейчас сказали, что вы были здесь тому месяца два назад, а отсюда поехали в Рим и Неаполь... Скажите, где можно нам будет свидеться? Напишите ко мне, когда где вы будете; так как *я шатаюсь по свету без всякой цели* (это была сущая правда. – А. К.), то могу приехать куда прикажете... На возвратном пути не заедете ли еще раз в Рим? – Могли бы поболее побыть вместе» [Чаадаев 1991б, 52].

В ответ Тургенев, получивший-таки это письмо, писал 26 февраля 1825 г.² из Неаполя: «Какое удовольствие для меня, любезней-

² В дальнейшем изложении все события, имевшие место на территории Российской империи, как и написанные в России письма, датируются по юлианскому календарю («старому стилю»). Равным образом все, что имеет отношение к событиям в Европе, будет датировано по принятому там григорианскому календарю («новому стилю»).

ший Петр Яковлевич, найти, по возвращении моем из Сицилии, здесь письмо Ваше! Я никак не полагал быть так близко от Вас... Как бы то ни было, вы теперь в Италии и будете к Страстной неделе в Риме (католическая Пасха в том году отмечалась 3 апреля. – А. К.), следственно, я вас увижу... Я также еду отсюда между 15 и 20 марта в Рим. Там увидимся» [Чаадаев 1991б, 418].

Тургенев написал тогда, что думает отказаться от гостиницы «Allemagne» на углу Piazza Spagna и via Condotti, где жил в декабре-январе, т.к. «Франц (хозяин-немец. – А. К.) непременно хочет, чтобы живущие у него в доме у него же и обедали» [Чаадаев 1991б, 418], и, чтобы быть на этот раз более независимым, собирается предпочесть «Albergo dell'Europa» рядом с Испанской лестницей [Чаадаев 1991б, 418–419]. (Этих двух знаменитых в свое время отелей, где некогда жили известные русские, сегодня не существует.)

Итак, рассчитывая на встречу с Николаем Тургеневым, Чаадаев приехал в Рим в середине марта 1825 г. и поселился в «Европе». 19 марта он написал брату в Россию: «Я в Риме. Слава богу, здоров» [Чаадаев 1991б, 418, 52].

В те дни выяснилось, что в той же гостинице проживает еще один русский, ожидающий Тургенева. Это был вышедший отставку по здоровью и теперь путешествующий по Европе (в Париже он слушал лекции по философии и истории) полковник лейб-гвардии Финляндского полка, владимирский дворянин Михаил Фотиевич Митьков (1791–1849) – тоже замечательная в своем роде личность.

...В субботу 26 марта 1825 г. из Неаполя по Новой Аппиевой дороге почтовым дилижансом в Рим приехал Николай Тургенев. В Вечном городе он уже бывал дважды (в первый раз в ноябре-декабре 1811 г., потом в декабре 1824 – январе 1825 гг.) и хорошо знал Рим. По не до конца понятным причинам он поселился в этот раз не на Испанской площади, а рядом с южной таможней в существующей до сих пор гостинице «Albergo Cesari» на via di Pietra. Сюда, в апартаменты друга недалеко от Пантеона, Чаадаев и Митьков в последующие дни будут приходить неоднократно.

Дневники Н.И. Тургенева [Тургенев 2017] – главный на сегодня источник сведений о пребывании Чаадаева в «Вечном городе» – хорошо показывают, как по мере «вживания в Рим» в настроениях трех друзей происходит эволюция. Началось с простого. Недалеко от «Albergo dell'Europa», где жил Тургенев, есть в Риме церковь

Пресвятой Троицы (Santissima Trinita dei Pellegrini), которая с XVI в. считается одним из центров римского паломничества. Заходя туда после походов в Ватикан, Чаадаев и Тургенев поразились некоторым ритуалам, которые в пасхальном Риме соблюдались, оказывается, со всей строгостью.

Так, на «Святой неделе» простые паломники, «пеллегрины», пришедшие в Рим со всей Европы, были окружены нарочитым вниманием со стороны местного клира и даже римской аристократии. Тургенев записал в дневнике о первом посещении церкви Троицы: «Там здешние братья мыли ноги пришедшим пелегринам, и мыли *tout de bon* (всерьез. – *франц.*). Налив воды, стоя на коленях, братья ожидали сигнала. Позвонил колокол; все начали творить молитву *Ave Maria*, и началось умывание. Это повторялось несколько раз с различными пелегринами. В числе мывших я видел арабского архиерея. Говорят, что вчера был в числе их принц Луккский. Потом в предлинной зале кормили пелегринов... Братья им служили. В числе служивших я видел Duc'a di Bonacossi» [Тургенев 2017, 302].

«Не могу дать себе отчета в том впечатлении, которое произвело на меня все это, – отметил Тургенев. – *Тут есть что-то истинно христианское* (курсив мой. – *А. К.*)» [Тургенев 2017, 302]. Действительно, в России обычай омовения ног нищим давно выветрился, и Чаадаев с Тургеневым, скептики по натуре, засомневались: а вдруг и здесь, в центре католического мира, все это – простая имитация? «Что за пелегрины? – поначалу задавался вопросом Тургенев. – Зачем они таскаются по свету? Мудрено себя уверить, чтобы чувство религии одно их к тому побуждало. Особливо слыша, что четверо из них недавно ограбили кого-то на дороге» [Тургенев 2017, 302].

Католические ритуалы «угощения нищих и страждущих», «омовения ног» и т.п., строгость и искренность их соблюдения стали, похоже, предметом споров, а потом и «*idée fixe*» для трех русских путешественников. Но одно дело – приходская церковь; совсем другое – церемония в Ватикане с участием самого папы.

30 марта, в «Святой четверг», все трое в очередной раз отправились в Ватикан: «Пробрались в залу, где делается омовение ног (Sala Clementina Апостольского дворца. – *А. К.*). 13 попов, представляющие всех апостолов (включая св. Павла. – *А. К.*), сидели в белых платьях и белых шапочках, готовые для церемонии. Принесли папу (Льва XII. – *А. К.*). После некоторых молитв он подхо-

дил к каждому из 13, умывал ноги, целовал ноги и давал каждому букет цветов... По окончании сей церемонии мы пробрались в залу (Sala Regia Апостольского дворца. – *А. К.*), где Папа служил сим тринадцати пилигримам за обедом» [Тургенев 2017, 305].

Уходя с утра в Ватикан, Чаадаев, Митьков и Тургенев днем возвращались на правый берег Тибра, гуляли по Монте-Пинчио (сильный дождь переживали в гостинице у Митькова или Чаадаева), потом обедали в любимой русскими траттории «Лепре» в самом начале *via Condotti*. Гуляя на вилле Боргезе, не раз видели престарелую Марию Рамолино, мать Наполеона Бонапарта, которая после падения и ссылки сына проживала в Риме в приобретенном ею Палаццо д'Асте Бонапарте на Площади Венеции, а также младшего брата Наполеона – Жерома и его вторую жену Катарину Вюртембергскую [Тургенев 2017, 305].

Пасхальное богослужение 3 апреля 1825 г. произвело, конечно, впечатление на русских путешественников. Но кульминацией торжеств стала вечерняя иллюминация на площади св. Петра. Тургенев записал в дневнике: «После обеда, посидев на Monte Pincio, поехали в 5 часов на площадь (св. Петра. – *А. К.*). Вошли в церковь... Когда стало смеркаться, вышли на площадь, маленькая иллюминация уже началась. Горели фонари по карнизам церкви и колоннады. В $\frac{3}{4}$ 8-го, по удару колокола, вдруг зажглись везде большие площадки – вид единственный. В одну минуту вся эта громада, купол, церковь, колоннада, сияла. Тогда-то купол (построенный по чертежам самого Микельанджело. – *А. К.*) – эта осуществленная смелость мысли человека, представился во всей своей огромности, в настоящем своем виде» [Тургенев 2017, 309].

Потом путешественники отправились на правый берег Тибра, на Monte Pincio, чтобы оттуда, сверху и на некотором расстоянии взглянуть на иллюминированный Собор: «Тут было торжество купола. Как огромная митра, он возвышался над всем Римом. Все окружающее его было покрыто темнотой ночи. Один он возвышался, как Этна, над Римом» [Тургенев 2017, 309]. Наши соотечественники подумали тогда о символичности этой картины для многих тысяч других «пеллегринов», стремящихся в Вечный город со всех концов света: «Сколько мыслей о новом Риме, о сем средоточии католического мира. Ватиканская базилика в огне посреди развалин и пустыни!» [Тургенев 2017, 309–310].

Из записей Тургенева следует, что в те весенние недели в «Вечном городе» они с Чаадаевым беспрестанно спорили о ситуации в России. Возвращаясь из Ватикана («луна светила; ночь была тихая, теплая»), они обычно заходили в гостиницу к Чаадаеву и долго обсуждали новости о новых перестановках при русском Дворе из привезенных Чаадаевым из Флоренции газет [Тургенев 2017, 305].

«Тема Колизея»

А еще Тургенев, Чаадаев и Митьков много катались по Риму верхом. Вот запись Тургенева от 30 марта: «Вчерашнее утро было, конечно, одним из приятнейших в моей жизни... Прочитав газеты, я встретил Чаадаева и пошел к нему. В 12 часов мы сели все трое на лошадей и поехали мимо Траяновой колонны на Форум. Смотрели на прелестные его развалины. Объехали около Колизея, отчасти под его огромными арками. – “Скифы ездили по Колизею”, – заметил Чаадаев» [Тургенев 2017, 304].

Колизей – главное открытие Чаадаева в Риме. Именно ему он посвятит большой историософский пассаж, который был найден кн. Д.И. Шаховским в архиве Чаадаева и который он посчитал правильным опубликовать в качестве «приложения» к седьмому «Философическому письму»: «В этом самом Риме, о котором столько толкуют, осматривать который все ездят и который так мало понимают, имеется удивительный памятник, о котором можно сказать, что это древнее произведение, продолжающее жить и поныне, деяние другого века, остановившееся среди течения времени: это Колизей» [Чаадаев 1991a, 418].

«На мой взгляд, – продолжает Чаадаев, – нет исторического явления, которое пробуждало бы столько глубоких мыслей, как вид этой развалины, которое бы лучше выявляло характерные черты двух эпох человечества... Эта арена, куда римский народ толпами приходил упиваться кровью, где весь мир язычества так верно отражался в ужасающей игре, где вся жизнь того времени развевалась в своих живейших наслаждениях, в своих самых блестящих торжествах... И там же впервые пролилась кровь, оросившая основание нового здания. Не стоит ли этот памятник целой книги?» [Чаадаев 1991a, 418].

В своих историософских заметках о Колизее Чаадаев вступил в прямую полемику с главным авторитетом на тот момент – английским историком Эдуардом Гиббоном, автором много-томной «Истории упадка и разрушения Римской империи»,

прочитанной Чаадаевым в английском оригинале: «Между толп путешественников, стекающих в Рим, нашелся, впрочем, один, который при взгляде на памятник с соседней и также знаменитой высоты, с которой он мог наблюдать памятник в его поразительном обрамлении (с Палатинского холма. – А. К.), по его же словам, вообразил себе, что он воочию видит, как развертываются перед его глазами века, объясняющие ему загадку своего движения. И что же? Этот человек заметил там только шествия триумфаторов и капуцинов!.. Как будто там ничего не происходило помимо триумфов и процессий» [Чаадаев 1991a, 418, 420]. «Мелкая и жалкая идея, – заключает Чаадаев, – которая принесла нам лживое произведение, столь известное всем: настоящее поругание со стороны одного из самых великолепных человеческих гениев, какие когда-либо были!» [Чаадаев 1991a, 420].

Чаадаев, по сути, явился одним из первооткрывателей в нашей литературе плодотворной в историософском отношении «темы Колизея», которая стала отчетливо приоритетной и как-то особенному интимной в контексте русских размышлений о «Вечном городе».

Юный Иван Тургенев, с детства бредивший античностью (а потом и профессионально изучавший ее в Москве, Петербурге, Берлине), сделал именно ночной Колизей декорацией своей первой, еще полудетской поэмы «Стено» (1834)... (см.: [Кара-Мурза 2018, 127–128; Kara-Murza 2018, 434–443]).

Когда весной 1839 г. в Рим приехал историк Михаил Погодин, его приятель Николай Гоголь на правах «римского старожила» сразу потащил его в Колизей: «Посредине, на небольшом деревом возвышении, стоит простой деревянный крест с изображением распятого Господа. Мы прилегли у подножия. День был прекрасный. Солнце сияло. Тишина восхитительная... Только птички пели так приятно, так беззаботно, так весело! А как расстилается плющ по этим развалинам... кое-где мелькают весенние цветочки... Что за спокойствие было на сердце. Как все хорошо это: и небо, и воздух, и этот плющ, и птички, и этот смиренный крест... на месте боев гладиаторских со львами и тиграми, где лилась кровь, и сто тысяч рукоплескало победителям!» [Погодин 1844, 10]. Тогда, в римском Колизее, славянофил Погодин искренне сказал «римлянину» Гоголю: «Оставайся, брат, здесь... Я понимаю, что ты мог зажитья. Твои теперешние впечатления принесут Отечеству плод сторицею» [Погодин 1844, 10].

Молодой Макс Волошин, путешествовавший по Италии летом 1900 г., достигнув Рима, пошел с друзьями в Колизей (запись в дневнике: «15 июля, 12 часов ночи»), где они наперебой сочиняли шуточные «стихи-пугалки» на тему Колизея: «Спит Великан Колизей, // Смотрится месяц в окошки, // Тихо меж черных камней // Крадутся черные кошки...» (см.: [Кара-Мурза 2014, 265]). Этих безобидных созданий юный ироничный поэт полностью в чаадаевской традиции назвал «потомками пантер», «скушавших столько народу // Всем христианам в пример, // Черни голодной в угоду...» [Кара-Мурза 2014, 265].

А когда перед Первой мировой войной русский литератор Михаил Осоргин водил экскурсии по Риму для групп русских учителей, кульминацией программы было посещение ночного Колизея, где русские «скифы», пользуясь определением Чаадаева, дикими голосами хором распевали «Вниз по матушке по Волге» [Кара-Мурза 2014, 265].

Прощание с «Вечным городом»

...12 апреля, за два дня до отъезда из Рима, Николай Тургенев записал в дневнике: «Теперешнее мое пребывание в Риме будет для меня особенно памятно. Я прожил здесь с лишком две недели, ездя, ходя с таким человеком, каков Чаадаев, по развалинам Рима. Кроме приязни давнишней, общество его для меня весьма дорого и по его умному разговору, по вниманию, которое он обращает на все предметы физические и нравственные»³ [Тургенев 2017, 315].

Этот день они провели так: «Почитав газеты, пошли все трое в Ватикан... Оттуда пешком же прошли на Monte Citorio и, выпив по чашке шоколада, поехали на Виллу Боргезе. Там расположились в тени на траве и болтали, спорили о России... Потом приехали к обеду. И тут толковали о религии и проч. Потом в Café и, наконец, на Corso, разговаривая с Чаадаевым, мы согласились, что мы жизнь нашу *verfangt* (запутали. – нем.) и сами никуда не годимся» [Тургенев 2017, 315–316].

³ О днях, проведенных в Риме, Николай Тургенев рассказал в письме брату Сергею от 13 апреля 1825 г.: «Часто мне казалось весьма странным, что случай привел меня в Рим вместе с Чаадаевым. Я его всегда любил и уважал, но теперь более, чем когда-либо, умею ценить его. В продолжении всего путешествия голова его весьма хорошо образовалась. Размышления и болезнь (и он терпит от желудка) сделали, однако же, его несколько мрачным...» [Тургенев 1936, 458].

А вот и последний вечер Тургенева в Риме, 13 апреля: «Уклавшись, пошел на улицу. Мне было очень, очень грустно. Оставляю Рим весьма неохотно, потому что оставляю Чаадаева, с которым мне так было хорошо!.. С Чаадаевым тем хорошо, что он и сам рассуждает, и меня заставляет рассуждать... Дилижанс едет в час пополудни...» [Тургенев 2017, 315–316].

Авторы примечаний ко второму тому «Полного собрания сочинений и избранных писем» Чаадаева, конечно, ошибаются, когда пишут (в комментарии к флорентийскому письму Чаадаева к Николаю Тургеневу от 6 февраля 1825 г.): «Чаадаев и Н.И. Тургенев съехались в Риме и прожили там *около двух месяцев* (курсив мой. – А. К.)» (см.: [Чаадаев 1991б, 301]). Причиной ошибки является неверная трактовка фрагмента из письма самого Чаадаева к брату Михаилу от 25 мая 1825 г. о пребывании в Риме: «Я провел там два приятных месяца, отгадай с кем? С старым и добрым своим приятелем Ник. Тургеневым» [Чаадаев 1991б, 54]. Дневник самого Николая Тургенева однозначно свидетельствует, что он на этот раз прожил в Риме без малого *три недели*: приехал в Рим в субботу 26 марта и уехал в четверг 14 апреля 1825 г. Что касается Чаадаева, то он действительно прожил в Риме два месяца: приехав в Вечный город на неделю раньше Тургенева, он покинул его спустя примерно месяц после отъезда друга.

После Рима

После Рима Чаадаев поехал не на юг, в Неаполь, как планировал, а снова во Флоренцию. 25 мая 1825 г. он писал оттуда брату: «Вместо Неаполя очутился я во Флоренции... Главное ветер, называемый *сирокко*, про который ты, вероятно, слыхал, но того, конечно, об нем не знаешь, что для сложений, подобных моему, он убийственная вещь, – в Риме испытал я его действие, бегу от него на север» [Чаадаев 1991б, 53].

Из того же письма следует, что в столице Тосканы Чаадаев был на этот раз две недели, примерно с 13 по 27 мая (похоже, он задержался там, чтобы вновь насладиться богатствами «литературного кабинета» в Палаццо Буондельмонте [Кара-Мурза 2016а, 117–125]), а после этого отправился в Венецию.

Маршрут путешественника средней руки из Флоренции в Венецию занимал во времена Чаадаева четыре полных дня и был

настолько «отработан», что мы смело можем назвать все основные вехи этого пути. Путь проходил через Апеннины на Болонью, потом на Феррару, где папские владения кончались. На берегу реки По путешественники пересаживались в почтовую гондолу, на борту которой достигали устья По, выходили в Адриатику и, минуя Кьоджу, по Венецианской лагуне приплывали в «город на воде».

В карлсбадском письме Чаадаева брату от 28 августа 1825 г. есть очень странный фрагмент о его пребывании в Венеции: «Я был там (в Венеции. – *А. К.*) в самое то время, в которое в старину бывал там карнавал, а выехал в самый день, в который Дождь, бывало, пирует свою свадьбу с морем...» [Чаадаев 1991б, 55].

Б.Н. Тарасов, автор интересной биографии Чаадаева, попытался объяснить его поведение: «Во Флоренции он задержался на две недели и лишь затем продолжил свой путь в Венецию, резкое своеобразие которой должно было остановить на себе его внимание... В свое время он специально задержался в Лондоне, чтобы посмотреть праздник Лорда Мэра. А сейчас без сожаления покидает город в день не менее интересного торжества, когда венецианский Дождь “пирует свою свадьбу с морем”. Рим, “единственный Рим”, вытеснил все мыслимые и немыслимые итальянские впечатления» [Тарасов 2017, 219].

Увы, авторитетный исследователь в данном случае пошел по ложному пути. В 1825 г., когда Чаадаев был в Венеции, там, конечно, не было и не могло быть никакого праздника «свадьбы дождя с морем». По очень простой причине: последний дождь Венеции был низложен Наполеоном еще в 1797 г.! А потом французские солдаты разграбили и сожгли знаменитый «Бученторо» – украшенный золотом корабль дождя, на борту которого во времена Республики, собственно, и проходил обряд «обручения с морем». Биограф, к сожалению, просмотрел в чаадаевском письме брату ключевое слово: «*бывало*» (т.е. «бывало в прошлом»).

Странность чаадаевского письма брату состоит в том, что фраза: «выехал в самый день, в который Дождь, бывало, пирует... и т.д.» – это явная мистификация. Не только по причине отсутствия тогда самого праздника, но и потому, что ритуал «обручения дождя с морем» всегда совершался в свободной еще Венеции в праздник Вознесения, т.е. на 40-й день после Пасхи. В 1825 г. это был четверг 12 мая, когда Чаадаев был еще на пути из Рима во Флоренцию.

Мистификацией являются и слова Чаадаева: «я был там в самое то время, в которое в старину бывал там карнавал...». Венецианский карнавал, запрещенный Наполеоном, а потом и австрийцами, традиционно праздновался, как и всякая масленица, *в феврале*. Последний день карнавала, его кульминация – Жирный Вторник; за ним следует сорокадневный пост перед Пасхой.

Закономерен вопрос: зачем понадобились Чаадаеву все эти «венецианские сказки»? Похоже, прав М.О. Гершензон, обративший внимание на общие особенности писем Чаадаева к тетке и брату из-за границы: «Он знает, что и они живут в непрерывной тревоге за него, главное – за его здоровье, и потому старается в письмах казаться бодрым и даже веселым. Поэтому его письма представляют собою своего рода *систематический обман* (курсив мой. – А. К.) – очень обычный спутник пугливо-нежной семейственности. Разумеется, этот обман не всегда удается скрыть» [Гершензон 2010, 213]. «Венецианские сказки» Чаадаева – характерный тому пример (см.: [Жукова 2011, 6; Кара-Мурза 2012а, 27–44]).

Но и это не самое главное. Ключевое слово в письме Чаадаева о Венеции – ностальгическое «*бывало*». Русский путешественник не мог не сочувствовать свободной Республике дождей, задавленной сначала Наполеоном, а теперь и Австрийской империей, цинично подчинившей Венецию еще и своему миланскому вице-королю из Габсбургов⁴. Уверен, что, приехав в Венецию (в каком отеле он поселился, нами пока не установлено), Чаадаев только и слышал вокруг: «А *бывало*, здесь в мае был грандиозный праздник обручения дожа с морем! Но дожа свергли, а его корабль – сожгли... А какой карнавал здесь раньше был на масленицу!...»

...Судя по письмам, Чаадаев довольно скоро оказался потом в Карлсбаде. Это означает, что летом 1825 г. он практически без остановок проследовал из Венеции обычным для путешественников того времени маршрутом: выехал из Венеции почтовой гондолой до Фузино; потом ехал дилижансом через Падую, Верону⁵,

⁴ Во времена Чаадаева даже католический патриарх оккупированной Венеции назначался австрийским императором (и по совместительству ломбардо-венецианским королем) Францем I. В 1825 г. венецианским первоиерархом был венгр по национальности Иоганн Ладислаус (Янош Ласло) Пиркер.

⁵ Очень вероятно, что в Вероне Чаадаев посмотрел в числе главных достопримечательностей и Palazzo Canossa, где в ноябре-декабре 1822 г. жил участвовавший в Веронском конгрессе «Священного союза» импе-

Триэнт (Тренто)⁶ и Боцен (Больцано). Далее его путь лежал через альпийский перевал Бреннер в австрийский Инсбрук. Кстати, менее чем за год до этого, в сентябре 1824 г., этот же путь – только в обратном направлении – проделал, путешествуя из центральной Европы в Италию, Николай Тургенев.

Возвращение в Россию

Первым из трех друзей, вместе гулявших по весеннему Риму, в Россию вернулся Михаил Митьков – осенью 1825-го к этому еще не было никаких препятствий. Его дальнейшая судьба сложилась драматически. Переполненный европейскими впечатлениями, немного окрепший Митьков не смог усидеть во владимирском имении, читая привезенные из Европы книги по философии и истории, и снова окунулся в круговорот политической жизни, став одним из лидеров московских «заговорщиков».

После декабрьского восстания на Сенатской площади он был арестован и приговорен к «политической смерти по 2-му разряду», позднее замененной царем Николаем 20-летней каторгой. Митьков прошел все «круги ада»: Свеаборгскую, Свартгольмскую, Кексгольмскую крепости, потом Читинский острог и каторжную тюрьму в Петровском заводе. Переведенный на поселение, жил в Иркутске, потом в Красноярске, где и скончался в 1849 г.

Николай Тургенев, будучи одним из идейных вдохновителей «декабризма», отказался тогда возвращаться на родину. Он посетит Россию только глубоким стариком, после амнистии, объявленной Александром II. Скончается в своем поместье во Франции в 1871 г.

Петр Чаадаев, мы знаем, был задержан по возвращении летом 1826 г. на русской границе [Шаховской 1935, 16–32]. Совершенно очевидно, что именно его открытость и мужество обезоружили молодого Николая I, видимо посчитавшего сам факт возвращения признаком лояльности (за четверть века до этого так же повела себя Екатерина II в отношении молодого Карамзина

ратор Александр I, к которому у Чаадаева всегда было очень личностное отношение.

⁶ Главной достопримечательностью итальянского городка Тренто является церковь Santa Maria Maggiore, где в 1545–1563 гг. проходили заседания Тридентского собора – вселенского собора католической церкви, решения которого стали программой Контрреформации.

(см.: [Кара-Мурза 2016а, 59–68; Кара-Мурза 2016б; Kara-Murza 410–421])).

Поэт русского Серебряного века, знаток Италии и творчества Чаадаева Осип Мандельштам очень точно заметил, что сам факт возвращения Чаадаева в Россию в переломный для нее момент истории имел огромный смысл: «Когда Борис Годунов, предвосхищая мысль Петра, отправил за границу русских молодых людей, ни один из них не вернулся. Они не вернулись по той простой причине, что нет пути обратно от бытия к небытию, что в душной Москве задохнулись бы *вкусившие бессмертной весны неумирающего Рима* (курсив мой. – А. К.)» [Мандельштам 1998, 406]. «Но ведь и первые голуби, – продолжает Мандельштам, – не вернулись обратно в ковчег. Чаадаев был первым русским, в самом деле идейно побывавшим на Западе и нашедшим дорогу обратно. Современники это инстинктивно чувствовали и страшно ценили присутствие среди них Чаадаева. На него могли показывать с суеверным уважением, как некогда на Данта: “Этот был там, он видел – и вернулся”...» [Мандельштам 1998, 406].

Заключение

Феномен Чаадаева вот уже два столетия будоражит умы тех, кто всерьез задумывается об исторических судьбах России. С годами русские интеллектуалы наряду с пополнившимся знанием о жизни Чаадаева обрели еще одну возможность – свободно и много *путешествовать* и, соответственно, *лично пережить* опыт общения с реальной Европой, в т.ч. с так увлекшим Чаадаева католическим миром.

Весной 1839 г., незадолго до Пасхи, в Рим приехал один из лидеров русского славянофильства, профессор истории Московского университета Михаил Погодин. Осмотрев «римские древности» под водительством Гоголя, он вынужден был признать: «В наше время нельзя быть ни профессором археологии, ни профессором истории без путешествия. Я вообразить себе не могу, что я говорил о Риме по книгам, не видав его памятников» [Погодин 1844, 12]. А потом занес в дневник нетривиальную мысль о вожде антипапской Реформации Мартине Лютере: «В нем, кажется, ни на грош не было эстетического образования, и потому он видел в Риме только развратных капуцинов, против которых и вооружился» [Погодин 1844, 12].

В те дни у Погодина состоялся в Риме еще один разговор, абсолютно в чаадаевском духе: он нанес «визит вежливости» московскому генерал-губернатору князю Д.В. Голицыну, находившемуся в те дни в Вечном городе. Погодин и Голицын поговорили «о Риме, о духовном единстве, о политических единствах, о гордости Папы» и согласились в том, что «Папа хотя и христианин, а все-таки древний римлянин...» [Погодин 1844, 12].

В апреле 1901 г. аналогичный опыт *личного общения с Римом* получил один из самых известных оппонентов Чаадаева в отечественной культуре – философ и литератор Василий Розанов, также побывавший на Страстной неделе в Вечном городе. Обладавший культурной интуицией и несомненным литературным талантом, Розанов оставил очерки о торжественной службе в Соборе св. Петра в Великую пятницу (21 апреля), а потом и на католическую Пасху (23 апреля). Эти церемонии, которые вел видный католический теолог и политик, государственный секретарь Святого престола кардинал Мариано Рамполла, произвели большое впечатление на Розанова, дважды проводшего по несколько часов в окружении истинных католиков. И он, скорее всего, не отдавая себе в том отчета, написал по следам своего пребывания в пасхальном Риме... абсолютно «чаадаевские» тексты!

Читаем у Розанова: «Насколько в современном итальянце много выродившегося, размягченного, нежного, настолько в... фигурах, передо мной сидевших, было много богатства крови и сил»; «католицизм вобрал в себя все талантливое из расы и оставил в политике, торговле, литературе обеды своего вкусного завтрака»; «сила – вот отличие, вот сущность Рима»; «там есть бесконечная дисциплина. Но это дисциплина не мертвая, а живая» [Розанов 1994б, 85–88]... и т.п.

Сам, по-видимому, удивившись своей обнаружившейся «любви к Риму», Розанов отнес ее на счет своего *эстетического* чувства и *православного* отношения к миру: «Буду рассказывать с любовью, понеже православному подобает все любить. Прежде всего – бездна вкуса разлита во всем. Это вы замечаете, едва из прозаической и безвкусной Австрии, с ее пирожками, немцами, кофе и сливками, спускаетесь в Италию...» [Розанов 1994а, 100].

Удивительно, но в 1913 г. в петербургской газете «Новое время» тот же самый Розанов, который двенадцать лет назад восхищался красноречием кардинала Рамполлы, «силой» и «бесконечной живой дисциплиной» католицизма, очередной раз обернулся непри-

миримым православным идеологом и написал несправедливые слова в адрес Чаадаева, который в своей историософии якобы «развивал ту мысль, что Россия и Восток... остаются деревней, не слушая католической мессы и не слушая красноречивых итальянских и французских проповедников (курсив мой. – А. К.), таких же бритых, как сам Чаадаев» [Розанов 1998, 361]. И при этом зачем-то обозвал великого москвича Чаадаева «маленьким петербургским католиком» [Розанов 1998, 361]...

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гершензон 2010 – *Гершензон М.О.* П.Я. Чаадаев. Жизнь и мышление // Гершензон М.О. Избранные труды в 2-х частях. Часть 2. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 180–301.

Жукова 2011 – *Жукова О.А.* Духовный опыт и культура разума: религиозно-философская традиция в университетском образовании // Культурологический журнал. 2011. № 1 (3).

Кара-Мурза 2012а – *Кара-Мурза А.А.* Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст // Философский журнал. 2012. № 2 (9). С. 27–44.

Кара-Мурза 2012б – *Кара-Мурза А.А.* Сильвестр Феодосиевич Щедрин // *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские в Амальфи. – М.: Альтекс, 2012. С. 21–37.

Кара-Мурза 2014 – *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Риме. – М.: Изд-во О. Морозовой, 2014.

Кара-Мурза 2016а – *Кара-Мурза А.А.* Петр Яковлевич Чаадаев // *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Флоренции. – М.: Изд-во О. Морозовой, 2016. С. 117–125.

Кара-Мурза 2016б – *Кара-Мурза А.А.* Философские дилеммы «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина // Философские науки. 2016. № 11. С. 55–68.

Кара-Мурза 2016в – *Кара-Мурза А.А.* Швейцарские странствия Николая Карамзина. 1789–1790. – М.: Аквилон, 2016.

Кара-Мурза 2018 – *Кара-Мурза А.А.* Рим Ивана Тургенева (1840) // Философские науки. 2018. № 7. С. 124–142.

Мандельштам 1998 – *Мандельштам О.* Петр Чаадаев // П.Я. Чаадаев: Pro et Contra. – СПб.: РХГИ, 1998. С. 401–406.

Погодин 1844 – *Погодин М.П.* Год в чужих краях (1839). Дорожный дневник. Ч. I–IV. – М.: типография Н. Степанова, 1844.

Розанов 1994а – *Розанов В.В.* Рим. Пасха в соборе св. Петра // *Розанов В.В.* Иная земля, иное небо... Полное собрание путевых очерков 1899–1913 гг. – М.: Танаис, 1994. С. 100–105.

Розанов 1994б – *Розанов В.В.* Рим. Страстная пятница в соборе св. Петра // *Розанов В.В.* Иная земля, иное небо... Полное собрание путевых очерков 1899–1913 гг. – М.: Танаис, 1994. С. 85–88.

Розанов 1998 – *Розанов В.В.* Чаадаев и князь Одоевский // П.Я. Чаадаев: Pro et Contra. – СПб.: РХГИ, 1998. С. 360–369.

Тарасов 2017 – Тарасов Б.Н. Чаадаев. Жизнь. Личность. Творчество // Тарасов Б.Н. Избранные труды в 4 т. Т. 1. – СПб.: Алетейя, 2017. С. 109–513.

Тургенев 1913 – Дневники Николая Ивановича Тургенева за 1811–1816 гг. / под ред. Е.И. Тарасова. – СПб.: типография Императорской АН, 1913.

Тургенев 1936 – Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1936.

Тургенев 2017 – Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева. Т. IV: Путешествие в Западную Европу. 1824–1825 / под ред. М.Ю. Кореньевой. – СПб.: Нестор-История, 2017.

Чаадаев 1991a – Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма в 2 т. / под ред. З.А. Каменского. Т. I. – М.: Наука, 1991.

Чаадаев 1991b – Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма в 2 т. / под ред. З.А. Каменского. Т. II. – М.: Наука, 1991.

Шаховской 1935 – Шаховской Д.И. П.Я. Чаадаев на пути в Россию в 1826 году // Литературное наследство. 1935. Т. 19–21. С. 16–32.

Щедрин 2014 – Итальянские письма и донесения Сильвестра Феодосиевича Щедрина. 1818–1830. – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014.

Kara-Murza 2017 – Kara-Murza A.A. Traveler or Fugitive? A New Reading of Nikolai Karamzin's Letters of a Russian Traveler // Russian Studies in Philosophy. 2017. Vol. 55. No. 6. P. 410–421.

Kara-Murza 2018 – Kara-Murza A.A. Spiritual Rebirth: Ivan Turgenev's 1840 Trip to Rome // Russian Studies in Philosophy. 2018. Vol. 56. No. 5. P. 434–443.

REFERENCES

Chaadaev P.Y. (1991) *Complete Works and Selected Letters in 2 Vols.* (Z.A. Kamensky, Ed.). Moscow: Nauka (in Russian).

Gershenzon M.O. (2010) P.Y. Chaadaev. Life and Thinking. In: Gershenzon M.O. *Selected Works in 2 Parts* (part 2, pp. 180–301). Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2012a) How Ideas Turn into Ideologies: Russian Context. *The Philosophy Journal*. 2012. No. 2, pp. 27–44 (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2012b) Sylvester Feodosevich Shchedrin. In: Kara-Murza A.A. *Famous Russians in Amalfi* (pp. 21–37). Moscow: Altex (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2014) *Famous Russians about Rome*. Moscow: Olga Morozova Publishing (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2016a) Pyotr Yakovlevich Chaadaev. In: Kara-Murza A.A. *Famous Russians about Florence* (pp. 117–125). Moscow: Olga Morozova Publishing (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2016b) The Philosophical Dilemmas of “Letters of a Russian Traveler” of N.M. Karamzin. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2016. No. 11, pp. 55–68 (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2016c) *Swiss travels of Nikolai Karamzin. 1789–1790*. Moscow: Aquilon (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2017) Traveler or Fugitive? A New Reading of Nikolai Karamzin's Letters of a Russian Traveler. *Russian Studies in Philosophy*. Vol. 55, no. 6. pp. 410–421.

Kara-Murza A.A. (2018) Spiritual Rebirth: Ivan Turgenev's 1840 Trip to Rome. *Russian Studies in Philosophy*. Vol. 56, no. 5, pp. 434–443.

Mandelstam O. (1998) Pyotr Chaadaev. In: Ermichev A.A. & Zlatopolskaya A.A. (Eds.) *P.Y. Chaadaev: Pro et Contra* (pp. 401–406). St. Petersburg: RKhGI (in Russian).

Pogodin M.P. (1844) *Year in Foreign Lands (1839). Travel Diary*. Moscow: Stepanov Publishing (in Russian).

Rozanov V.V. (1994a) Rome. Easter in St. Peter's Cathedral. In: V.V. Rozanov. *Another Land, Another Sky... Complete Collection of Travel Essays of 1899–1913* (pp. 100–105). Moscow: Tanais (in Russian).

Rozanov V.V. (1994b) Rome. Good Friday in the Cathedral of St. Peter. In: Rozanov V.V. *Another Land, Another Sky... Complete Collection of Travel Essays of 1899–1913* (pp. 85–88). Moscow: Tanais (in Russian).

Rozanov V.V. (1998) Chaadaev and Prince Odoyevsky. In: Ermichev A.A. & Zlatopolskaya A.A. (Eds.) *P.Y. Chaadaev: Pro et Contra* (pp. 360–369). Saint Petersburg: RKhGI (in Russian).

Shakhovskoy D.I. (1935) P. Y. Chaadaev on the Way to Russia in 1826. *Literaturnoye nasledstvo*. Vol. 19–21, pp. 16–32 (in Russian).

Shchedrin S.F. (2014) *Italian letters and reports of Sylvester Feodosievich Shchedrin. 1818–1830*. Moscow: Alyans-Arkheo (in Russian).

Tarasov B.N. (2017) Chaadaev. Life. Personality. Creativity. In: Tarasov B.N. *Selected Works in 4 Vols.* (Vol. 1, pp.109–513). St. Petersburg: Aletheia (in Russian).

Turgenev N.I. (1913) *Diaries of Nikolay Ivanovich Turgenev. 1811–1816* (E.I. Tarasov, Ed.). Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press (in Russian).

Turgenev N.I. (1936) *Decembrist N.I. Turgenev. Letter to Brother S.I. Turgenev*. Moscow: USSR Academy of Sciences Press (in Russian).

Turgenev N.I. (2017) *Diaries and Letters of Nikolai Ivanovich Turgenev. Vol. 4: Journey to Western Europe. 1824–1825* (M.Y. Korenev, Ed.). Saint Petersburg: Nestor-Istoriya (in Russian).

Zhukova O.A. (2011) Spiritual Experience and Culture of Mind: Religious and Philosophical Tradition in University Education. *Kul'turologicheskii zhurnal*. 2011. No. 1 (in Russian).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приглашение к размышлению

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-144-153

Рецензия

Book review

Объективность научного исследования как этическая и политическая позиция

Рецензия на книгу:

П.П. Толочко. Украина между Россией и Западом: историко-публицистические очерки. – СПб.: СПбГУП, 2018. – 592 с. ISBN 978-5-7621-0973-4

А.С. Запесоцкий

*Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов,
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

Статья посвящена книге академика П.П. Толочко, украинского историка-медиевиста, изданной Санкт-Петербургским Гуманитарным университетом профсоюзов осенью 2018 г. В этом издании П.П. Толочко анализирует кризисные процессы на современной Украине и, в первую очередь, – в украинской исторической науке, которая, на данный момент, переживает эпоху серьезного реформирования интерпретационных моделей. Эти модели меняются в угоду требованиям новой идеологии при очевидном пренебрежении к проведению объективного научного исследования. В связи с этим проблема объективности научного исследования и становится предметом данной статьи, ведь требование объективности можно рассматривать не только как методологическое требование, но и как моральную и политическую позицию, противопоставляющую строгость научного исследования воздействию конкретных идеологических, политических и моральных систем и суждений. Именно в этом смысле позиция ученого, выраженная в рассматриваемой книге, может быть рассмотрена как акт глубокого этического выбора.

Ключевые слова: научная объективность, научное исследование, политическая идеология, историческая наука, история Древней Руси, украинский кризис, этическая позиция, этический выбор.

Запесоцкий Александр Сергеевич – доктор культурологии, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки РФ, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов.

interdep@gup.ru

Для цитирования: *Запесотский А.С.* Объективность научного исследования как этическая и политическая позиция (рецензия на книгу: *П.П. Толочко. Украина между Россией и Западом: историко-публицистические очерки. – СПб.: Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, 2018) // Философские науки. 2019. Т. 62. № 11. С. 144–153.*
DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-144-153

Objectivity of Scientific Research as an Ethical and Political Position

Book Review:

P.P. Tolochko. *Ukraine between Russia and the West: Historical and Nonfiction Essays*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of Humanities and Social Sciences, 2018. – 592 pp.
ISBN 978-5-7621-0973-4

A.S. Zapesotsky

*Saint Petersburg University of Humanities and Social Sciences,
Saint Petersburg, Russia*

Abstract

This author discusses the problem of scientific objectivity and reviews a book written by the medievalist-historian P.P. Tolochko, full member of the National Academy of Sciences of Ukraine (NASU), honorable director of the NASU Institute of Archaeology. The book was published by the Saint Petersburg University of Humanities and Social Sciences in the autumn of 2018. The book presents a collection of articles and reports devoted to processes in Ukraine and, first of all, in Ukrainian historical science, which, at the moment, is experiencing an era of serious reformation of its interpretative models. The author of the book shows that these models are being reformed to suit the requirements of the new ideology, with an obvious disregard for the conduct of objective scientific research. In this regard, the problem of objectivity of scientific research becomes the subject of this review because the requirement of objectivity can be viewed not only as a methodological requirement but also as a moral and political position, opposing the rigor of scientific research to the impact of ideological, political and moral systems and judgments. It is concluded that in this sense the position of P.P. Tolochko can be considered as the act of profound ethical choice.

Keywords: scientific objectivity, scientific research, political ideology, historical science, history of ancient Rus', Ukrainian crisis, ethical position, ethical choice.

Alexander S. Zapesotsky – Doctor of Cultural Studies, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Rector of the Saint Petersburg University of Humanities and Social Sciences.
interdep@gup.ru

For citation: Zapesotsky A.S. (2019) Objectivity of Scientific Research as an Ethical and Political Position (Book Review: P.P. Tolochko. *Ukraine between Russia and the West: Historical and Nonfiction Essays*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of Humanities and Social Sciences, 2018). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 11, pp. 144–153.
DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-144-153

Введение

Осенью 2018 г. издательство Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов выпустило в свет книгу известного ученого, историка и археолога Петра Петровича Толочко «Украина между Россией и Западом» [Толочко 2018]. Начал свою научную деятельность Петр Петрович еще в Советском Союзе и внес большой вклад в развитие советской исторической науки. В 1987 г. он стал директором Института археологии Украинской академии наук. После распада Советского Союза ученый продолжил свои научные исследования в той же стране, в которой родился, жил и работал, которой всегда остается верен – на Украине. И он уверенно и активно ведет их и теперь, не только публикуя их результаты, но и выражая активно свою гражданскую позицию, несмотря на те изменения, которые происходят в настоящее время на Украине – в том числе и на изменение отношения к исторической науке.

Главный интерес Петра Петровича Толочко – Средневековье. Его исследования посвящены истории и культуре средневековой Руси – той самой, что называется Киевской Русью, поскольку стольным градом ее, ее центром был город Киев. Вопрос о происхождении, о формировании, становлении этой культуры, которая стала основой жизни восточнославянских народов – украинцев, белорусов, русских – это главный вопрос его научных трудов. Во времена, когда те, кто хотел сделать быструю научную карьеру, предпочитали заниматься современной историей – историей партии, историей советского периода, Петр Петрович решил обратиться к древним документам, археологическим данным, к которым испытывал любовь и интерес. По сути же, он решил обратиться к истокам. И он остается верен этому выбору по сей день, во времена, когда политическая идеология часто становится для многих ученых-историков более важной, чем работа с фактами, документам, первоисточникам и их последовательное, спокойное научное исследование.

К вопросу об объективности научного исследования

Исследование, основанное на фактах и документах, традиционно характеризуется словом «объективное». Стоит задуматься над самим этим термином, поскольку весьма часто при употреблении он вызывает большое количество вопросов. На первый взгляд, кажется, что «объективность» есть указатель на возможность приближения к истине – некой независимой истине, находящейся вне нас, и потому результаты подобного исследования должны были бы быть неоспоримы. Но если бы это было так, исследование вскоре должно было бы остановиться: мы бы достигли истины, и не могли двинуться дальше. А в то, что это именно истина, нам приходилось бы только верить. И это бы также противоречило принципам науки. Научное исследование не предполагает веры и не предполагает того, что мы можем выйти на некую

метапозицию, с которой возможно оценить истинность достигнутых знаний. Это была бы внечеловеческая позиция. Наука же всегда есть дело человека.

Итак, научное исследование может быть названо «объективным» отнюдь не потому, что результаты его неоспоримы. В науке не бывает неоспоримых результатов, любая теория может быть оспорена, если только находятся факты, которые ей противоречат, если эти факты начинают выстраиваться в новую, более доказательную конструкцию. Так обозначил границы научного знания в середине XX в. знаменитый философ науки Карл Поппер, сформулировав свой принцип фальсификационизма в качестве критерия научности теории. Но мы добавим к этому и иную характеристику, которую можно назвать *гуманитарной*. Исследование называется объективным, потому что оно спокойно, сосредоточенно, отстранено от эмоций и личных интересов. Потому что проводящий его ученый готов пожертвовать даже дорогой ему моделью, если наталкивается на ниспровергающие ее сведения. И эти сведения он тщательно изучает, систематизирует, анализирует, не страшась идеологических последствий. В этом состоит честность ученого, его внутренний стержень. Таково научное служение, которое он осуществляет.

Но занятый этим чистым и бескорыстным служением ученый в конечном счете напоминал бы человека, предающегося, по знаменитому выражению Германа Гессе, «игре в бисер», если бы только его деятельность могла вовсе не касаться жизненных перипетий окружающей реальности, в том числе перипетий политических. Он бы желал избежать их, отстраниться от них для сохранения объективности, ведь политические реалии, человеческие отношения, идеологии, мода, вкусы — все это противоречит чистоте исследования, которое объективно в силу того, что отстранено от всего, что является субъективным. Однако возможность такого отстранения вызывает вопросы.

Разделить различные сферы человеческой жизни — политику, экономику, науку, искусство, философию и т.п. — невозможно и не нужно, поскольку все они затрагивают существо человека как такового, происходят из ядра его личности. Политические реалии составляют ткань той жизни, которой человек живет, ее неустранимую канву. В глубине, под политическими заявлениями, партийными программами, идеологическими системами, мы обнаруживаем, как утверждал некогда Карл Маркс, вращение тяжелого вала экономического процесса. Мы способны проанализировать мировоззренческую структуру, которая вызывает к жизни происходящие изменения — а вслед за ними и артикулированные яркие заявления политиков. Формирование мировоззрения, точно так же, как и его критический анализ, — это деятельность философии. Искусство вырастает из этого глубинного базиса, также обнажая его — как в том, что становится его художественным

рупором, так и в том, что, временами, выявив его, стремится его обличить, разрушить. Но наука – та наука, которую принято называть «позитивной», наука, опирающаяся на факты и данные, наука, удаленная от мировоззренческих споров, в идеале кажется независимой от политики. Однако это не так, и ситуация такая невозможна. Современная философия науки показывает теснейшую и иногда весьма опасную связь научного исследования и научной картины мира с политической жизнью. Ведь научная деятельность осуществляется людьми, которые вовлечены в определенную систему мировоззрения. Изучением этих систем заняты философия и культурология, и исследование это является, возможно, наиболее сложным из всех существующих, потому что в нем сам исследователь включен в те рамки, которые должен выявить и осознать. Однако помимо этого, исследователь включен в реальность политических процессов, от которых зависит его человеческая жизнь, его настоящее существование. И не только его собственное существование, но и существование того социума, которому он принадлежит, существование человечества, в которое включен этот социум. Может ли он не реагировать на этот вызов, устранившись от политической жизни? Мы не спрашиваем, *возможно* ли это – мы только что подчеркнули: это невозможно, потому что если не сознательно, то бессознательно мы вовлечены в эту структуру. Но мы вновь спрашиваем иное: *верно* ли это, *честно* ли? Не должен ли ученый признать, что его научная деятельность – это не просто ряд исследований и открытий, но также и *поступок*, позиция, высказывание, определяющее собою образ и путь человечества?

И вот здесь мы сталкиваемся с проблемой – как сочетать научное служение с политическим выбором? На первый взгляд, может возникнуть простое решение, которое, видимо, оказывается, в силу своей простоты, привлекательным для многих, как политиков, так и ученых – притом самых разных, в том числе и противоположных идеологических лагерей. Решение это состоит в том, чтобы считать научную позицию результатом морального или идейного выбора. Таким образом наука не отчуждается от политики, ученый выполняет свою общественную миссию, оказывается «служителем» общества. Из этого следует, что выбор той или иной научной позиции – дело моральной чести, идейной подкованности, убежденности. Именно на этих основаниях в середине XX в. в советской науке производились чистки и репрессии, немало ее пошатнувшие и приведшие к трагическим для нее последствиям. Безусловно, если мы принимаем такую позицию, ученый, разделяющий концепции, не стыкующиеся с господствующей идеологией (сколь бы прекрасной и морально выверенной она ни была в своих устремлениях и целях), покажется не просто пребывающим в идейных заблуждениях, но кроме того, действительно враждебно настроенным: он сделал выбор не той научной позиции, которая ведет

к благу – стало быть, он стоит на стороне зла, и стало быть, достоин осуждения как преступник и «враг народа». Увы, огромное количество ученых во все времена и во всех странах стало жертвой такого непродуманного восприятия соотношения политического выбора и научной честности.

Во времена инквизиции, когда осуждали и требовали отречения от Джордано Бруно и от Галилея, вопрос о научной объективности еще не стоял, эта проблема была поставлена куда позже и куда позже раскрыла перед нами всю неоднозначность своих решений. Тогда наука однозначно рассматривалась как служительница определенной веры – смена научной парадигмы приравнивалась к измене вере. Так оно, собственно, и было: вместе с победой новых научных идей радикальным образом изменилась и ситуация в религии, в общественном сознании, в системе моральных ценностей. Мы получили новую культуру с новым мировоззрением. И вот в этом новом мировоззрении, оформившемся в Новое время, возник вопрос о необходимости объективного научного исследования – исследования, которое бы было независимым от религии, от политики, то есть, в конечном счете, от *идеологии*.

Но как мы уж сказали, быть объективным – не значит быть полностью свободным от политики и идеологии, не значит ускользнуть от них, скрыться, забыть о них, словно их нет. Нет, второе решение проблемы отношения научной честности и политических требований таково: сама научная объективность, сама научная честность – уже есть *позиция*. И выбор ученого состоит не в том, чтобы выбрать свою научную позицию, но в том, чтобы настаивать на ней, как требует объективность исследования, до конца, вопреки всем требованиям идеологии. Но, укажем еще раз, настаивать не на самой своей позиции, а именно на *ценности объективного исследования*.

Возможно, не будет большой беды для науки в том, чтоб ученый занимался ею вдали от политических баталий, никак не высказываясь в пользу той или иной идеологии. Возможно также, что все его «объективные» данные, поскольку они имеют своим источником его личный опыт, окажутся в конечном счете опровергнуты. Однако не это определяет выбор ученого, если этот выбор – выбор в пользу спокойного объективного исследования во что бы то ни стало. Если ученый не высказывает своего выбора, продолжая честно служить науке, – это его право. Но если он высказывает его, то фактически это высказывание представляет собой *политический акт*. Он фиксирует тем самым свою политическую и этическую позицию, которая может быть противопоставлена существующим идеологиям, какими бы они ни были, вне зависимости от того, какие из них находят в результатах его исследования себе поддержку, а какие, напротив, опровергаются этими результатами.

Этическая позиция Петра Толочко

Книга Петра Петровича Толочко, с нашей точки зрения, и есть такой политический и этический акт, осуществленный автором и как ученым, и как человеком, имеющим свою твердую гражданскую позицию. Но позиция эта – отнюдь не является «проукраинской» или же «прорусской». Она не является утверждением идей, выгодных той или другой стороне какого-либо политического спора. Эта позиция есть позиция утверждения научной объективности. И в ней содержится призыв к тому, чтобы заниматься историческим исследованием именно на этих строго научных основаниях, к каким бы результатам такое исследование ни привело.

Читая эту книгу, мы можем видеть, что результаты, к которым до сих пор приводило П.П. Толочко его историческое исследование, оказываются идущими вразрез с программой современных украинских политиков, за что ученый подвергается нападкам у себя на родине. И также они идут вразрез с теми новыми историческими построениями, которые предлагает современная украинская историческая наука, в том числе и для изучения в школах в качестве новых исторических данных, новой исторической картины мира. Но можно ли сказать, что Петр Петрович выступает против возможности каких-либо новых данных, новой исторической картины мира, что он является консерватором, препятствующим новым идеям – как полагают несогласные с ним новые историки Украины? Нет, мы не могли бы так сказать! Если проведение тщательного исследования подтвердит эти новые данные – они должны быть приняты. Однако загвоздка состоит в том, что это исследование еще *не* проведено. Загвоздка состоит в том, что даже школьникам предлагают результаты не сложившейся выверенной концепции, но едва сформулированные новые идеи, которые слишком очевидно вызваны лишь текущей политической ситуацией. Таким образом, спор П.П. Толочко с современной украинской исторической наукой является, по большей части, не содержательным, а *методологическим*. Петр Петрович настаивает на методе исследования, который позволил бы провести это исследование согласно критериям научной объективности, в то время как его методологические противники настаивают, скорее, на необходимости, отказавшись от исследования, опираться на требования новой идеологической схемы, т.е. на содержательные морально-этические требования. Правы ли они в своих требованиях, в своей этической позиции? Это покажет только будущее. Но этическая позиция Толочко ясна: это позиция научной объективности в рамках фактического исследования.

Публикуемая книга Петра Петровича Толочко полностью посвящена теме осмысления процессов происходящих на современной Украине, в т.ч. и в той области жизни, которая является для автора наиболее дорогой – в исторической науке. Он утверждает: главный смысл про-

водимых новейшими историками реформ состоит в одном: развести историческое прошлое Украины и России, используя все возможности для того, чтобы провести это различие, даже если эти возможности противоречат друг другу. Так, с одной стороны, говорится о том, сколь прошлое Украины древне и величественно, сколь превосходит прошлое России, и в то же время говорится о том, как в течение всей истории Украина была подавляема и принижается Россией. С одной стороны, говорится о том, что у этих стран совершенно разные исторические истоки и разные судьбы, а с другой стороны, общая судьба двух народов признается трагедией для Украины. Интересно отметить, что часто для полного изменения структуры исторического повествования вовсе не нужно искажения «фактов», но лишь изменение оценок, выражаемое в риторике построения исторического повествования, в эмоциональном насыщении текста. Этим пользуются все историки, поскольку человек, оставаясь человеком, не может совершенно безэмоционально относиться к своему предмету, никак вообще его не оценивать, никак вообще не выстраивать свой текст – в любом случае повествование будет как-то выстроено. Однако даже на уровне риторики мы можем следовать объективной методологии исследования, а можем – своему желанию, своей вере, своей идеологии, своей выгоде. Оценка исторических событий в первом случае исходит из анализа всего контекста развертывания исторических событий, во втором случае – из того, что представляется желанным на данный момент.

Упрек, который высказывает украинская историческая наука по отношению к П.П. Толочко – это упрек в том, что он не принимает современной украинской идеологии и не учитывает ее в своих исследованиях. Но упрек, который высказывает П.П. Толочко по отношению к современной украинской исторической науке, – это упрек не в том, что она подменяет факты, вводит новые модели описания или переоценивает события по-другому. Это упрек только в том, что она не проводит достаточно фундаментального, взвешенного и объективного исследования, с политическими целями настаивая на непроверенных, скороспелых результатах, в которых их идеологическая ангажированность слишком очевидна для того, чтобы их все еще можно было называть наукой.

В свою очередь, в настоящей книге П.П. Толочко занят не просто опровержением предлагаемой современной украинской исторической наукой модели, которой он противопоставлял бы другую, а именно ту модель, которой придерживалась историческая наука до начала кризисных процессов на Украине или же до распада Советского Союза, но скорее демонстрацией ее противоречивости, необоснованности, указанием на имеющиеся тупики, на те пункты в рассуждениях украинских историков, где они оказываются не в состоянии апеллировать к фактам, но лишь к идеологии. Может показаться, что автор действи-

тельно отстаивает определенную историческую модель – и так оно и есть, но только в силу того, что она представляется более доказательной, подкрепленной документами и фактами, более аргументированной, внутренне непротиворечивой, чем та, которая приходит ей на смену. Его апелляция – со стороны разума, апелляция противников – со стороны охватившей их страсти. Однако угнетение разума не может не вызывать боли, и потому мы видим, что книга П.П. Толочко пропитана глубоким чувством – это чувство страдания не только из-за того, что происходит с исторической наукой на Украине, но и из-за того, к каким плачевным результатам это изменение приводит. «В новых учебниках Украина представляется исключительно как жертва российского империализма, в течение более чем 300-летнего периода находившаяся на положении колонии, эксплуатируемой и притесняемой москалями, – сетует П.П. Толочко. – Стоит ли говорить, что эта ложь точно не во благо?! Ведь она формирует в обществе негативное историческое самосознание, воспитывает комплекс исторической неполноценности, неуверенности в собственных созидательных способностях. Ведь если не было успехов в прошлом, если бы несчастными украинцами не помыкал и не унижал их только ленивый, то какая может быть уверенность, что в будущем все будет по-другому? Так и прививается целому народу чувство социально-психологической несостоятельности» [Толочко 2018, 38–39].

В этих словах чувствуется боль не только за объективное исследование, но и за морально-психологические последствия прививаемой идеологической позиции. Во имя победы своей идеологии ненависти к России, во имя идеологии противопоставления истории Украины истории России, новые историки готовы пожертвовать сознанием исторической значимости украинского народа – только из-за того, что эта значимость неотделима от истории России и, в частности, это значимость в истории России. «Как же можно утверждать, что это была не наша история? Как можно говорить о колониальном статусе Украины? Где еще представители угнетенного народа имели такой доступ к управлению страной, становились канцлерами, министрами, сенаторами, крупными военачальниками и другими высокопоставленными чиновниками метрополии?» [Толочко 2018, 39] – удивляется П.П. Толочко, приведя длинный ряд достижений украинских деятелей в формировании российской государственности, в деле становления которой Россия и Украина действовали совместно, на равных, как полагает П.П. Толочко, приводя эти исторические факты.

Апелляция к разуму бессильна там, где действуют страсти. Но апелляция к разуму сама есть, как мы уже говорили, моральный акт, акт воли. Апелляция к разуму, аргументация, доказательство, объективное исследование – все это есть не только способ занимать отстраненную от жизненных свершений позицию. Со времен Сократа мы знаем, что в

ней заключено глубоко этическое требование – требование *справедливости*, ибо справедливость основана не на страстях, но на разуме, она требует объективности. «Справедливость» – одно из наиболее часто употребляемых в книге П.П. Толочко слов. Именно справедливости не достает исследованию, основанному лишь на страсти, – будь это страстная вера в свою идею или же страстное желание извлечь выгоду из текущей ситуации. И недостает ее именно потому, что здесь не предполагается внимание к аргументам, утверждение равенства позиций, соблюдение права свободы, права равенства, соблюдения тех, по сути своей, *демократических* принципов, которые лежат в основе науки, поскольку она зиждется не на вере во внеположную истину, а на сборе, анализе и сопоставлении фактов. «Знание – сила», – говорил некогда автор нового метода в научном исследовании Фрэнсис Бэкон, открывая тем самым путь к тому, чтобы воля к могуществу овладела миром. Она стала источником огромных свершений, покорения неведомых пространств и обретения совершенно новых знаний. Но все же силой является именно *знание* – собранное по крупицам и взвешенное на весах разума, подкрепленное строгими логическими процедурами. Просто сила, не следующая из знания, есть инструмент лишь только разрушения. Мы могли бы укорять знание за то, что оно претендует на силу и власть. Но все же, если знание дает нам силу, то сила, данная знанием, сама является надежнейшим оплотом справедливости. Если знание подчинено силе – то справедливость утрачена, и о том, чтобы выстроить что-то надежное на противоречивых и зыбких основаниях, можно навсегда забыть.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Толочко 2018 – Толочко П.П. Украина между Россией и Западом: историко-публицистические очерки / под науч. ред. А.С. Запесоцкого. – СПб.: СПбГУП, 2018.

REFERENCES

Tolochko P.P. (2018) *Ukraine between Russia and the West: Historical and Non-fiction Essays* (A.S. Zapesotsky, Ed.). Saint Petersburg: Saint Petersburg University of Humanities and Social Sciences (in Russian).

Рецензия на книгу:

А. С. Ключев. Сумма музыки. – СПб.: Алетеия, 2017

Х.П. Кротев

Американский университет в Болгарии, Благоевград, Болгария

Аннотация

Монография профессионального музыканта-пианиста и философа Александра Ключева «Сумма музыки» является фундаментальным трудом, в котором предпринята попытка объяснить суть музыки – то, что стоит «за нотами», то, о чем относительно мало говорится, но что определяет смысл этого искусства. Книга представляет собой изложение авторской концепции философии музыки и состоит из трех работ автора: «Музыка и жизнь: о месте музыкального искусства в развивающемся мире», «Онтология музыки» и «Музыка: путь к Абсолюту». К книге имеется Приложение, которое содержит фрагменты из работ о музыке выдающихся авторов XX–XXI вв.: К.Р. Эйгеса, Н.О. Лосского, А.Ф. Лосева, Т. Адорно, Н. Гартмана, Р. Ингардена, А. Шенберга и др. Мнения этих авторов, с одной стороны, подтверждают идеи А. Ключева, с другой стороны, авторитетнейшим образом их дополняют. Таким образом, можно говорить о представленном в труде А. Ключева своеобразном полилоге, предмет которого – музыка.

Ключевые слова: музыка, синергия, мир, человек, личность.

Кротев Христо Пенев – доктор музыки, профессор музыки Американского университета в Болгарии.

hristo@aubg.edu

https://orcid.org/0000-0003-1644-627X

Для цитирования: *Кротев Х.П.* Рецензия на книгу: *А. С. Ключев. Сумма музыки. – СПб.: Алетеия, 2017 // Философские науки. 2019. Т. 62. № 11. С. 154–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-154-159*

Book Review:

A.S. Klujev. *The Summa of Music*. Saint Petersburg: Aletheia, 2017

H.P. Krotev

American University in Bulgaria, Blagoevgrad, Bulgaria

Abstract

The professional pianist and philosopher Alexandr Klujev's book *The Summa of Music* is a fundamental work that sets a goal to comprehend the essence of music, to reveal the implicit that is "behind the notes," that is little discussed but that defines the meaning of this art. The book presents Klujev's concept of the philosophy of music and consists of his three works: "Music and life: on the place

of Musical Art in the Developing World,” “The Ontology of Music” and “Music: A Path to the Absolute.” There is an Appendix to the book, which contains fragments from works on music by prominent authors of the 20th and 21st centuries: K.R. Eiges, N.O. Lossky, A.F. Loseva, T. Adorno, N. Hartmann, R. Ingarden, Schönberg and others. The opinions of these authors, on the one hand, confirm and, on the other hand, complement the ideas of A. Klujev. Therefore, the book’s author creates a kind of polylogue on music.

Keywords: music, synergy, world, person, personality.

Hristo P. Krotev – Doctor of Music, Full Professor of Music, American University in Bulgaria.

hristo@aubg.edu

<https://orcid.org/0000-0003-1644-627X>

For citation: Krotev H.P. (2019) Book Review: A.S. Klujev. *The Summa of Music*. Saint Petersburg: Aletheia, 2017. *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 11, pp. 154–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-154-159

Монография Александра Клюева «Сумма музыки» является фундаментальным трудом, в котором предпринята попытка объяснить суть музыки – то, что стоит «за нотами», то, о чем относительно мало говорится, но что определяет смысл этого искусства.

Профессиональный музыкант-пианист, философ, а кроме того музыкотерапевт, автор предлагает труд, который отнюдь нельзя назвать продуктом деятельности «кабинетного» ученого. Этот труд – свидетельство глубочайшего погружения автора в предмет своего исследования.

Книга представляет собой изложение авторской концепции философии музыки и состоит из трех работ автора: «Музыка и жизнь: о месте музыкального искусства в развивающемся мире», «Онтология музыки» и «Музыка: путь к Абсолюту». К книге имеется Приложение, которое содержит фрагменты из работ о музыке выдающихся авторов XX–XXI вв.: К.Р. Эйгеса, Н.О. Лосского, И. Глебова (Б.В. Асафьева), А.Ф. Лосева, Ю.Н. Холопова, Г.А. Орлова, И.И. Земцовского, В.В. Медушевского, И.Ф. Стравинского, В.И. Мартынова, Т. Адорно, Н. Гартмана, Р. Ингардена, А. Шенберга и П. Булеза. Мнения этих авторов, с одной стороны, подтверждают идеи А.С. Клюева, с другой стороны, авторитетнейшим образом их дополняют. Следовательно, можно говорить о представленном в труде А.С. Клюева своеобразном *полилоге*, предмет которого – музыка.

Труд открывается работой А.С. Клюева «*Музыка и жизнь: о месте музыкального искусства в развивающемся мире*».

В коротком предисловии к этой работе автор делится с читателями событием, послужившим импульсом к ее написанию. Таким событием стало исполнение им фортепианной сонаты Бетховена ор. 31 № 1 (№ 16). Это исполнение побудило молодого пианиста задуматься о смысле и назначении музыки.

В первой главе этой книги «Что такое музыка?» автор предлагает свой ответ на поставленный в названии главы вопрос: «Музыка есть – звуковое отражение человека – мира/жизни» [Клюев 2017, 14]. При этом он подчеркивает, что предложенное определение музыки обусловлено тем, что ее образуют три звуковых уровня: предпредмузыка, предмузыка и собственно музыка, соответственно связанные с физической (неживой), биологической (живой) и человеческой (социальной) реальностью [Клюев 2017, 13].

Обозначив свое понимание музыки, автор переходит к рассмотрению различных ее проявлений. Этому посвящена вторая глава «Богатство и разнообразие музыки в мире».

В этой главе автор подробно анализирует различные аспекты музыки с учетом деления ее на *народную, профессиональную*, а также названную им *народно-профессиональной (джаз и рок)*.

После обстоятельного рассмотрения этих «свидетельств» музыки, заключающих в себе как подлинные, достойные, так и условные, сомнительные произведения, А.С. Клюев логично ставит вопрос: где грань, отделяющая музыку от немusикальной звуковой материи? Ответ на этот вопрос автор дает в третьей главе «Что такое хорошо и что такое плохо в музыке?».

Критерием подлинной (хорошей) музыки – музыкальных произведений – автор считает *качественную организацию музыкальных творений*, которая, по его мнению, *предопределяется личностью композитора и исполнителя* [Клюев 2017, 57].

В четвертой главе «Приобщенность человека к музыкальному искусству: что это означает?» автор рассматривает новый круг проблем, касающихся музыкального воспитания человека, формирования его музыкальной культуры. Это рассмотрение осуществляется им с учетом возрастного развития человека в динамике «дошкольник – школьник – взрослый».

В пятой главе «О возможностях музыки» автор, исходя из подобия строений – трихотомий музыки (предпредмузыка, предмузыка, собственно музыка) и человека (тело, душа, дух), анализирует воздействие музыки на человека. Автор трактует его как поэтапное воздействие музыкального звучания на три элемента человеческой психики, соответственно управляющие телом, душой и духом человека: *подсознание, сознание и сверхсознание* [Клюев 2017, 80].

В этой главе также чрезвычайно важны наблюдения автора о возможности воздействия музыки на живую и неживую природу.

В шестой главе «Перспективы развития музыкального искусства и совершенствования мира» автором выделяются семь направлений развития музыки: 1) появление новых технических средств в области создания и исполнения музыкальных сочинений; 2) дальнейшее движение в области взаимодействия всевозможных разновидностей музыкального искусства; 3) последовательное расширение звукового диапазона музыкального искусства; 4) все большее стремление музыки к взаимосвязи с другими искусствами; 5) усложнение музыкального языка; 6) все более активное включение в состав музыкальных произ-

ведений того, что традиционно является противоположным звучанию: тишины; 7) повышение роли личности композитора и исполнителя в музыкально-творческом процессе. Утверждается особая значимость последнего, седьмого, направления развития. Подчеркивается, что именно оно может способствовать совершенствованию мира.

Второй работой, вошедшей в книгу, является «*Онтология музыки*».

Первая глава этой работы «Онтологический/системно-эволюционный подход к анализу музыки» состоит из двух параграфов: § 1. Об онтологическом статусе искусства; § 2. Онтологическое пространство музыкального искусства.

В первом параграфе А.С. Клюев выдвигает важное положение: «наибольший эффект в постижении онтологического статуса искусства, а это значит, места искусства в структуре мира (мироздания), может быть достигнут если мир будет пониматься в его системно-эволюционном разворачивании» [Клюев 2017, 112–113]. Такое разворачивание, согласно Клеюеву, заключается в *последовательном обретении системами все большей надежности, устойчивости*.

Отмечая, что в настоящее время возможно различное теоретическое моделирование системно-эволюционного развития мира, автор предлагает свою модель такого развития в виде эволюционного движения систем: *природа – общество – культура – искусство*.

Во втором параграфе автор обращается к прояснению места музыкального искусства в искусстве (в целом) и на этом основании уточняет предложенную им модель эволюционного развития мира: *природа – общество – культура – искусство – музыка*.

Чрезвычайно важна мысль автора, утверждаемая им в первой главе: «Эволюционное движение мира в виде предъявленного нарастания: природа – общество – культура – искусство – музыка связано с эволюцией человека, выражающейся во все большей интеграции его подсознания, сознания и сверхсознания» [Клюев 2017, 119].

Глава заканчивается мыслью о том, что предложенное понимание места музыки в мире позволяет перейти к более детальному рассмотрению музыкального искусства, но для этого сначала необходимо осмыслить исторические представления об онтологических предпосылках музыки.

Во второй главе работы «Исторические опыты постижения онтологических основ музыки» автор рассматривает исторические суждения о музыке сквозь призму двух имевших место подходов к ее осмыслению: как отражения человека и как отражения мира (начиная с рассмотрения соответствующих идей в контексте второго подхода как наиболее древнего), что и предопределило наличие в главе двух параграфов: § 1. Музыка как модель мироздания и § 2. Музыкальное искусство в человеческом измерении.

Обобщив полученную информацию, автор переходит к непосредственному исследованию музыки как системы. Этому исследованию посвящена третья глава книги «Музыкальное искусство как система».

Глава состоит из трех параграфов: § 1. Внутреннее строение музыкального искусства; § 2. Механизм саморазвития музыкального искусства и § 3. Функции музыки.

В § 1 обозначаются элементы строения музыки. Этими элементами, как полагает автор, являются: *человек, мир, потребность эволюционирующего мира в музыке, а также – язык музыки* [Клюев 2017, 156]. Подчеркивается значимость человека как элемента музыки.

В § 2 на широком историческом фоне автор выявляет закономерности развития музыки и приходит к выводу, что *движущей силой этого развития выступает развитие человека*. Последнее приводит к возникновению личности, «расцветающей» в музыке.

В § 3 отмечаются различные функции музыки, при этом указывается главная – *совершенствующая*. Рассматривается проявление этой функции как в человеческой (социокультурной) реальности, так и в живой и неживой природе.

В результате проведенного в третьей главе анализа музыки как системы автор приходит к заключению, что системообразующим фактором музыки оказывается *музыкальное произведение*. На этом основании специально анализу музыкального произведения посвящена последняя, четвертая, глава книги «Музыкальное произведение – системорепрентирующее воплощение музыкального искусства». Глава состоит из двух параграфов: § 1. Параметры музыкального произведения и § 2. О взаимосвязи формы и содержания музыкального произведения.

Завершается триада книгой *«Музыка: путь к Абсолюту»*.

Эта книга является самой сложной и многоаспектной, поскольку касается разговора о музыке в необычном ракурсе – как средстве приведения человека к Абсолюту (Богу). Показательно, что Вступление к книге начинается с утверждения: «Человек – существо, стремящееся к Абсолюту» [Клюев 2017, 209]. Заявленное утверждение становится ядром всех последующих рассуждений автора.

В первой части «Искания Абсолюта» рассматривается исторически вечное стремление человека к Богу, его «острейшее желание обрести с Ним гармонию» [Клюев 2017, 211]. А.С. Клюев, разбирая особенности каждой исторической эпохи, убедительно показывает, что человек всегда стремился (хотя и различным образом) обрести гармонию с Богом. Автор выявляет роль музыки в качестве «помощницы» в достижении человеком гармонии с Высшим.

Во второй части «Тайнодействие» Клюев пытается ответить на вопрос: каким образом музыка способствует обретению человеком гармонии с Богом?

Начиная с прояснения дефиниции: «гармония – согласованность элементов в целом» [Клюев 2017, 211], автор обращает внимание на то, что эта согласованность не бывает завершенной, она постоянно развивается. Таким образом, «гармония – условие непрестанного развития любого явления, в конечном счете приводящего его к Богу» [Клюев 2017, 235]. Исходя из этого понимания, автор заключает, что «гармония человека с Богом есть гармония человека с самим собой –

единение его элементов: тела, души и духа» [Клюев 2017, 235]. Далее автор пытается показать, посредством чего достигается это единение.

Как полагает А.С. Клюев, такое единение достигается вследствие возрастания присутствующей в человеке *энергии*. Возрастая, энергия порождает *сознание*, а то, в свою очередь, – *личность человека*. Личность человека, постоянно накапливая энергию (расширяясь), достигает *Личности Бога*. Происходит это потому, что «Личность Бога, обладающая большей (несравненно большей!) энергией, притягивает личность человека, обладающего меньшей энергией» [Клюев 2017, 241]. Такое воздействие, считает Клюев, по существу, является суггестией. А далее автор отмечает: «Единение личности человека и Личности Бога ведет к единению человека и Бога, показателем которого оказывается целостность человека» [Клюев 2017, 242].

Музыка способна формировать целостность человека. Таким образом, утверждает А.С. Клюев, «обеспечивая целостность человека, музыка открывает ему Бога» [Клюев 2017, 251].

В последней, третьей, части «Встреча» обстоятельно рассматриваются существующие сегодня на Востоке, на Западе и в России технологии задействия музыки с целью обретения человеком целостности, а значит, сопряжения его с Богом – Абсолютом.

В конце заключающей триаду книги Клюев разъясняет смысл и конечное предназначение указанного сопряжения: «Сопряжение, Союз с Абсолютом имеет для человека первостепенное значение. Этот Союз означает обретение человеком Мощнейшей Силы, способной преодолеть все, что ведет к угасанию, увяданию, гибели. Иными словами, Союз человека с Абсолютом означает обретение человеком Жизни, способной преодолеть Смерть. А что такое Жизнь, преодолевающая Смерть? – Бессмертие!» [Клюев 2017, 316].

Завершая рецензию, хочется отметить широчайшую эрудицию А.С. Клюева и тщательную проработку им огромного количества источников по проблематике исследования (включая Православную литературу). Опираясь на замечательно изученный и осмысленный им материал, А.С. Клюев выстраивает свою грандиозную конструкцию бытия музыки.

Книга рекомендуется тем, кто профессионально занимается музыкой – композиторам, исполнителям, музыковедам, преподавателям музыки, студентам консерваторий и других вузов, где изучается музыка, а также всем, проявляющим серьезный интерес к музыке.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Клюев 2017 – Клюев А.С. Сумма музыки. – СПб.: Алетейя, 2017.

REFERENCES

Klujev A.S. (2017) *The Summa of Music*. Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).

Журнал издается с 1992 года.
Периодичность — 11 номеров в год.
Распространяется в регионах России,
в СНГ и за рубежом.

Главный редактор:
Сапунов Михаил Борисович

Редакция:
Тел.: (499) 976 07 46
E-mail: vovrus@inbox.ru, vovr@bk.ru
<http://vovr.elpub.ru>
127550, г. Москва,
ул. Прянишникова, д. 2а

Подписные индексы:
«Роспечать» — 73060, 82521
«Пресса России» — 16392, 83142

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ

научно-педагогический журнал

«Высшее образование в России» — ежемесячный межрегиональный научно-педагогический журнал, публикующий результаты фундаментальных, поисковых и прикладных трансдисциплинарных исследований наличного состояния высшей школы и тенденций её развития с позиций педагогики, социологии и философии образования.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий (2018), в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 09.00.08 — Философия науки и техники (философские науки),
- 09.00.11 — Социальная философия (философские науки),
- 13.00.01 — Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки),
- 13.00.02 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки),
- 13.00.08 — Теория и методика профессионального образования (педагогические науки),
- 22.00.04 — Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки),
- 22.00.06 — Социология культуры (социологические науки)

Пятилетний импакт-фактор журнала (без самоцитирования) в РИНЦ составляет 1,124; показатель Science Index — 1,252.

Дорогие читатели и авторы! Призываем оформить подписку на журнал «Высшее образование в России».
Светлое будущее нашего издания зависит от вас!

Цели и задачи

«Философские науки» — ежемесячный рецензируемый научный журнал, публикующий статьи на русском и английском языках. Журнал был учрежден в 1958 г. как научное образовательное просветительское издание для системы отечественного образования. Статьи журнала посвящены как традиционным, классическим философским темам, так и актуальным проблемам современности и перспективам социокультурного и цивилизационного развития человечества.

Aims and Scope

Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki is a peer-reviewed monthly journal published in Russian and English languages. The journal was founded in 1958 as a scientific and educational periodical for the educational system. The papers of the journal are dedicated to classical problems of philosophy as well as to important issues of the modernity and prospects of sociocultural and civilizational development of humankind.

С условиями публикации материалов в журнале и порядком рецензирования статей можно ознакомиться на сайте:
<https://www.phisci.info/jour/about/submissions#authorGuidelines>

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» — 45490

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77 — 15513 от 20 мая 2003 г.

Подписано в печать 15.10.2019 г. Формат 60х90/16. Печать цифровая.

Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в типографии Издательского дома «Гуманитарий».

E-mail: humanist@academyrh.info